

КРАСНЫЕ МОРЕЯ *под* КРАСНЫМИ НЕБЕСАМИ

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

СВЕЖО, ОРИГИНАЛЬНО,
КРАЙНЕ ЗАНИМАТЕЛЬНО —
И ВЕЛИКОЛЕПНО ИСПОЛНЕНО.

ДЖОРДЖ МАРТИН

СКОТТ ЛИНЧ

Звезды новой фэнтези

СКОТТ Линч

**Красные моря под
красными небесами**

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Линч С.

Красные моря под красными небесами / С. Линч — «Азбука-Аттикус», 2007 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-12435-6

«Свежо, оригинально, крайне занимательно – и великолепно исполнено» (Джордж Мартин). Приключения «благородного канальи» Локка Ламоры продолжаются. Теперь судьба привела его в далекие моря и заставила ходить под черным парусом. Что не самым удачным образом совпадает с кульминацией многолетней аферы – ограбить легендарный игорный дом, где каждую ночь на кон ставятся целые состояния; игорный дом, хозяина которого до дрожи боятся и жестокие бандиты, и власть имущие. Но у вольнонаемных магов далекого Картена свои планы... В новом переводе – продолжение одного из самых ярких фэнтези-дебютов последних лет.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-12435-6

© Линч С., 2007
© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

Пролог	7
Часть I	9
Глава 1	10
Реминисценция	32
Глава 2	45
Реминисценция	61
Глава 3	67
Реминисценция	79
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Скотт Линч

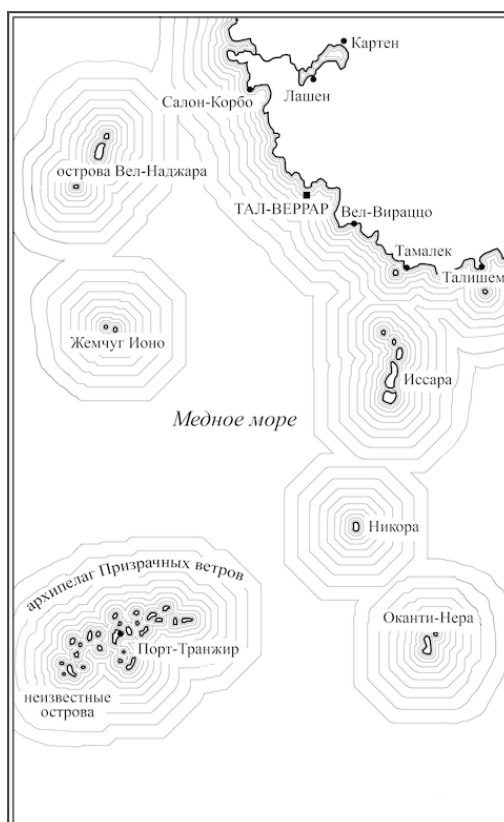
Красные моря под красными небесами

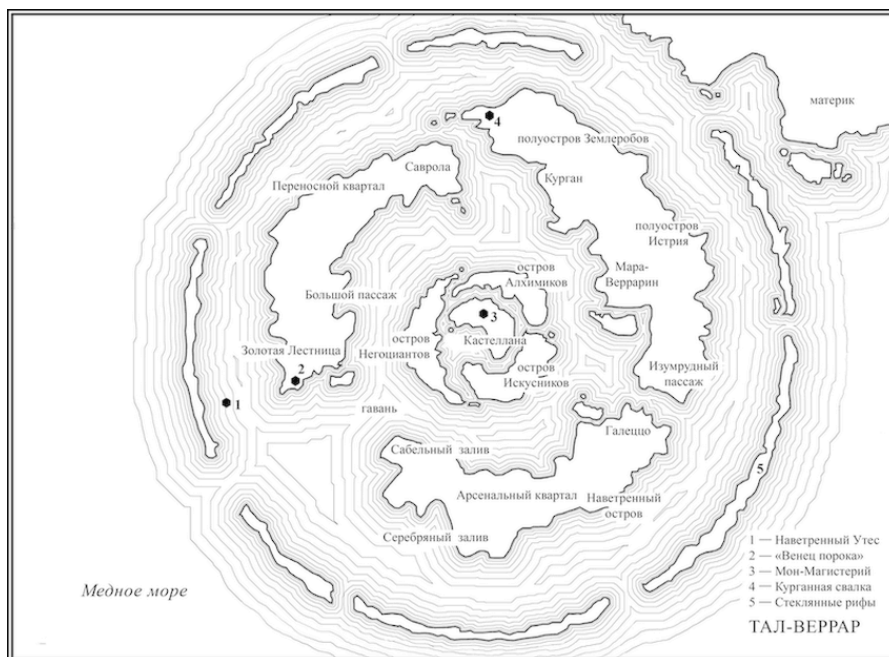
© А. Питчер, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Мэтью Вудрингу Стоверу, дружественному
паруснику на горизонте.*

Non destiti, nunquam desistam¹

¹ Никогда и ни за что не сдавайся (лат.).

Пролог

Принужденный разговор

Локк Ламора стоял на причале Тал-Веррара; в спину жарко дышал горящий корабль, горло холодило жало арбалетной стрелы.

Локк ухмыльнулся, стараясь держать арбалет вровень с левым глазом противника; стояли они так близко, что лишь пальцем шевельни – зальют друг друга своей кровью с головы до ног.

– Вы же понимаете, что оказались в весьма неблагоприятном положении, – сказал человек навстречу; по его закопченному лбу и щекам медленно сползали капли пота, оставляя светлые полосы на коже.

– Будь у вас глаза железные, тогда другое дело, – приснул Локк. – А так – мы все в одинаковом положении. Правда, Жан?

Они стояли на причале парами, двое против двоих: Локк бок о бок с Жаном, их соперники напротив. Жан и его противник тоже замерли впритык, нацелив друг на друга заряженные арбалеты; четыре холодных стальных жала подрагивали на арбалетных ложах в непосредственной близости от четырех голов – тут хочешь не хочешь, а занервничаешь. С такого расстояния никто не промахнется, будь то по велению небес или по воле преисподней.

– Похоже, нас всех затянуло в зыбучие пески по самое не могу, – сказал Жан.

У пристани кряхтел и потрескивал старый галеон – ревущие языки пламени пожирали его изнутри и, вырываясь наружу, превращали ночь в ясный день на сотни ярдов вокруг; корпус корабля перечеркивали широкие огненные разломы; из раскаленных щелей в расходящихся досках обшивки веяло адским жаром и время от времени вырывались черные клубы дыма, будто громадный деревянный зверь в страшных мучениях выпускал предсмертные вздохи. Зарево привлекало внимание всех жителей города, но четверо противников на причале пребывали в отрешенном уединении.

– Ради всех богов, опусти арбалет, – сказал противник Локка. – Нам вас убивать без надобности не велено.

– А если бы и велено, ты бы мне так и признался как на духу? – Локк расплылся в улыбке. – Видишь ли, тем, кто мне оружие к горлу приставляет, у меня веры нет, ты уж прости.

– У тебя рука дрогнет раньше, чем у меня.

– Как устану, упру кончик стрелы тебе в нос. Кто вас послал? Сколько вам платят? Мы люди состоятельные, с нами легко по-хорошему договориться.

– Между прочим, – сказал Жан, – я знаю, кто их послал.

– Да неужели? – Локк мельком скосил на него глаза и снова уставился на противника.

– И договорились уже, правда не то чтобы по-хорошему.

– Погоди, что-то я тебя не пойму...

– То-то и оно... – Жан предостерегающим жестом поднял раскрытую ладонь, медленно повернулся влево и наставил арбалет на Локка.

Противник Жана удивленно заморгал.

– То-то и оно, дружок... – сказал Жан. – А пора бы понять...

Улыбка исчезла с лица Локка.

– Жан, это не смешно, – произнес он.

– Согласен. Отдай мне арбалет.

– Жан...

– Давай его сюда, живо! А ты, придурок, не тычь мне стрелой в морду, лучше вот его на прицел возьми.

Бывший противник Жана нервно облизал губы, но не шелохнулся.

Жан скрипнул зубами:

– Эй ты, портовое отродье, мартышка безмозглая! У тебя что, мочало в голове? Я ради тебя стараюсь. Бери на прицел моего проклятого дружка, нам давно пора отсюда сматываться!

– Послушай, такого поворота событий мы не предусматривали... – начал Локк, собираясь развить мысль, но тут противник Жана наконец-то решил последовать полученному совету.

Пот ручьями заструился по лицу Локка, будто влага хотела побыстрее испариться, пока с бранным телом не случилось чего похуже.

– Ну вот, трое против одного. – Жан сплюнул на причал. – Из-за тебя мне заранее пришлось договариваться с человеком, который нанял этих господ. Видят боги, ты меня вынудил. Каюсь, виноват. Я надеялся, что они знак подадут, прежде чем брать нас на прицел. Не тяни, отдай арбалет.

– Жан, да что ты...

– Молчи. Ни слова больше. Рта не раскрывай и даже не пытайся меня уболтать. Я тебя слишком хорошо знаю, поэтому разговаривать тебе не позволю. Молчи, кому говорят! Палец с крючка сними и давай сюда арбалет.

Локк, ошеломленно разинув рот, уставился на стальной наконечник стрелы. Мир внезапно сжался до яркой точки пылающего острия, на котором плясали отражения адского зарева, полыхавшего за спиной.

– Не может быть... – выдохнул Локк. – Я...

– В последний раз предупреждаю, – сквозь зубы выдавил Жан, наставив свой арбалет Локку в переносицу. – Убери палец с крючка и давай сюда проклятую штуковину. Ну, кому говорят!

Часть I

Карты на руках

Прежде чем вступить в игру, уясни для себя три вещи: правила, ставки и урочный час.

Китайская пословица

Глава 1

Маленькие хитрости

1

Играли в лихую карусель, на кону стояла примерно половина их богатств, а горькая правда заключалась в том, что из Локка Ламоры и Жана Таннена вытряхивали деньги, как пыль из старых ковров.

– Последнее предложение в пятом круге, – объявил крупье в бархатном камзоле с вышненья у круглого стола. – Господа, не желаете ли поменять карты?

– Нет-нет, господа желают посоветоваться, – ответил Локк, склонился влево, к самому уху Жана, и еле слышно прошептал: – У тебя что?

– Иссохшая пустыня, – произнес Жан, небрежно прикрыв рот правой рукой. – А у тебя?

– Бесплодная пустошь.

– Вот досада.

– Мы что, молитв давно не возносили? Или кто-то из нас в храме пернул?

– Так ведь проигрыш входил в наши планы.

– Верно, но проигрывать нужно с умом, а не бестолково.

Крупье предупредительно кашлянул, поднеся к губам пальцы левой руки, что за карточным столом было равносильно подзатыльнику. Локк выпрямился, легонько пристукнул картами по лаковой столешнице и, изобразив самую многозначительную ухмылку из своего обширного запаса гримас, с трудом подавил невольный вздох: гряда деревянных фишек в центре стола вот-вот совершит короткое путешествие к соперникам.

– Разумеется, свою участь мы встретим с невозмутимостью, подобающей истинным героям, чья доблесть удостоится пристального внимания историков и поэтов.

Крупье кивнул:

– Дамы и господа отказались от последнего предложения. Прошу предъявить карты.

Четверо игроков зашевелились, с шорохом сбрасывая и перекладывая карты, и наконец выложили на стол окончательные карточные комбинации, рубашкой вверх.

– Превосходно, – провозгласил крупье. – Открывайте ваши карты, дамы и господа.

Шестьдесят, а то и все семьдесят богатых веррарских бездельников, не желая упускать из виду мельчайших подробностей очередного унижения Локка и Жана, дружно придвинулись поближе к столу.

2

Тал-Веррар, Роза Богов, находится на западной окраине цивилизованного мира, известного народам Терины.

Если зависнуть в разреженном воздухе в тысяче ярдов над самой высокой башней Тал-Веррара или лениво воспарить над городом, как стаи чаек, что гнездятся в ущельях и на крышах домов, то станет понятно, почему с глубокой древности город-архипелаг известен под таким названием: он представляет собой огромную расширяющуюся спираль, витки которой состоят из полукруглых, последовательно увеличивающихся темных островов, похожих на стилизованные мозаичные лепестки.

В отличие от материка, смутно вырисовывающегося в нескольких милях к северо-востоку, острова – не творение природы. Прибрежные скалы и утесы материка покрыты отме-

тинами неумолимого времени, испещрены следами ветров и дождей, а острова Тал-Веррара пребывают в первозданном совершенстве, не подвластные ни течению лет, ни погоде. Они сотворены из черного стекла Древних – неимоверное число стеклянных пластов, рассеченных извилистыми проходами и припорошенных тонким слоем земли и щебенки, на котором и вырос город людей.

Розу Богов окружает еще одно творение неведомых мастеров – прерывистое, диаметром в три мили, кольцо рифов, зыбкой тенью чернеющих под темными волнами; этот невидимый барьер сдерживает яростные набеги неистового Медного моря, пропуская корабли под флагами сотен королевств, держав и княжеств в гавань, где в густом лесу мачт, тянувшихся в небо, там и сям белеют свернутые паруса.

На самом западном острове внутренний изгиб полумесяца представляет собой крутой черный обрыв в сотни футов высотой, где у подножья волны гавани тихо плещут о деревянные причалы, а внешний изгиб, выходящий в море, по всей длине покрыт уступами – шесть ровных широких ярусов, перемежаемые пятидесятифутовыми отвесными стенами, гигантскими ступенями поднимаются к вершине острова.

Южная оконечность острова носит название Золотая Лестница – на каждом из шести уровней полным-полно таверн, игорных притонов, частных клубов, борделей, бойцовых арен и прочих заведений для развлечения публики. Среди теринских городов-государств Золотая Лестница считается игорной столицей, местом, где можно растратить деньги на что угодно, будь то невинные забавы или омерзительные, преступные извращения. Веррарские правители, проникнувшись духом гостеприимства, ввели для Золотой Лестницы строгий запрет на захват чужестранцев в рабство, а потому остров стал единственным местом к западу от Каморра, где путники, упившись допьяна, спокойно отсыпались в садах и канавах.

Устройство Золотой Лестницы строго иерархично: чем выше уровень, тем роскошнее заведение и тем большее число суровых стражей вовлечено в его охрану. На самой вершине Золотой Лестницы высится десяток причудливых особняков из старого камня и ведьмина дерева, утопающих в пышной, влажной зелени ухоженных садов и парков.

Это чертоги удачи – игорные заведения для знати, частные клубы, где богачи вольны тратить деньги по своему усмотрению, разумеется в пределах доступных им средств. Здесь испокон века вершатся судьбы мира: аристократы, чиновники, негоцианты, купцы и торговцы, капитаны кораблей, почтенные прелаты и тайные осведомители ставят на кон не только личные состояния, но и свои обширные связи, политический капитал.

Чертоги удачи оборудованы всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. Знатных особ встречают на отдельном причале у подножья отвесных скал внутренней гавани и почти что усаживают в роскошную кабину подъемника, которая при помощи сверкающего медью водяного двигателя возносит гостей к вершине, дабы избавить их от необходимости взбираться вместе с толпами обычных посетителей по узким извилистым дорогам пяти нижних ярусов на внешней, обращенной к морю дуге острова. В самом центре верхнего уровня раскинулась широкая лужайка с аккуратно подстриженной травой – площадка для дуэлей, где и хладнокровные игроки, и неосмотрительные безумцы одинаково полагались не на удачу, а на умение владеть оружием.

Чертоги удачи неприкосновенны. По освященной веками традиции, соблюдаемой пуше любого закона, городским стражам порядка воспрещалось – за весьма редкими исключениями – расследовать преступления, совершенные на территории этих игорных заведений. На материке о них рассказывают с завистливым восхищением – даже самые привилегированные клубы, славящиеся элегантною роскошью, не в состоянии воссоздать дурманящую атмосферу веррарских чертогов удачи, которые, в свою очередь, меркнут перед самым знаменитым игорным домом Золотой Лестницы – «Венцом порока».

«Венец порока», башня в сто пятьдесят футов высотой из стекла Древних, рвется в небо с южной оконечности верхней ступени Золотой Лестницы, в двухстах пятидесяти футах над гаванью. Гладкие стены башни отливают черным перламутром, а каждый из девяти этажей окружен широким балконом, где мерцают алхимические шары-светильники, озаряя ночь сиянием ярко-алых и сумеречно-синих огней – геральдическими цветами Тал-Веррара.

«Венец порока» – самый известный, самый привилегированный и самый охраняемый чертог удачи в мире – открыт с заката до рассвета для избранных счастливицов, и прозорливые швейцары почтительно распахивают двери перед обладателями власти, богатства или красоты. Чем выше этаж «Венца порока», тем пышнее роскошь, тем знатнее и богаче посетители, тем рискованнее игра. Попасть на следующий уровень непросто; эту честь надо заслужить размером кошелька, изысканной эксцентричностью манер, а главное – безупречным и блистательным мастерством в игре. Многие посетители годами спускают тысячи соларов, безуспешно стараясь привлечь внимание хозяина заведения, всевластного и беспощадного вершителя судеб.

Неписанные правила поведения в «Венце порока» соблюдаются с большим тщанием, чем религиозные заповеди. Вкратце они сводятся к одному: любой обман в заведении карается смертью. Если бы архонта Тал-Веррара поймали с картой в рукаве, то сами боги не спасли бы его от наказания. Служители заведения неукоснительно пресекают любые попытки обойти эти правила, а потому нередко случаи трагических смертей – кто выпускает последний вздох в собственной карете, якобы от чрезмерного увлечения алхимическими снадобьями, кто, будто бы по неловкости оскользнувшись на балконе девятого этажа, встречает бесславную кончину на каменных плитах у подножья башни.

Локку Ламоре и Жану Таннену пришлось обзавестись новыми личинами и потратить два года всевозможных ухищрений ради того, чтобы добраться до пятого этажа «Венца порока».

Исхищрялись они и сейчас, отчаянно стараясь ничем не выдать своего умения и держаться вровень с соперниками, которым никаких усилий прилагать не приходилось.

3

– У дам последовательный набор шпилей и набор сабель до печати Солнца, – объявил крупье. – У господ – последовательный набор кубков и смешанная комбинация с пятеркой кубков. В пятом туре побеждают дамы.

В душном зале раздались аплодисменты. Локк закусил губу: дамы выиграли четыре тура из пяти, а единственной победы их противников зрители даже не заметили.

– Тьфу ты! – притворно, но весьма убедительно вздохнул Жан.

Локк повернулся к сопернице справа. Маракоза Дюренна, стройная смуглянка лет сорока, с волосами как черный дым и рубцами шрамов на шее и предплечьях, держала в правой руке длинную черную сигару, обвитую золотой ленточкой-бандеролью; по сжатым губам скользнула отрешенная улыбка – еще бы, особого умственного напряжения игра не требовала.

Лопаткой с длинной ручкой крупье пододвинул к дамам горку деревянных фишек, проигранных Локком и Жаном, а затем той же лопаткой сгреб к себе все карты со стола – игрокам запрещалось прикасаться к картам после окончания тура.

– Что ж, госпожа Дюренна, примите мои поздравления в связи со все улучшающимся состоянием ваших финансов. Деньги устремляются в ваш кошелек быстрее, чем хмель – в меня, – сказал Локк, рассеянно перекатывая по костяшкам правой руки фишку (крохотный деревянный кружок стоил пять соларов – заработок поденщика за восемь месяцев тяжелого труда).

– Весьма сожалею, что вам выпал такой неудачный расклад, господин Коста. – Дюренна глубоко затянулась сигарой и так искусно выдохнула дым в сторону противников, что струйка, повисшая в воздухе между Локком и Жаном, не выглядела прямым оскорблением.

Локк сознавал, что сигарный дым Дюренна использовала в качестве так называемого *страт-пти* – «маленькой хитрости»; за игорным столом любой отвлекающий маневр – какая-нибудь невинная с виду привычка или якобы произвольный жест – вынуждал соперника делать ошибки. Жан и сам хотел использовать сигары в этих целях, но у Дюренны получалось намного лучше.

– С такими очаровательными соперницами ни один расклад неудачным не назовешь, – сказал Локк.

– Мужчина, сохраняющий способность к откровенной лести даже тогда, когда его обрали до последней серебряной монетки, почти достоин восхищения, – заметила соседка Дюренны, сидевшая справа от нее, близ крупье.

Измила Корвальер статью не уступала Жану; румяная, дородная, с преувеличенно женственными формами и соблазнительными округлостями во всех подходящих местах, она была весьма привлекательна, однако во взгляде ее сквозило презрительное превосходство, коим часто грешат люди чрезвычайно умные и проницательные. Вдобавок Локк заметил в ней дерзкую уверенность уличного забияки, привыкшего побеждать в жестоких драках. Госпожа Корвальер постоянно извлекала из золоченой серебряной бонбоньерки вишни, обсыпанные шоколадной крошкой, и, смачно причмокивая, облизывала пухлые пальцы. Разумеется, это и был ее *страт-пти*.

«Корвальер будто нарочно создана для лихой карусели: расчетливый ум картежника и тело, способное выдержать специфическое наказание за проигрыш», – подумал Локк.

– Штраф, – объявил крупье и нажатием рычага запустил карусель в центре стола – многоярусное сооружение из медных подносов, уставленных рядами миниатюрных стеклянных фиалов, закупоренных серебряными крышечками.

Сверкающая карусель кружилась все быстрее; приглушенное сияние светильников игорного зала превратило ее в размытое золотистое пятно, исчерченное серебристыми полосами. Защелкали невидимые механизмы; тоненько звякнуло толстостенное стекло, и на стол выкатились два фиала, остановившись напротив Локка и Жана, у самого бортика столешницы.

В лихую карусель обычно играли парами, двое против двоих. Играли по-крупному, ведь механизм карусели обошелся «Венцу порока» недешево. В конце каждого тура проигравшим доставались фиалы, волею случая отобранные из необъятных запасов карусели и наполненные хмельными напитками различной крепости, которую маскировали всевозможными пряными добавками и сладкими фруктовыми соками. Строго говоря, карточные партии были лишь частью игры; игрокам требовалось сохранять ясность ума под все возрастающим воздействием пьянящего зелья. Игру оканчивали лишь в том случае, если один из игроков, захмелев, не мог продолжать.

Считалось, что в лихой карусели невозможны ни обман, ни подлог. Управляли механизмом служители заведения, они же подготавливали фиалы, серебряные крышечки которых для верности запечатывали воском. Игрокам не позволяли прикасаться ни к самой карусели, ни к фиалу партнера – тех, кто нарушал это незыблемое правило, немедленно объявляли проигравшими. Шоколад и сигары тоже поставляли из запасов заведения. Впрочем, Локк и Жан имели право запретить госпоже Корвальер лакомиться вишней в шоколаде, однако делать этого не стали – по многим причинам.

– Что ж, выпьем за тех, кто умеет очаровательно проигрывать, – изрек Жан, ломая восковую облатку на серебряной крышечке.

– Вот бы нам таких найти, – добавил Локк.

Фиалы приятели опустошили одновременно. Локку досталась забористая сливовая наливка; горло обволокло приторным теплом. Он со вздохом поставил на столешницу опустевший фиал – уже четвертый. Перед соперницами стояло всего по одному пузырьку. Ясность ума начинала понемногу исчезать, сознание туманилось.

Крупье перетасовал колоду для следующего тура. Госпожа Дюренна снова удовлетворенно затянулась сигарой, небрежно стряхнула пепел в золотую чашу справа и, лениво выпустив из ноздрей серое облако дыма, уставилась на карусель сквозь плотную дымовую завесу. «Дюренна – настоящая хищница, любит засады устраивать», – подумал Локк. По его сведениям, в городе она обосновалась недавно, но уже успела заслужить репутацию ловкого дельца. Прежде она была капитаном корсарского судна, захватывала и топила корабли джеремских работорговцев, так что шрамы свои заработала не на светских приемах.

Догадайся она, что Локк и Жан намерены выиграть, по излюбленному выражению Локка, «блистательно оригинальным, хотя и совершенно неприметным способом», то приятелям пришлось бы так худо, что лучше уж проиграть по-честному или быть пойманным на мошенничестве; служители «Венца порока» – люди занятые, свое дело знают, и смерть будет быстрой.

– Погодите, – сказала госпожа Корвальер крупье. – Маракоза, господам вот уже который раз выпадают исключительно неудачные карты. Пожалуй, стоит ненадолго прервать игру.

Локк едва сдержал восторженную дрожь: те, кто занимал выигрышное положение в лихой карусели, имели право предложить соперникам кратковременную передышку, однако такое, по вполне понятным причинам, случалось чрезвычайно редко – ведь тогда проигравшие получали возможность несколько протрезветь. В чем дело? Неужели это попытка отвлечь внимание от какой-то бреши в заведомо неуязвимой позиции?

– Господа наверняка выбились из сил, раз за разом пересчитывая фишки и передвигая их нам. – Дюренна снова с наслаждением затянулась сигарой, лениво выпустила клуб дыма. – Вы нас премного обяжете, господа, ежели ради удовлетворения нашего каприза согласитесь отдохнуть от трудов. Развеетесь, соберетесь с мыслями...

Ах, вот оно что. Локк с милой улыбкой оперся локтями о столешницу. Соперницы играли на публику, откровенно глумясь над противником и выражая полную уверенность в своей победе. С точки зрения светского этикета этот учтивый словесный выпад был равносителен клинку, приставленному к горлу. Отказать дамам правила приличия не позволяли, а потому ответить требовалось вежливо, но с достоинством.

– Игра с превосходным соперником лучше любого отдыха, – сказал Жан.

– Помилуйте, господин де Ферра, не давайте повода обвинить нас в бессердечии, – ответила госпожа Дюренна. – Вы же не стали возражать против наших маленьких слабостей... – Она указала дымящейся сигарой на бонбоньерку госпожи Корвальер. – Неужели вы не уступите нашему вполне объяснимому желанию оказать вам ответную любезность?

– Мы готовы на любые уступки, госпожа Дюренна, однако же больше всего нам хотелось бы удовлетворить ваше истинное желание, ради которого вы и извоили сегодня почтить нас своим присутствием. Умоляю вас, давайте продолжим игру.

– Тем более что мы ее только-только начали, – добавил Локк. – Мы будем глубоко уязвлены, если выяснится, что наше поведение доставило дамам неудобство. – Он многозначительно взглянул на крупье.

– До сих пор вы нам ни малейшего неудобства не доставили, – мило промолвила госпожа Корвальер.

К неудовольствию Локка, все гости заведения проявляли чрезмерное любопытство к этому обмену любезностями. Соперницы Локка и Жана пользовались в Тал-Верраре заслуженной репутацией лучших игроков в лихую карусель. Игорный зал на пятом этаже «Венца порока» был полон, однако же, вместо того чтобы вести игру за другими столами, посетители,

будто негласно сговорившись с хозяевами заведения, с пристальным интересом следили за происходящей бойней.

– Если вы настаиваете, то и мы не будем возражать, – сказала Дюренна. – Что ж, продолжим игру. Может быть, вам улыбнется удача.

Окончание словесной перепалки не принесло Локку особого облегчения; соперницы по-прежнему намеревались вытрясти из приятелей все деньги, как кухарка вытряхивает куль зачервивевшей муки.

– Шестой тур, – возвестил крупье. – Первая ставка – десять соларов.

Игроки сдвинули по две деревянных фишки на середину стола. Крупье раздал каждому по три карты.

Госпожа Корвальер, отправив в рот очередную вишенку, жеманно слизнула с пальцев шоколадную крошку. Жан, прежде чем потянуться за картами, левой рукой с нарочитой небрежностью поправил отворот камзола и едва заметно шевельнул пальцами, будто почесываясь. Немного погодя Локк повторил его жест. Госпожа Дюренна выразительно закатила глаза: партнеры имели право подавать друг другу знаки, но делать это полагалось с большей изощренностью.

Дюренна, Локк и Жан одновременно взглянули на свои карты; Корвальер чуть замешкалась – влажные пальцы еще не просохли, – а потом негромко рассмеялась. Ей и впрямь повезло или это очередной *страт-пти*? Выглядела она весьма довольной, однако Локк подозревал, что это выражение лицо ее сохраняет даже во сне. Жан сидел с невозмутимой миной. Локк натянуто улыбнулся, хотя полученные три карты ничего особенного собой не представляли.

В дальнем конце зала виднелся изгиб широкой лестницы с бронзовыми перилами, ведущей на шестой этаж. У ступеней замер дюжий охранник, преграждая вход на лестничную площадку и дальше, в галерею. Краем глаза Локк заметил какое-то движение в сумраке галереи: там, полускрытый тенью, стоял какой-то худощавый человек в изысканном костюме. В золотистом сиянии светильников блеснули стекла очков. Локк едва не вздрогнул от возбуждения.

Неужели... Локк притворно погрузился в изучение карт, украдкой поглядывая на незнакомца. Блики на стекле не шелохнулись – неизвестный пристально смотрел на игроков.

Наконец-то Локк с Жаном привлекли – скорее всего, по чистой случайности, но и за это следует возблагодарить богов – внимание человека, занимавшего кабинет в девятом этаже. Владелец «Венца порока», тайный повелитель всех воров Тал-Веррара обладал неоспоримой властью над миром преступников и над миром привилегированных особ. В Каморре он носил бы титул *капа*, но здесь чины и титулы ему были без надобности, хватало и одного имени.

Реквин².

Локк, чуть слышно кашлянув, поглядел на карты и приготовился с честью проиграть очередной тур. За окнами, над темным морем, разнесся мелодичный звон судовых колоколов, возвещаая десятый час вечера.

4

– Восемнадцатый тур, – объявил крупье. – Первая ставка – десять соларов.

Локк дрожащей рукой отодвинул в сторону одиннадцать фиалов и подтолкнул две фишки к центру стола. Госпожа Дюренна, неколебимая, как судно в сухом доке, потягивала сигару – четвертую за вечер. Госпожа Корвальер, раздумываясь чуть больше обычного, слегка покачивалась в кресле. Локк, напряженно следивший за тем, как она делает ставку, решил, что это у него от выпитого все плывет перед глазами, и предпринял очередную попытку расслабиться. Близилась полночь. От духоты прокуренного игорного зала щипало веки и першило в горле.

² Requin (*фр.*) – акула.

Крупье, по-прежнему бесстрастный и точный, как механизм карусели, сдал Локку три карты. Локк заложил пальцы за отворот камзола, посмотрел на карты и с деланным удовольствием вздохнул:

– Ах!

Карты оказались препаршивейшими; наихудшая раздача за сегодняшний вечер. Локк поморгал, потом сощурился, – может быть, ему с пьяных глаз мнится, а на самом деле карты отличные? Увы, как он ни вглядывался, карты оставались бросовыми.

В предыдущем туре дамам наконец-то пришлось выпить, но если только у Жана, сидевшего по левую руку от Локка, чудесным образом не окажется превосходной комбинации, то вскоре к подрагивающим пальцам Локка весело подкатится очередной фиал.

«За восемнадцать туров мы проиграли девятьсот восемьдесят соларов...» – рассеянно думал Локк. Захмелевший мозг вершил путаные вычисления: за год такую сумму знатный господин тратит на наряды; за эти деньги можно купить небольшой корабль или внушительный особняк; столько зарабатывает за всю жизнь честный ремесленник, какой-нибудь каменщик... А не притвориться ли каменщиком?

– Первый прикуп.

Голос крупье заставил Локка вернуться к игре.

– Карту, – сказал Жан.

Крупье сдал ему карту. Жан посмотрел на нее, кивнул и сдвинул одну деревянную фишку в центр стола:

– Повышаю.

– Ну, берегитесь, – сказала госпожа Дюренна и подтолкнула к центру стола две фишки. – Раскрываюсь партнеру, – добавила она, показывая две карты госпоже Корвальер, которая не смогла сдержать улыбки.

– Карту, – сказал Локк.

Крупье сдал ему карту.

Локк чуть приподнял уголок, вгляделся: двойка кубков, толку от нее – что шелудивый пес насрал.

– Повышаю, – с натянутой улыбкой произнес Локк, подталкивая к центру стола еще две фишки. – Воистину, боги мне благоволят.

Все выжидающе уставились на госпожу Корвальер, которая, просмаковав еще одну вишенку из изрядно опустевшей бонбоньерки, торопливо лизнула пальцы.

– О... о-го-го... – пробормотала она, легонько барабана липкими пальцами по столу. – М-м-мара... к-к-о-о-о-за... не понимаю... – и внезапно ткнулась головой в груды деревянных фишек.

Карты посыпались на стол, переворачиваясь лицевой стороной, и госпожа Корвальер неуклюже попыталась их прикрыть.

– Измила! – встревоженно воскликнула госпожа Дюренна. – Измила!

Она схватила приятельницу за мощные плечи и хорошенько встряхнула.

– ...сми-ила, – сонно пролепетала госпожа Корвальер.

Тоненькая струйка вишнево-шоколадной слюны сползла из раскрытого рта на деревянные фишки.

– М-м-и-ила... не понима-а...

– Слово за госпожой Корвальер, – произнес крупье голосом, в котором прорезались удивленные нотки. – Госпожа Корвальер, делайте вашу ставку.

– Измила, сосредоточьтесь! – зашипела госпожа Дюренна.

– Ка-а-рты... как мно-о-го... – бубнила Корвальер. – Маракоза, осторожнее... тут карты... на столе.

Затем последовало неразборчивое:

– Бвла... ста... пвст... га...

На этом ее сознание отключилось.

– Партия проиграна, – чуть погодя объявил крупье, сгреб лопаточкой все фишки госпожи Дюренны и быстро их пересчитал.

Выигрыш достанется Жану и Локку. Неминуемое расставание с тысячей соларов внезапно превратилось в соразмерную ему прибыль. Локк с облегчением перевел дух.

Крупье обратил взор на госпожу Корвальер, примявшую щекой фишки, как подушку, кашлянул, деликатно прикрыв рот ладонью, и сказал:

– Господа, вам, разумеется, предоставят новые фишки на сумму, соответствующую стоимости... э-э-э... оставшихся на столе.

– Разумеется, – кивнул Жан, ласково оглаживая неожиданно возникшую перед ним горку фишек Дюренны.

Зрители недоуменно качали головой, изумленно ахали и расстроено вздыхали; некоторые снисходительно захлопали в ладоши, но аплодисменты быстро стихли; всех ошеломило неимоверно быстрое опьянение знаменитой госпожи Корвальер: подумать только, каких-то шесть фиалов – и такой конфуз!

– Хм... – Госпожа Дюренна раздраженно затушила сигару в золотой чаше и встала из-за стола, неторопливо оправив камзол узорчатого черного панбархата; наряд, отделанный серебряной парчой и платиновыми пуговицами, стоил целое состояние – не меньше половины сегоднешнего проигрыша. – Господин Коста, господин де Ферра... следует признать, что вы нас обошли.

– Обошли, но не обыграли, – сказал Локк с обворожительной улыбкой заклинателя змей, торопливо призывая на помощь остатки разума, помутившегося от выпивки. – Вы нас совершенно... измотали.

– И все вокруг плывет и раскачивается, – жалобно добавил Жан, хотя каждое его движение оставалось верным и отточенным, как у златокузнеца.

– Господа, ваше общество доставляет мне невероятное наслаждение, – ледяным тоном произнесла госпожа Дюренна. – Не соизволите ли сыграть с нами еще раз, ближе к концу недели? Сами понимаете, реванш – дело чести.

– С превеликим удовольствием, – ответил Жан.

Локк с поддельным восторгом закивал, хотя голова раскалывалась от боли.

Госпожа Дюренна вальяжно протянула руку, благосклонно позволив скользнуть над ней губами, что Локк с Жаном и проделали с опасливым почтением, будто склоняясь над разозленной коброй. Тем временем к безмятежно посапывающей госпоже Корвальер устремились четверо служителей, дабы препроводить ее в приличествующее для сна место.

– Вам, должно быть, прискучило каждый вечер глядеть, как посетители норовят опохать друг друга, – со вздохом заметил Жан, швырнув крупье пятисоларовую фишку, – как правило, служителям вручали небольшое поощрительное вознаграждение.

– Отнюдь нет, сударь, – ответил крупье. – Как вам удобнее получить сдачу?

– Какую еще сдачу? – с улыбкой осведомился Жан. – Это все вам.

Второй раз за вечер невозмутимость крупье дала трещину, – похоже, служители «Венца порока» тоже испытывали человеческие чувства. Стоимость крошечного деревянного кружка составляла половину вполне приличного годового жалованья. Локк швырнул крупье еще горсть фишек, и бедняга изумленно ахнул.

– Удача – дама ветреная, любит из рук в руки переходить, – пояснил Локк. – Надеюсь, на особняк вам хватит. Уж простите, мне сейчас точный счет дается с большим трудом...

– О боги! – пролепетал ошарашенный крупье. – Благодарю вас, господа... – Украдкой оглядевшись, он торопливо зашептал: – Между прочим, ваши соперницы почти никогда не проигрывают. На моей памяти такое случилось впервые.

– За всякую победу приходится расплачиваться, – вздохнул Локк. – Боюсь, мне это предстоит не далее как завтра утром – похмелье будет ужасным.

Служители осторожно понесли госпожу Корвальер вниз по лестнице; госпожа Дюренна шла следом, не спуская с носильщиков подозрительного взгляда. Толпа рассеялась; игроки, вернувшись к своим столам, нетерпеливо окликали служителей, требуя новые, запечатанные колоды карт.

Локк и Жан уложили фишки – чистенькие, не обслюнявленные, – в обитые бархатом деревянные ларчики и тоже направились к выходу.

– Поздравляю с победой, господа, – сказал охранник у подножья лестницы, ведущей на шестой этаж.

Сверху доносился звон хрусталя и шум разговоров.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Локк. – Госпоже Корвальер каким-то образом удалось меня обогнать; продержись она еще тур – и меня постигла бы та же участь.

Внутренняя лестница кружила широкими витками вдоль наружной стены «Венца порока». Приятели, одетые по последней веррарской моде, неторопливо, как подобает знатным состоятельным особам, шествовали по пологим ступеням. Локк, превращенный алхимическим составом в яркого блондина, облачился в приталенный длиннополый камзол карамельного цвета с расклешенными фалдами; из-под обшлагов, отделанных золотыми пуговицами, выглядывали пышные, в три ряда, черно-оранжевые оборки огромных манжет. Довершали наряд насквозь пропотевшая сорочка из тончайшего шелка и небрежно повязанный черный шейный платок. Жан щеголял в камзоле цвета пасмурного моря, перепоясав чресла широким черным кушаком, в тон короткой курчавой бороде.

Лестница вела вниз, мимо игорных залов, где развлекалась знать... мимо королей и королев веррарской торговли, окруженных юными прелестниками и прелестницами... мимо игроков с купленными лашенскими титулами, снисходительно взирающих поверх карт и хрустальных графинов с вином на каморрских донов и доний, потомков захудалых родов... мимо продубленных солеными ветрами светлокожих вадранских мореходов-негоциантов в узких черных сюртуках. Среди посетителей Локк заметил двух приоров – членов торгового совета, якобы правящего Тал-Верраром. Похоже, для входа в «Венец порока» прежде всего требовалось наличие тугой мошны.

Стучали кости, звенели бокалы, гости шутили и смеялись, сквернословили и вздыхали. В жаркой духоте залов клубы сигарного дыма лениво смешивались с винными парами, аромат духов и притираний сливался с запахом пота и жареного мяса, откуда-то тянуло резкой смолистой отдушкой алхимических зелий.

Локк повидал немало дворцов и богатых усадеб; «Венец порока» не превосходил их роскошью обстановки – на рассвете многие из присутствующих вернутся в особняки, блестящие не менее великолепным убранством. Манящее очарование чертога удачи заключалось в ином – в непредсказуемой избирательности допуска; ведь все недоступное всегда облечено зыбким покровом пленительной тайны.

В глубине первого этажа, вдали от любопытных глаз, за толстой деревянной перегородкой находилась расчетная палата, которую охраняли рослые стражники. К счастью, очереди не оказалось. Локк чересчур резко впихнул ларчик с фишками в единственное окошко:

– Запишите мне на счет.

– С превеликим удовольствием, господин Коста, – ответил служитель.

Леоканто Коста, биржевой делец из Талишема, был хорошо известен в этом царстве выигрышей и винных паров. Служитель деловито пересчитал деревянные фишки и сделал соответствующую пометку в конторской книге; даже после щедрого вознаграждения крупье доля Локка в сегодняшнем выигрыше составила почти пятьсот соларов.

– Да вы сегодня оба заслужили поздравления, господин де Ферра, – сказал служитель, принимая ларчик с фишками у Жана, точнее – у Жерома де Ферра, уроженца Талишема и закадычного приятеля Леоканто; две вымышленные личины, одинаковые в своей безупречности, как горошины в стручке.

Внезапно чья-то рука коснулась левого плеча Локка.

Он резко обернулся.

Перед ним стояла кудрявая темноволосая женщина в богатом одеянии тех же цветов, что и мундиры служителей «Венца порока». Одна сторона ее лица поражала невероятной красотой; другая казалась уродливой темной маской из мятых складок сафьяна, опаленного пламенем. Половина рта сложилась в обворожительную улыбку, обожженная половина оставалась неподвижной. Локку на мгновение почудилось, что красавица безуспешно пытается высвободиться из глубин грубо вылепленной глиняной фигурки.

Селендри, главный распорядитель «Венца порока».

Рука, коснувшаяся плеча Локка, – левая, с обожженной стороны, – была бронзовым протезом, который тускло поблескивал в свете алхимического светильника.

– Ваши манеры и выдержка достойны всяческих похвал и делают вам честь. Примите наши поздравления, – промолвила Селендри жутковатым, глухим голосом, чуть пришепетывая. – Отныне вам и господину де Ферра открыт вход на шестой этаж, ежели вы пожелаете воспользоваться этой привилегией.

Локк искренне улыбнулся.

– Мы вам весьма признательны, – с пьяной развязностью произнес он. – И безмерно польщены.

Она коротко, равнодушно кивнула и отошла, затерявшись в толпе. Кое-кто из посетителей изумленно вскинул бровь – далеко не каждому гостю «Венца порока» становилось известно о повышении его статуса из уст самой Селендри.

– Похоже, мы начинаем пользоваться спросом, дражайший Жером, – небрежно обронил Локк, пробираясь сквозь толпу.

– Это ненадолго, – ответил Жан.

Служитель у входа сиял лучезарной улыбкой:

– Господин де Ферра, господин Коста! Велите подавать карету?

– Нет-нет, спасибо, – ответил Локк. – Мы пешком по ночному холодку прогуляемся, голову проветрим.

– Как вам будет угодно, сударь.

Четверо охранников с четкостью вымуштрованных караульных распахнули двери перед Жаном и Локком. Два вора чинно шагнули на широкие каменные ступени, устланные алым бархатным ковром. По обычаю, известному всем в городе, на рассвете ковер заменяли новым, а старый выбрасывали на свалку, а потому только в Тал-Верраре нищие могли похвастать тем, что каждую ночь спят на бархате.

От красоты захватывало дух; справа, за силуэтами множества игорных заведений, открывался вид на всю прибрежную дугу острова; северную оконечность окутывал ночной сумрак, а Золотую Лестницу окружал сияющий ореол. К югу, западу и северу от города мерцало трепетное серебро волн Медного моря, освещенное ярким светом трех лун в безоблачном небе; по зеркальной глади скользили призрачные паруса далеких кораблей.

Слева сбегали к берегу отвесные уступы пяти нижних ярусов острова; у Локка внезапно закружилась голова, хотя он и ощущал под ногами надежные каменные плиты. Вокруг раздавались веселый гомон гуляк, цоканье подков по булыжникам мостовой, дробное постукивание колес экипажей и карет – на центральном бульваре шестого уровня их было не меньше десятка; и над всем этим гордо возносился в сияющую мглу «Венец порока», ярко озаренный алхимическими светильниками, будто свеча, возожженная богам.

– Ну что, занудливый злопыхатель, – произнес Локк, как только они с Жаном отошли подальше от «Венца порока» и остались в относительном одиночестве, – продавец несчастий, неистощимый фонтан сомнений и глумлений... ну, что ты теперь скажешь?

– Ах, господин Коста, мне и сказать-то нечего, в голове мысли путаются, настолько я поражен непревзойденной гениальностью вашего совершенного плана.

– По-моему, это смутно напоминает сарказм.

– О боги! Ваши слова ранят меня до глубины души, – сказал Жан. – Ваши непревзойденные способности к преступным деяниям проявили себя так же неукоснительно, как приливы и отливы. Я распростерт у ваших ног и молю о пощаде. Вашим гением мир полнится...

– Да будет тебе...

– Попадись нам навстречу прокаженный, вы бы своей всемогущей дланью вмиг даровали ему чудотворное исцеление...

– Тебе лишь бы языком почем зря трепать! Ну чего развонялся, завидки берут?

– Они самые, – согласился Жан. – Учитывая, что мы разбогатели, избежали поимки, уцелели, прославились и заполучили приглашение на следующий этаж, приходится признать, что я был не прав, именуя твой замысел дурацким.

– Да неужели? А по-моему, замысел был самый что ни на есть дурацкий, и вдобавок чрезвычайно легкомысленный. Еще чуть-чуть – и я бы сам отключился. До сих пор не верится, что все удалось. – Локк сунул руку за отворот камзола, извлек крошечный комочек ваты и, отряхнув с него облачко пыли, спрятал в наружный карман, после чего тщательно обтер пальцы о рукава.

– Что ж, «едва не проиграли» означает, что все-таки выиграли, – рассудительно заметил Жан.

– Вот только с выпивкой я едва не перебрал. В следующий раз, будь добр, подправь мою уверенность в собственных силах – обухом по черепушке.

– С превеликим удовольствием, и не единожды, а дважды.

Дерзкий замысел возник у Локка после того, как он – Леоканто Коста – познакомился за игорным столом с госпожой Измилой Корвальер и заметил ее привычку ради отвлечения соперника поглощать лакомства, облизывая пальцы.

Обычное мошенничество к лихой карусели применить на самом деле невозможно. Служители заведения никогда и ни за что на свете – даже за герцогство – не соблазнятся подтасовать карты, а игрокам не удастся ни заполучить фиал с напитком послабее, ни передать его другому; подсыпать дурманящего зелья противникам тоже нельзя. Оставалось лишь одно – исподволь заставить игрока медленно и как будто по своей воле принять какое-нибудь необычное, редкое снадобье, причем сделать это весьма изощренным способом, в обход всех привычных мер предосторожности.

Таким снадобьем был сонный порошок, которым Локк и Жан понемногу присыпали карты, затем переходящие к противнице, имевшей привычку во время игры постоянно облизывать пальцы.

Алхимический порошок *бела-паранелла*, бесцветный и безвкусный, называли еще «другом ночи». Им любили пользоваться люди богатые, склонные к нервическому возбуждению и беспокойству, – он обеспечивал здоровый, крепкий сон. Действенность порошка, будто костер, растопленный промасленной пергаментной бумагой, многократно увеличивало спиртное. Бела-паранелла стала бы прекрасным подспорьем для преступников, если бы не ее запредельно высокая цена – щепотка порошка обходилась в двадцать раз дороже такого же количества белого железа.

– О боги, госпожа Корвальер прочнее галеона, – вздохнул Локк. – К третьему или четвертому туру она столько порошка сожрала, что хватило бы пару вебрей обезножить.

– И все же мы достигли желаемого... – Жан извлек ватку с порошком из-за отворота камзола, задумчиво посмотрел на нее и, пожав плечами, сунул в карман.

– Еще как! Я Реквина своими глазами видел, – сказал Локк. – Он у лестницы стоял, за нашей игрой следил. Похоже, любопытно ему стало... – Он помолчал, соображая, какими восхитительными последствиями чревато подобное любопытство; хмель стремительно испарялся. – Потому Селендри к нам и послал.

– Что ж, положим, ты прав. А дальше что? Ускорим события или погодим? Может, лучше еще пару недель поиграть на пятом и шестом этаже...

– Еще пару недель? Вот еще! Мы два года в этом проклятом городе околачиваемся. Уж если Реквина удалось из его раковины выманить, грех этим не воспользоваться.

– И ты, конечно же, предлагаешь сделать это завтра вечером...

– Разумеется, пока его любопытство снедает. Сам знаешь, клинок куют, пока горячо.

– Ты от выпивки таким порывистым становишься...

– Нет, от выпивки у меня только в глазах двоится, а порывистость – это от богов.

– Эй, вы! – раздался голос впереди. – Ни шагу дальше.

– Простите? – с напряженным недоумением вымолвил Локк.

Молодой взволнованный веррарец с длинными черными волосами предостерегающе воздел ладони. За ним, на краю дуэльной лужайки, виднелась небольшая толпа хорошо одетых людей.

– Умоляю вас, господа, остановитесь! – сказал юноша. – У нас здесь поединок, как бы вас случайной стрелой не задело.

– А! – с облегчением выдохнули Локк и Жан.

Дуэль на арбалетах... Правила приличия и здравый смысл подсказывали, что лучше дожидаться ее окончания на краю лужайки, дабы ни один из дуэлянтов не отвлекся и не задел прохожих случайно выпущенной стрелой.

По углам дуэльной лужайки – площадки в сорок ярдов длиной и в двадцать шириной – сияли мягким белым светом фонари в чугунных переплетках. В центре лужайки стояли два дуэлянта с секундантами, и каждый отбрасывал четыре светлые тени, переплетавшиеся серой сетью. Локку совершенно не хотелось наблюдать за ходом поединка, однако он строго напомнил себе, что Леоканто Коста, надменный светский франт, обязан взирать на неизвестных поединщиков с высокомерным безразличием. Локк с Жаном слились с толпой зрителей; на противоположной стороне площадки собралась такая же группа зевак.

Один из дуэлянтов, юный щеголь в очках, чуть тряхнул головой, разметав по плечам длинные, изящно завитые локоны. Его противник, человек средних лет, стоял, чуть сгорбив плечи, обтянутые красным камзолом; от него веяло сдержанной силой. В руках дуэлянтов были легкие арбалеты, из тех, что каморрские воры называют «переулочными».

– Господа, – сказал секундант юного щеголя, – не желаете ли помириться?

– Если господин из Лашена возьмет назад свои оскорбительные слова, – начал юный дуэлянт высоким дрожащим голосом, – я сочту себя удовлетворенным. Достаточно будет просто признать...

– Нет, не желаем, – произнес секундант старшего поединщика. – Его сиятельство не имеет привычки приносить извинения за констатацию очевидных фактов.

– ...признать случившееся досадным недоразумением, – в отчаянии продолжил юнец. – Право же, нет ни малейшей необходимости...

– Пожелай его сиятельство снизойти до беседы с вами, – заявил секундант, – он, несомненно, заметил бы, что вы скулите, как течная сука, и осведомился бы, умеете ли вы кусаться.

Юнец вначале обомлел от неожиданности, однако пришел в себя и свободной рукой изобразил оскорбительный жест.

– Вынужден признать, – запинаясь, сказал секундант юного щеголя, – что примирение противников невозможно. Господа, прошу вас встать спиной к спине.

Противники направились друг к другу – старший шел размашисто, молодой ступал робко и осторожно – и, сойдясь, повернулись спина к спине.

– Расходитесь на десять шагов, – с горечью произнес секундант юнца. – По моему сигналу поворачивайтесь и стреляйте.

Он начал медленно отсчитывать шаги, и противники так же медленно двинулись в противоположные стороны. Юного щеголя била мелкая дрожь.

У Локка мерзко екнуло в животе и заныло под ложечкой. С каких пор он стал таким мягкосердечным? Ну да, за дуэлями он наблюдать не любит, но они его вовсе не страшат... И все же ноющая боль не отпускала.

– Девять... десять... Стоять! – приказал секундант. – Стоять! Поворачивайтесь и стреляйте!

Юнец повернулся первым, с перекошенным от ужаса лицом, и, вытянув правую руку с арбалетом, нажал спусковой крючок. Щелк! Над дуэльной лужайкой вжикнула стрела, но противник, стоявший неподвижно, даже не поморщился, когда она пролетела в ладони над его головой.

Господин в красном камзоле, неторопливо повернувшись, сверкнул глазами; губы сложились в презрительную ухмылку. Юный щеголь уставился на него, будто ожидая, что стрела ручной птицей вернется к хозяину, потом передернулся, отшвырнул арбалет в траву и, подбоченившись, шумно втянул в себя воздух.

Противник окинул юнца равнодушным взглядом, обеими руками навел арбалет и фыркнул:

– Да пошел ты...

Выстрел был меток; оперенная стрела с влажным хрустом вонзилась в грудь, и юнец повалился навзничь, сминая в горсти ткань камзола. Из рта хлынула темная кровь. К нему бросились люди. Какая-то девушка, в серебристом бальном платье, с воплем упала на колени.

– Как раз к ужину успеем, – невозмутимо заметил старший дуэлянт, презрительно отбросил арбалет и вместе с секундантом направился в одно из игорных заведений.

– О Переландро, – пробормотал Локк, на миг позабыв о Леоканто Коста. – И что за манера споры разрешать...

– Вам не по нраву? – осведомилась юная, лет девятнадцати, красавица в черном шелковом платье, окинув Локка испытующим взглядом.

– Разумеется, существуют разногласия, которые требуют разрешения на поединке... – поспешил вмешаться Жан, опасаясь, что Локк спьяну наговорит лишнего. – Но, по-моему, арбалет в таком случае слишком... прямолинеен. А вот искусное владение клинком...

– Ах, фехтование – скучная, бессмысленная забава! Редко когда дождешься настоящего смертельного удара, одни обманные движения, выпады и финты, – заявила красавица. – Вот арбалет – оружие стремительное, честное и милосердное. А шпагами можно целую ночь размахивать и все равно противника не убить.

– Ваши доводы весьма убедительны, – пробормотал Локк.

Красавица безмолвно повела бровью и скрылась в толпе расходящихся зевак.

Привычные звуки ночи – веселый смех и гул разговоров, гомон гуляк под звездным шатром небес, – стихшие во время поединка, снова набирали силу. Девушка в серебристом платье, рыдая, бессильно ударяла кулаками по траве. Толпа вокруг поверженного дуэлянта потихоньку расходилась – стрела явно сделала свое дело.

– Стремительное, честное и милосердное... – негромко повторил Локк. – Придурки.

– Не нам с тобой их судить, – вздохнул Жан. – Проклятые придурки – именно эти слова высекут на наших могильных плитах.

- Наши с тобой поступки объясняются вескими причинами.
- Вот и дуэлянты так считают.
- Слушай, пошли отсюда, – сказал Локк. – Сейчас вот пройдемся, хмельные пары выветрятся, и можно в апартаменты возвращаться. О боги, я чувствую себя дряхлым старцем, разочарованным жизнью. Неужели и я был таким же глупцом, как этот несчастный юнец?
- Совсем недавно ты был еще глупее, – сказал Жан. – А может, и сейчас дурак дураком.

5

Они неторопливо брели вниз по Золотой Лестнице на северо-восток, к Большому пассажи, и уныние Локка развеивалось вместе с хмелем. Древние зодчие Тал-Веррара – неизвестно, мужчины ли, женщины или вовсе какие-то неведомые создания, – накрыли всю округу огромным навесом из Древнего стекла, что спускался с вершины шестого яруса к самому морю у подножья западного острова; там и сям навес поддерживали изящные витые колонны, льдистыми лианами вздымающиеся на тридцать футов в высоту, а сам хрустальный свод Большого пассажа простирался на тысячу футов.

Ярусы под Большим пассажом отвели так называемому Переносному кварталу – на открытых террасах позволяли селиться бедноте, и холодными дождливыми зимами резкие порывы северного ветра с легкостью сметали хлипкие лачуги, хижины и домишки, построенные из чего попало.

Как нарочно, ярусом выше, к юго-востоку от Переносного квартала, начиналась Саврола, иноземная слобода, где жили состоятельные чужестранцы. Здесь находились лучшие гостинные дворы, включая и тот, где под личинами богатых путешественников обосновались Локк и Жан. От Переносного квартала Савролу отделяли высокие каменные стены под охраной веррарских констеблей и наемных стражников.

Днем Большой пассаж служил веррарской рыночной площадью. Каждое утро здесь открывалось не меньше тысячи лавок и ларьков, впрочем если бы город неожиданно разросся, то хватило бы места еще для пяти тысяч торговцев. По вполне объяснимой случайности те обитатели Савролы, которые не пользовались услугами лодочников, к Золотой Лестнице попадали только через рынок.

Над стеклянными островами и над Большим пассажем гулял восточный ветер с материка. Звук шагов Локка и Жана гулким эхом отдавался в темноте огромного пустого пространства; кое-где на витых колоннах горели фонари, разбрасывая неровные островки тусклого света. Ветер сметал сор под ногами, разносил по Большому пассажу клочья дыма невидимых костров: торговцы оставляли родственников оберегать выгодные места, а в укромные темные уголки забирались бродяги из Переносного квартала. Несколько раз за ночь патрули стражников обходили ярусы пассажа, но сейчас охранников не было.

– С наступлением темноты здесь всегда царит странное запустение, – сказал Жан. – Не могу понять, тревожит оно меня или очаровывает.

– Если б не пара тесаков за спиной, очарование бы развеялось.

– Хм.

Немного погодя Локк, потирая ноющий живот, негромко пробормотал:

– Жан, а ты, случаем, есть не хочешь?

– Есть я всегда хочу. Что, спиртное осадки требует?

– По-моему, неплохо бы подкрепиться. Проклятая карусель... Еще один проигрыш – и я бы предложил руку и сердце богомерзкой драконихе с сигарой в зубах... ну или под стол бы свалился.

– На Ночном базаре найдется чем поживиться.

На верхнем ярусе Большого пассажа, у северо-восточной оконечности хрустального навеса, виднелись дрожащие огоньки фонарей и костров, разведенных в кадках, вокруг которых темнели неясные очертания людей. Торговля в Тал-Верраре – занятие круглосуточное; неиссякаемый поток посетителей Золотой Лестницы означает, что предприимчивым торговцам в Большом пассаже и после заката достается немало монет. Ночной базар был всем хорош – и гораздо причудливее дневного рынка.

Локк и Жан пошли к базару, навстречу ветру. Их глазам открывался великолепный вид на внутреннюю гавань, где темнел лес корабельных мачт. Вдали чернели дремлющие веррарские острова; на них лишь кое-где сверкали огоньки, в отличие от Золотой Лестницы, залитой ярким сиянием. В самом сердце города, вокруг скалистых утесов Каstellаны, спящими зверьками прикорнули три острова Великих гильдий – Алхимиков, Искусников и Негоциантов, а на вершине Каstellаны, посреди поля особняков, каменным курганом высилась громада Мон-Магистерия, замка архонта.

Считалось, что Тал-Верраром управляют приоры, однако в действительности почти вся власть в городе сосредоточилась в руках обитателя замка, военачальника, возглавлявшего армию города-государства. После ряда постыдных поражений в Тысячедневной войне с Каморром веррарцы решили сменить склочных городских советников на военачальника. Однако, как не раз замечал Локк, сложность заключалась в том, что от военного диктатора почти невозможно избавиться после того, как кризис миновал. Первый архонт отказался уйти в отставку, а его преемник проявил чрезвычайный интерес к ведению гражданских дел. За пределами охраняемых городских предместий – таких как беззаботная Золотая Лестница или Саврола, безмятежный приют иноземцев, – бесконечные распри между архонтом и приорами создавали в городе тревожную обстановку.

Невеселые размышления Локка прервал возглас слева:

– Господа! Достопочтенные джентльмены! Негоже гулять по пассажу, не отведав здешних лакомств!

Локк и Жан добрались до окраины Ночного базара. Кроме них, покупателей не было, и из темноты на приятелей с надеждой уставились десятки торговцев, освещенные зыбким светом костров и фонарей.

Первым, осмелившимся напасть на врата здравомыслия Жана и Локка, стал однорукий пожилой торговец с седой косой до пояса. Он махнул деревянным половником в сторону четырех бочонков, стоявших поверх импровизированного прилавка – ручной тележки, накрытой доской.

– Чем угощаете? – осведомился Локк.

– Яствами из кладовых самого Иона, наивкуснейшими дарами моря. Моченые акулы глаза, свежайшие, отменный товар! Оболочка хрусткая, а сами нежные, мягкие, сладкий сок так и брызжет!

– Акулы глаза? – поморщился Локк. – О боги, нет, спасибо, не надо. А чего-нибудь попроще не найдется? Печенка есть? Или вот жабры? Пирог с жабрами был бы в самый раз.

– Жабры? От жабер, сударь, пользы никакой в сравнении с глазами. Глаза – они и мышцы укрепляют, и от холеры уберегут, и мужской силы прибавят... ну, для исполнения супружеского долга...

– Нет уж, мне сил прибавлять незачем, – сказал Локк. – Боюсь, с великолепием акульих глаз мой нежный желудок сейчас не справится.

– Ах, какая жалость! Я бы и рад вам пирог с жабрами предложить, да вот только нечего, одни глаза, зато какие! Есть и глаза волчьей акулы, и серпуги, и синего вдовца...

– Прости, дружище, в другой раз, – сказал Жан.

Приятель пошел дальше.

– А вот фрукты, господа хорошие! Не желаете ли? – предложила худенькая девушка, кутаясь в просторное светлое одеяние; с лихо заломленной четырехуголки над левым плечом свисал на тоненькой цепочке светящийся алхимический шарик; у ног стояли плетеные корзины. – Алхимические фрукты, новые сорта! Вот, взгляните, каморрские апельсины София, ликером так и сочатся, а ликер крепкий, сладкий!

– Да-да, пробовали, – сказал Локк. – Крепкие напитки мне сейчас ни к чему. А что для слабого желудка предложите?

– Груши, сударь, только груши. Для укрепления желудка нет ничего лучше груш – каждый день пару штук, и расстройства как не бывало.

Она протянула Локку корзинку, наполовину заполненную грушами. Он, придирчиво ощупав плоды, отобрал три штуки потверже и посвежее.

– Пять центиров, – сказала торговка.

– Целый волан? – с напускным возмущением воскликнул Локк. – Да если бы эти груши любимая наложница архонта в своем лоне согрела, за такую цену я бы их не купил! За них и центира много будет.

– За центир я вам разве что грушевое семечко отдам. Четыре центира, чтобы мне внакладе не остаться.

– Что ж, пожалуй, я вас облагодетельствую, заплатив невероятную, потрясающую сумму – два центира. А все потому, что сегодня я щедр, как никогда.

– Два центира – чистой воды издевательство над упорным трудом и неустанными заботами садовников, вырастивших эти плоды в теплицах полуострова Землеробов. Может, сойдемся на трех?

– Три центира... – улыбнулся Локк. – Меня в Тал-Верраре еще никогда не грабили. Так и быть, предоставляю вам эту сомнительную честь.

Он, не глядя, передал Жану две груши, порылся в кармане, выискивая медяки, и швырнул три монетки торговке.

Девушка кивнула и произнесла:

– Хорошего вам вечера, господин Ламора.

Локк ошарашенно уставился на нее:

– Простите, что вы сказали?

– Пожелала вам хорошего вечера, сударь, только и всего.

– Вы не...

– Что?

– Нет, ничего, – встревоженно выдохнул Локк. – У меня от выпитого в ушах шумит. И вам доброго вечера.

Они с Жаном пошли дальше. Локк осторожно надкусил грушу. Великолепно: не жесткая, не перезрелая, а в самый раз – и сочная, и хрустящая.

Он, прожевав кусок, спросил Жана:

– Ты слышал, что она мне только что сказала?

– Увы, я слышал только предсмертный стон несчастной груши. Вот, сам послушай: «Ох, не ешьте меня, не ешьте!»

От первой Жановой груши осталась лишь сердцевина; под пристальным взглядом Локка Жан запихнул ее в рот, с наслаждением схрумкал и проглотил, только черешок выплюнул.

– О тринадцать богов, – вздохнул Локк. – Ну кто так ест?

– Я кочерыжки люблю, они хрустящие, – обиженно проворчал Жан.

– Козы их тоже любят.

– Ты мне что, матерью заделался?

– Нет, конечно, я ж не урод. И нечего на меня исподлобья глядеть. Ладно, глодай сердцевину, она внутри сочной груши прячется.

– Так что там торговка сказала?

– Сказала, что... О боги, да ничего она не сказала. Мне спяну послышалось.

– А вот кому алхимические светильники! Не желаете, господа?

В протянутой руке бородатого торговца покачивались шарики в золоченых оправках.

– Таким приличным господам негоже без света гулять. В темноте только оборванцы шныряют, не разбирая дороги. А лучше моих светильников во всем Большом пассаже не сыщешь, ни днем ни ночью.

Локк доел свою грушу и рассеянно отшвырнул огрызок. Жан, небрежным взмахом руки отогнав торговца, обгрыз грушу до самой сердцевины, с нарочито громким хрустом сжевал и ее, а потом промычал с набитым ртом:

– Мням-ням, пища богов. Только вам, невеждам, трепещущим в страхе перед высоким кулинарным искусством, этого никогда не понять.

– Господа, не угодно ли скорпионов?

Локк и Жан остановились перед лысым смуглолицым торговцем – судя по цвету кожи, с далеких Окантских островов. Завернувшись в плащ, он одарил их сверкающей белозубой улыбкой и склонился над своим товаром – десятком небольших деревянных клеток, в которых двигалась какая-то живность.

– Это скорпионы? Настоящие? Живые? – спросил Локк, с любопытством рассматривая клетки. – И что с ними делать?

– А, так вы здесь недавние гости! – По-терински торговец говорил с легким акцентом. – На побережье Медного моря скальные скорпионы многим известны. Пожалуй, даже слишком. Вы из Картена или из Каморра?

– Из Талишема, – сказал Жан. – А эти скорпионы местные?

– С материка, – ответил торговец. – Их используют... скажем так, в развлекательных целях.

– Как домашних животных, что ли?

– Нет, не совсем. Видите ли, укус скального скорпиона весьма своеобразен: вначале, как полагается, он причиняет острую резкую боль, однако спустя несколько минут наступает приятное оцепенение, дремотное забытие – примерно такое же состояние вызывают курительные порошки джеремитов. После нескольких укусов боль переносится легче, а в расслабленную дремоту погружаешься глубоко и надолго.

– Невероятно!

– Весьма распространенная практика, – заметил торговец. – В Тал-Верраре скорпионы пользуются большим спросом. Другое дело, что говорить об этом не принято. Состояние, вызываемое укусом, немного напоминает опьянение, однако в целом обходится гораздо дешевле.

– Да? А вот винные бутылки не кусаются... – недоверчиво протянул Локк, почесывая подбородок. – Вы, случаем, не потешаетесь над заезжими простаками?

Торговец, широко улыбаясь, выпростал правую руку из-под плаща и показал Локку и Жану: на темной коже белели крошечные полукружья шрамов.

– Я лично ручаюсь за предлагаемый товар.

– Все это весьма любопытно и достойно восхищения, – произнес Локк. – И все же некоторые обычаи Тал-Веррара на себе испытывать ни к чему.

– Разумеется, у каждого свои предпочтения, – с улыбкой ответил торговец, сложив руки на груди. – Помнится, скорпионий сокол вам не по нраву пришелся, господин Ламора.

У Локка захолонуло в груди. Жан тоже мгновенно напрягся.

Локк кашлянул, с трудом сохраняя невозмутимое выражение лица, и небрежно спросил:

– Простите, что вы сказали?

Торговец удивленно заморгал:

– Я пожелал вам приятного вечера, господа.

– А, да-да.

Локк окинул торговца пристальным взглядом, потом резко отвернулся и зашагал по Ночному базару. Жан торопливо последовал за ним.

– Ты слышал? – прошептал Локк.

– Слышал, – ответил Жан. – Интересно, на кого работает этот приветливый торговец скорпионами?

– И не он один, – пробормотал Локк. – Торговка фруктами тоже назвала меня Ламорой. Я своими ушами слышал.

– Тьфу ты... Может, вернемся, побеседуем с одним из них?

– Куда это вы собрались, господин Ламора?

Локк стремительно обернулся – и едва не наставил шестидюймовый стилет, спрятанный в рукаве, на пожилую торговку, неожиданно выступившую из тени справа.

Жан завел руку за спину, под полу камзола.

– Вы обозначились, милейшая, – сказал Локк. – Меня зовут Леоканто Коста.

Женщина, не двигаясь с места, сдавленно хихикнула:

– Ламора... Локк Ламора.

– Жан Таннен, – промолвил торговец скорпионами, выходя из-за прилавка, уставленного клетками.

Со всех сторон на Локка и Жана медленно надвигались остальные торговцы.

– Так, похоже, тут какое-то недоразумение, – провозгласил Жан, опуская руку из-под камзола.

По опыту Локк знал, что в согнутой ладони Жана прячется головка боевого топорика, а древко скрыто в рукаве.

– Никакого недоразумения, – произнес торговец скорпионами.

– Каморрский Шип... – сказала какая-то малышка, встав перед Локком и Жаном так, чтобы преградить им путь к Савроле.

– Каморрский Шип... – подхватила пожилая торговка.

– Благородные Канальи, – сказал торговец скорпионами. – Далеко же вас от дома занесло.

С отчаянно колотившимся сердцем Локк огляделся и, решив, что теперь уж таиться нет смысла, позволил стилету скользнуть к напряженным пальцам. Казалось, что торговцы Ночного базара, проявив необъяснимый интерес к Локку и Жану, обступили приятелей со всех сторон и теперь медленно сжимают кольцо, отбрасывая длинные черные тени на плиты мостовой. Внезапно Локку померещилось, что сияние фонарей отчего-то меркнет. В пассаже и впрямь потемнело, светильники тускнели на глазах.

– Стоять! – Жан, не скрываясь, поудобнее перехватил топорик в правой руке и встал спиной к спине с Локком.

– Не приближайтесь! – выкрикнул Локк. – Прекратите дурить, а как бы кровь не пролилась!

– Кровь уже пролилась... – заявила малышка.

– Локк Ламора... – зашептали торговцы со всех сторон.

– Кровь уже пролилась, Локк Ламора, – изрекла пожилая торговка.

На Ночном базаре погас последний алхимический светильник; костры в бочках потухли. Теперь Локка и Жана, окруженных торговцами, освещал только слабый отблеск света из внутренней гавани и дрожащее мерцание фонарей где-то далеко внизу, на террасах под огромным пустынным пассажем.

Малышка сделала шаг вперед и, глядя на Локка и Жана немигающими серыми глазами, звонко произнесла:

– Господин Ламора, господин Таннен, вам привет от Сокольника из Картена.

6

Локк, разинув рот, уставился на девочку, которая плавно, будто призрак, двинулась навстречу и замерла в двух шагах от него. Он поначалу смутился – глупо грозить стилетом крохе не выше трех футов ростом, – однако в детской улыбке, холодно блеснувшей в полумраке, сквозила такая угроза, что Локк невольно покрепче сжал рукоять клинка.

Девочка, поднеся пальцы к подбородку, изрекла:

– И хоть он не в силах слова молвить...

– И хоть он не в силах за себя слова молвить... – хором подхватили торговцы, недвижно стоявшие в темноте.

– И хоть он обезумел... – медленно продолжила девочка, простирая к Локку и Жану раскрытые ладони.

– Обезумел от боли, вконец обезумел... – прошелестел шепот со всех сторон.

– Его друзья не забывают, – сказала малышка. – Друзья помнят...

За спиной Локка чуть шевельнулся Жан, сжимая в обеих руках по боевому топорику; во тьме тускло блеснула вороненая сталь.

– Торговцами вольнонаемные маги управляют, будто марионеток за ниточки дергают... – шепнул Жан. – Видно, где-то поблизости засели.

– Эй, вы, боитесь, что ли?! Объявитесь уже, не томите! – обратился Локк к малышке.

– Мы явили свою силу, – ответила она.

– Чего вам еще надобно... – зашептали торговцы с остекленелыми взорами, тускло поблескивавшими, как стоячая вода в пруду.

– Чего вам еще надобно, господин Ламора? – Малышка делано присела в жутковатом реверансе.

– Не знаю, чего вы от нас добиваетесь, но оставьте в покое этих несчастных людей, – сказал Локк. – Хотите с нами поговорить – говорите, а людей почему зря не мучайте.

– В том-то и дело, господин Ламора...

– В том-то и дело... – зашептали торговцы.

– Разумеется, в том-то все и дело, – сказала девочка. – Иначе вы наших слов не услышите.

– Так говорите же!

– Вы должны ответить, – возвестила малышка.

– Ответить за Сокольника, – подхватил хор торговцев.

– Вы должны ответить. Вы оба.

– За каким... Да пошли вы все! – воскликнул Локк. – Сокольнику мы уже ответили – за смерть трех наших товарищей лишили его десяти пальцев и языка, зато вернули вам живым, хоть он того и не заслуживал.

– Вы не вправе судить... – прошипела девочка.

– ...судить картенского мага, – зашептали торговцы.

– Вы не вправе судить, равно как и не вправе полагать, что вам известны наши законы, – сказала малышка.

– Всем на свете известно, что убийство картенского мага карается смертью, – сказал Жан. – Этого знания вполне достаточно. Мы сохранили Сокольнику жизнь и вернули его вам. Этим все дело и завершилось. Если вы рассчитывали на какие-то иные условия сделки, надо было нас предварительно письмом оповестить.

– Это не сделка, – сказала девочка.

– Это личное дело, – объявили торговцы.

– Сугубо личное, – повторила девочка. – Пролилась кровь нашего собрата. Вы за это ответите.

– Ах вы, сволочи! – не выдержал Локк. – Вы что, богами себя возомнили? Я вашего Сокольника не в переулке ограбил. Он подстроил убийство моих друзей. И плевать мне на то, что он умом тронулся! И на вас мне наплевать! Убейте нас – и дело с концом, только ни в чем не повинных людей отпустите.

– Нет, – сказал торговец скорпионами.

– Нет, – отозвались торговцы по кругу.

– Трусы! Подлецы! – Жан махнул топориком в сторону девочки. – И этим вашим балаганом вы нас не запугаете!

– Мы будем с вами насмерть биться, до самого Картена доберемся, кровь вам пустим, не сомневайтесь, – сказал Локк. – Ну убьете вы нас – и что? Мы смерти не боимся.

– Нет-нет, – хихикнула девочка.

– Вам будет гораздо хуже, – сказала торговка фруктами.

– Мы оставим вас в живых, – подхватил продавец скорпионов.

– Будете жить, терзаясь страхом, – сказала девочка.

– Страхом и неуверенностью, – зашептали торговцы и медленно отступили, расширяя кольцо.

– Под слежкой, – сказала девочка.

– Под слежкой, – вторили торговцы.

– А пока ждите, – сказала девочка. – Забавляйтесь своими нелепыми играми, гоняйтесь за удачей...

– И ждите, – прошелестело вокруг. – Ждите нашего ответа. Ждите, покуда не настанет время.

– Вам от нас укрыться негде, – сказала малышка. – Вам от нас никогда не уйти.

– Никогда, – прошептали торговцы, отходя к своим прилавкам.

Локк и Жан молчали.

Вскоре жизнь на Ночном базаре пошла своим чередом. Разгорелись светильники, запылали костры в бочках, заливая пространство рынка мягким теплым сиянием. Торговцы занимались обычными делами: кто высматривал покупателей, кто скупающим взглядом обводил прилавки и товары; повсюду снова зазвучали негромкие разговоры. Локк и Жан незаметно спрятали оружие.

– О боги, – поежился Жан.

– По-моему, за игрой в карусель я выпил маловато, – прошептал Локк, не понимая, что туманит его взор; он коснулся щеки и с удивлением обнаружил, что она мокрая от слез. – Сволочи! Дети малые. Проклятые хвастливые трусы!

– Вот именно, – сказал Жан.

Локк и Жан, с опаской поглядывая по сторонам, отправились дальше. Малышка, через которую только что вещали картенские маги, теперь сидела у ног старика, перебирая инжир в плетеных корзинах, и проводила приятелей робкой улыбкой.

– Ох, как я все это ненавижу, – шепнул Локк. – Они и впрямь что-то задумали или просто решили нас припугнуть?

– А кто их разберет? – вздохнул Жан. – Страт-пти. О боги, и что теперь – сдаваться или продолжать игру? Между прочим, на нашем счете в «Венце» несколько тысяч соларов. Можно снять деньги, сесть на корабль и к полудню отплыть далеко-далеко отсюда.

– Куда?

– Куда угодно.

– Если эти подонки серьезно настроены, от них не сбежишь.

– Твоя правда, но...

– Да пошел он, Картен этот... – Локк сжал кулаки. – Пожалуй, теперь я понимаю, что чувствовал Серый король. Я в Картене в жизни не бывал, но все равно готов этот проклятый город в порошок стереть, дотла сжечь, в морской пучине утопить! Я его уничтожу, видят боги!

Жан внезапно остановился:

– Локк, тут такое дело... О боги!

– Ну что еще?

– Ты, конечно, волен здесь оставаться, но... Я уеду. Мне надо от тебя подальше держаться.

– Да что ты гонишь, болван?!

– Им мое имя известно...

Жан схватил приятеля за плечи, и Локк невольно поморщился: пальцы Жана тисками впились в старую рану под левой ключицей. Жан, запоздало сообразив, в чем дело, ослабил хватку, но голос его все еще дрожал от напряжения:

– Они мое истинное имя знают! С его помощью они могут мной управлять, превратив в такую же марионетку, как этих несчастных торговцев! Если я с тобой останусь, тебе грозит опасность!

– Да плевать мне на это! Подумаешь, имя они знают. Ты что, с ума спятил?

– Нет. А вот из тебя еще хмель не выветрился, ты плохо соображаешь.

– Глупости! Я вполне трезво соображаю. Или ты хочешь уехать?

– Нет, что ты! Но я...

– Но ты сию секунду заткнешься, иначе тебе несдобровать.

– Да пойми же ты, тебе опасность грозит!

– Конечно грозит. Я же не бессмертен. Жан, да хранят тебя боги, я тебя прогонять не намерен и уж тем более не допущу, чтобы ты в добровольное изгнание отправился. Мы и так потеряли Кало, Галдо и Клопа. А теперь что, прикажешь и с тобой распрощаться? С тобой, с моим единственным на свете другом? И кто тогда верх возьмет, Жан? Кого это спасет?

Жан обессиленно понурился. Хмельной кураж Локка внезапно превратился в невыносимую головную боль.

Локк застонал.

– Жан, я никогда себе не прощу того, что по моей вине случилось с тобой в Вел-Вираццо. И никогда не забуду, что ты остался со мной до конца, хотя по уму должен был бы мне камень к ногам привязать и в залив сбросить. О боги, да без тебя мне никогда лучше не будет. Мне наплевать, что картенским магам твое дурацкое имя известно.

– Локк, это же глупо...

– Это наша жизнь, – сказал Локк. – И в эту аферу мы два года нашей жизни вложили. А в «Венце порока» – вся надежда на будущее, наш главный приз. Дождается, голубчик, пока мы его не украдем. Подумаешь, Картен! Раз уж вольнонаемные маги решили нас убить, остановить мы их все равно не сможем. И что теперь делать? Из-за этих мерзавцев я не собираюсь от любой тени шарахаться. Нет уж, завершим, что задумали. Вместе.

Торговцы Ночного базара, заметив, что Локк и Жан ведут напряженную беседу, больше не предлагали своих товаров. Только один, на северной окраине базара, предпринял отчаянную попытку привлечь запоздалых покупателей:

– А вот кому резные поделки, господа! Женщинам и детям на потеху! Искусные штучки из города Искусников.

На перевернутом ящике громоздились десятки забавных игрушек. Продавец в длинном буром камзоле, залатанном с изнанки разноцветными лоскутами – алыми, пурпурными, ярко-желтыми, шитыми серебром, – потряхивал раскрашенной игрушкой на четырех ниточках: деревянной фигуркой воина с копьем. Торговец, ловко шевеля пальцами левой руки, заставлял крохотного копейщика нападать на воображаемого врага.

– Не угодно ли куклу, господу? Марионетку на память о Тал-Верраре?

Жан, немного помолчав, вздохнул:

– Нет уж, спасибо! Я и без марионеток Тал-Веррар запомню.

Прятели больше не разговаривали. Локк, с гудящей головой и ноющим сердцем, шел вслед за другом из Большого пассажа в Савролу, стремясь поскорее оказаться за высокими стенами и плотно запертыми дверями – хоть и ненадежной, но все-таки защитой.

Реминисценция Капа Вел-Виращо

1

В Вел-Виращо Локк приехал двумя годами раньше, отчаянно желая смерти; Жан Таннен намеревался удовлетворить его желание.

Вел-Виращо – порт в глубоководной гавани, в ста милях к юго-востоку от Тал-Веррара, среди высоких прибрежных скал материка в Медном море. Город с девятитысячным населением издавна платил дань веррарцам, а правил им наместник – ставленник архонта.

Из прибрежных вод на двести футов в высоту взметнулся стройный ряд стеклянных колонн – еще одна постройка, неведомо зачем созданная Древними на побережье, где повсюду встречаются заброшенные чудесные творения. На колоннах установили квадратные помосты со стороны в пятнадцать футов и устроили там маяки. К подножью колонн на лодках привозили арестантов, которым позволено работать смотрителями маяков, – они взбирались на помост по веревочным лестницам, подтягивали наверх съестные припасы и несколько недель в полном одиночестве присматривали за красными алхимическими фонарями размером с небольшую хижину. На маяках выживали не все, а те, кто все-таки спускался вниз, часто теряли рассудок.

За два года до судьбоносной игры в лихую карусель под красный свет прибрежных маяков Вел-Виращо торжественно вошел огромный галеон. Вестовые на мачтах – то ли сочувственно, то ли насмешливо – замахали одиноким фигуркам на высоких помостах. Тяжелые тучи затянули солнце на горизонте, и угасающее сияние заката дрожало на волнах под светом первых звезд.

С берега дул теплый влажный ветер, с серых утесов по обе стороны старого портового города струились тонкие нити тумана. Пожелтевшие марсели были зарифлены – галеон ложился в дрейф в полумиле от берега. Из порта к кораблю вышла шлюпка начальницы порта; на носу шлюпки, в такт мерным взмахам весел гребцов, покачивались белые и зеленые фонари.

В тридцати ярдах от галеона начальница, встав у фонарей на носу, поднесла к губам рупор:

- Кто идет?
- «Золотая добыча», из Тал-Веррара, – ответили с кормы.
- Причаливать будете?
- Нет, только путников высадим.

В нижней кормовой каюте воняло потом и хворью; тяжелый дух еще больше усилил раздражение Жана Таннена, недавно вернувшегося с верхней палубы. Он швырнул Локку заштопанную синюю рубашу и скрестил руки на груди.

– Собирайся, приехали! – сказал он. – Наконец-то сойдем с этого проклятого корабля на твердую землю. Одевайся, шлюпка уже готова.

Локк, морщась, встряхнул рубашу. Он – чумазый, донельзя тощий, в одних панталонах – сидел на краю койки; ребра корабельными шпангоутами выпирали из-под бледной, землистой кожи; длинные сальные волосы липкими прядями обрамляли изможденное лицо, на впалых щеках топорщилась щетина.

Левое плечо пересекала сеть полужаживших багровых шрамов, на левом предплечье виднелась колотая рана, затянутая струпом, грязный лоскут перехватывал запястье, а левая ладонь и пальцы представляли собой сплошной кровоподтек. На груди, чуть выше сердца, под выцвет-

шей повязкой скрывалась уродливая рана. За три недели морского путешествия распухшие от побоев скулы, губы и сломанный нос Локка несколько оправились, но все равно казалось, что совсем недавно он настойчиво пытался поцеловать взбрыкнувшего мула.

– А ты мне не поможешь?

– Нет уж, сам справишься. Всю прошлую неделю разминаться надо было. Я к тебе в няньки не нанимался.

– А давай я тебе шпагой плечо проткну и для верности клинок поворачою, посмотрим, как ты разминаться станешь.

– И чего ты разнылся? Спасибо за предложение, но меня уже проткнули – и я, в отличие от тебя, плакса, от разминки не уваливал. – Жан задрал рубаху: над значительно опавшим, но все еще округлым пузом по ребрам тянулся воспаленный багровый шрам. – Хотя и больно, а двигаться надо, иначе срастется намертво, как законопаченный шов в корабельной обшивке, и вот тогда совсем худо будет.

– Ага, об этом я уже наслышан. – Локк швырнул рубаху на пол, к босым ногам. – Что ж, если эти лохмотья не оживут и если ты не смилостивишься, то я сойду на берег в чем есть.

– Между прочим, вечереет. Хотя и лето, а по ночам прохладно. Раз тебе, дураку, так хочется, то ступай.

– Сволочь ты, Жан.

– Эх, будь ты здоровее, я б тебе за это еще раз нос сломал. Ишь ты, разнюнился, сопли распустил...

– Господа? – окликнул их женский голос; раздался громкий стук в дверь. – Капитан имеет честь сообщить, что ваша шляпка готова.

– Благодарю вас! – ответил Жан, взъерошил волосы и вздохнул. – И зачем только я тебе жизнь спас? Лучше б труп Серого короля с собой увез, с ним и то веселее.

– Слушай, а давай сделаем так, чтоб никому не было обидно? – настойчиво предложил Локк. – Здоровую руку я сам в рукав суну, а на раненую ты мне рукав натянешь, а? Вот сойдем с корабля, я сразу начну разминаться.

– Ну наконец-то! – проворчал Жан, поднимая рубаху с пола.

2

Душевного подъема Жану хватило на несколько дней после освобождения из сырого, вонючего, колышущегося каземата галеона – долгие морские путешествия даже для платных путников мало чем отличались от тюремного заключения.

За горсть серебряных воланов (старший помощник капитана «Золотой добычи» любезно предложил обменять каморрские солоны, хоть и по грабительскому курсу, утверждая, что городские менялы безбожно обирают приезжих) Жан с Локком сняли комнату в третьем этаже «Серебряного светильника», ветхого постоялого двора на набережной.

Жан немедленно озаботился поисками источников дохода. Если преступный мир Каморра походил на глубокое озеро, то Вел-Вираццо больше всего напоминал стоячий пруд. Жан без труда разузнал обо всех шайках и бандах, орудовавших в порту, и об их отношениях друг с другом. Преступность Вел-Вираццо была неорганизованной и не имела верховного главаря. За пару вечеров, проведенных за выпивкой в злчных местах, Жан разведал, к кому следует обращаться.

Шайка, гордо именовавшая себя Медными Лбами, обосновалась в заброшенной дубильне на восточном причале, где морские волны бились о подгнившие сваи пристани, которой не пользовались вот уже лет двадцать. По ночам бандиты промышляли карманным воровством, мелкими грабежами и нападениями на зазевавшихся прохожих, а днем спали, играли в кости и пропивали награбленное. Ясным солнечным днем, во втором часу пополудни, Жан

одним ударом вышиб дверь дубильни, впрочем и без того криво висевшую в петлях и незапертую.

В дубильне собралось человек десять – молодые ребята, от пятнадцати до двадцати одного года, типичный набор разгильдяев и бузотеров. Завидев незваного гостя, те, что бодрствовали, пинками и тычками разбудили дремлющих приятелей. Жан неторопливо вышел на середину дубильни:

– Добрый день! – Он приветственно склонил голову и радушным жестом раскинул руки. – И кто здесь наиглавнейший мерзавец? Кто лучший боец среди Медных Лбов?

Парни ошеломленно переглянулись. Чуть погодя коренастый бритоголовый юнец с кривым носом соскочил с лестницы на пыльный пол и, ухмыляясь, направился к Жану:

– Ну я, допустим.

Жан кивнул, улыбнулся и стремительным движением хлопнул парня по ушам. Юнец пошатнулся. Жан, сплетя пальцы в замок, заложил руки за голову парня, резко пригнул ее к своему колену – и раз, и другой, и третий, – после чего разжал пальцы. Смелчак повалился навзничь и, будто просоленная свиная туша, во весь рост растянулся на полу.

– Вот, – удовлетворенно заявил Жан, – Значит, самый наиглавнейший мерзавец – это я. И наилучший боец среди Медных Лбов.

– Ты вообще не отсюда! – выкрикнул какой-то парнишка, но тут же испуганно умолк.

– Да пристукнуть его – и дело с концом!

К Жану метнулся юнец в обшарпанной четырехуголке, увешанный самодельными костяными ожерельями; в правой руке он сжимал обнаженный стилет. Жан, невозмутимо отступив на шаг, ухватил запястье юнца и дернул его к себе, свободной рукой врезав в челюсть. Парнишка, сплюнув кровавую слюну, часто заморгал, пытаясь сдержать брызнувшие от боли слезы, а Жан пнул его в пах и сделал подсечку. Словно по волшебству, в левой руке Жана появился стилет незадачливого юнца.

– Ребята, вы в счете сильны? – осведомился Жан, медленно вертя клинок в пальцах. – Один плюс один равно... со мной шутки плохи.

Юнец всхлипнул – и шумно блеванул.

– А теперь поговорим о дани. – Жан медленно прошелся вдоль стен дубильни, пиная пустые бутылки, во множестве валявшиеся на полу. – Похоже, вам на жизнь хватает – и жрете от пуза, и выпивкой балуетесь. Это замечательно. С сегодняшнего дня мне причитается четыре десятых от вашего заработка, звонкой монетой. Предупреждаю, барاخло мне ни к чему. Платить будете через день. Ну, раскошеливайтесь, выворачивайте карманы!

– Фиг тебе, а не дань!

Жан неторопливо шагнул к пареньку, который, дерзко скрестив руки на груди, стоял у стены.

– Что, тебе не по нраву? Попробуй ударь меня.

– А...

– По-твоему, это несправедливо? А прохожих грабить – справедливо? Давай сожми кулак.

– Да я...

Жан сгреб его в охапку, крутанул и, ухватив за ворот рубахи и за пояс штанов, несколько раз с размаху приложил головой к деревянной стене дубильни, после чего разжал руки. Парень глухо шмякнулся на пол и больше не сопротивлялся. Жан, хлопав юнца по бокам, вытащил у него из-под рубахи кожаный кошелек и пересыпал содержимое в свой.

– А это – штраф за то, что стену моей дубильни своей глупой башкой попортил, – объяснил он. – Так, а теперь все выстроились рядком! Рядком, кому говорят. Четыре десятых – это не много. И не вздумайте меня обманывать: сами знаете, что с вами будет, если я вас налжи изловлю.

- Да кто ты такой?! – спросил какой-то парнишка, протягивая Жану монеты.
- Меня зовут... – начал Жан.

Монеты со звоном посыпались на пол, а юнец ринулся на Жана, выставив невесть откуда взявшийся нож.

Жан оттолкнул вытянутую руку мальчишки и, согнувшись пополам, засадил правым плечом в живот, потом без малейшего усилия взвалил паренька на плечо и перекинул через спину так, что тот ничком распростерся на полу дубильни рядом с постанывающим приятелем, который недавно грозил Жану стилетом.

– Каллас. Таврин Каллас, – улыбнулся Жан. – А что, неплохо придумано: отвлечь меня разговором и напасть. Вполне заслуживает уважения. – Он отступил на шаг, загородив выход из дубильни. – Однако же, судя по всему, ваши юные умы пока еще не в силах постичь всех тонкостей искусных философических рассуждений. Мне что, каждому взбучку задать или сами сообразите, что к чему?

Юнцы, недовольно ворча, закивали.

– Вот и славно.

Дальнейший отъем денег прошел гладко, как по маслу. Жан собрал впечатляющее число монет, которых с лихвой хватало на неделю проживания на постоялом дворе.

– Что ж, на сегодня достаточно, – наконец объявил он. – А теперь отдохните, вам сегодня ночью придется поработать. Завтра, в два часа пополудни, я снова приду, и мы с вами побеседуем о правилах, установленных новым главарем Медных Лбов.

3

На следующий день во втором часу пополудни Медные Лбы, хорошенько вооружившись, поджидали Жана в засаде.

К их невероятному удивлению, он явился в дубильню не один, а с констеблем Вел-Виращо – высокой мускулистой женщиной в пунцовом мундире, подбитом с изнанки тонким кольчужным полотном; на плечах красовались золотистые эполеты; каштановые волосы, собранные в тугой хвост, были скреплены бронзовыми кольцами. У дверей встали еще четыре констебля в таких же мундирах, вооруженные длинными полированными дубинками и тяжелыми деревянными щитами, закинутыми за спину.

– Здравóво, парни! – сказал Жан.

Кинжалы, стилеты, бутылочные горлышки и дубинки мигом исчезли из виду.

– Как я погляжу, всем вам хорошо знакома префект Лавасто и ее помощники.

– Привет, ребята, – бросила префект, небрежно просунув большие пальцы за кожаную перевязь, с которой свисал палаш в скромных черных ножнах (у остальных констеблей холодного оружия не было).

– Префект Лавасто – мудрая женщина, – продолжил Жан, – и подчиненные у нее толковые. Им весьма по душе деньги, которые я плачу исключительно по доброте душевной, желая облегчить тяготы их непростой службы и развеять скуку. А если со мной что худое случится, то источник этой нечаянной радости иссякнет.

– И мы жестоко разочаруемся, – подхватила префект.

– Что приведет к неминуемым последствиям, – добавил Жан.

Префект надела тяжелым сапогом на пустую винную бутылку, расколовшуюся со звонким треском.

– Да, жестоко, – вздохнула префект.

– Вы – парни сообразительные, – сказал Жан. – По-моему, визит префекта доставил вам огромное удовольствие.

– Повторять его я не намерена, – ухмыльнулась Лавасто и неторопливо прошествовала к выходу.

Вскоре мерный топот сапог затих вдаль.

Медные Лбы угрюмо уставились на Жана. У входа хмуро переминались четверо юнцов, с ног до головы покрытые свежими синяками; руки они упрямо держали за спиной.

– Ты чё это замутил, а? – буркнул один из них.

– Ребята, так ведь я вам не враг. Рано или поздно вы поймете, что я ради вас стараюсь. А теперь заткнитесь и слушайте внимательно. Во-первых, – Жан повысил голос, – просто удивительно, что вы до сих пор не догадались городскую стражу подкупить. Мое предложение они приняли со щенячьим восторгом.

Жан небрежно завел правую руку за спину, под длинный черный жилет, надетый поверх несвежей белой рубахи.

– И все же, – неспешно продолжил он, – то, что первым делом вы решили меня убить, внушает определенные надежды. Ну-ка, покажите ваши игрушки. Живее, не стесняйтесь.

Юнцы робко вытащили оружие. Жан осмотрел его и сокрушенно покачал головой:

– Хм, дешевые ножи, бутылочные горлышки, хворостины какие-то, молоток... Ребята, ваша беда в том, что вы считаете все это грозным арсеналом. А на самом деле это не оружие, а позор... – Продолжая говорить, он завел за спину, под жилет, левую руку и, внезапно высвободив обе руки, молодецки ухнул и стремительно, налетом, швырнул оба топорика.

На дальней стене дубильни висели на крючках два бурдюка с вином. Багровая струя дешевого веррарского пойла забрызгала стоявших рядом мальчишек. Жановы топорики, прорезав бурдюки насквозь, намертво вонзились в бревенчатую стену.

– А вот это – оружие, – сказал Жан, с хрустом разминая пальцы. – Поэтому вы теперь на меня и работаете. Еще будут возражения?

Юнцы торопливо отошли подальше от бурдюков. Жан шагнул к стене и с усилием высвободил топорики из бревен.

– Так я и думал. Но вы не пугайтесь, это все исключительно ради вашего благополучия, – объяснил Жан. – Если главарь банды желает оставаться главарем, то он обязан защищать своих парней. Так что, если вас кто решит прижать, вы мне скажите, я разберусь. Работа у меня такая.

На следующий день Медные Лбы неохотно выплатили дань. Последний юнец, высыпав в ладонь Жана пригоршню медяков, чуть слышно пробормотал:

– Ты обещал помочь, если к нам приставать начнут... Сегодня утром наших поколотили, Черные Нарукавники, с северного причала.

Жан, пересыпая монеты в карман, понимающе кивнул. Следующим вечером, наведя справки, он отправился на северный причал, в таверну под названием «Полная чаша». Таверна и в самом деле была полна – в ней собрались семь или восемь сомнительных типов с засаленными черными повязками на руках; других посетителей не было. Жан переступил порог, захлопнул дверь и запер ее на тяжелый деревянный засов. Молодчики подозрительно уставились на незваного гостя.

– Добрый вечер, – улыбнулся Жан и с хрустом размял пальцы. – А вот скажите, кто в Черных Нарукавниках наиглавнейший мерзавец?

На следующий день Жан пришел к Медным Лбам за данью; лоскут, пропитанный целебной мазью, обвивал разбитые в кровь костяшки правой руки. Юнцы с небывалой готовностью выплатили дань, а некоторые даже осмелились звать Жана Таврином.

Скудный запас денег он тратил на вино и вливал в себя неимоверное количество дешевого местного пойла, ядовито-лилового, воняющего скипидаром. Вскоре комната в «Серебряном светильнике» насквозь пропиталась едким запахом. Локк уверял Жана, что пойло приглушает боль. Однажды Жан, не выдержав, язвительно заметил, что боль загадочным образом усиливается соразмерно растущему числу пустых бутылок и бурдюков. Приятели разругались, точнее, продолжили вялотекущую ссору, – и Жан уже не в первый раз, гневно хлопнув дверью, выскочил из комнаты.

Поначалу Локк заглядывал в таверну постоялого двора, играл в карты с посетителями, уныло мошенничая и привычно подтасовывая колоду здоровой рукой. Заметив, что посетителям прискучило его шулерство и дурное расположение духа, он снова заперся в комнате на третьем этаже и напивался в одиночестве. Еда и чистота ему претили. Жан пригласил местного лекаря осмотреть раны приятеля, но Локк обрушил на беднягу такой поток грязных оскорблений, что Жан едва не сгорел от стыда, хотя и сам обладал немалым запасом изобретательных ругательств, способных разжечь отсыревший трут.

– Ваш друг пропал бесследно, – заявил лекарь. – Похоже, его живьем сожрала тощая безволосая обезьяна, из тех, что водятся на Окантских островах. Кроме визга, от него ничего не добьешься. А прежний лекарь что говорил?

– Мы с ним в Талишеме расстались, – ответил Жан. – Боюсь, поведение больного вынудило беднягу прервать увеселительную морскую прогулку.

– Как я его понимаю! – вздохнул лекарь. – Что ж, из сочувствия к вашим невзгодам платы я с вас не возьму. Вам деньги нужнее – на вино или на отраву.

Общество Локка настолько опротивело Жану, что он почти все время проводил с Медными Лбами. За пару недель Таврин Каллас превратился в весьма известную и уважаемую личность среди преступного братства Вел-Виращо. Споры Жана и Локка, повторяясь раз от разу, стали обтекаемыми, расплывчатыми и раздражающе бесполезными. Внутреннее чутье подсказывало Жану, что Локка затянуло в воронку беспощадного водоворота самобичевания и что приятеля надо выручать. Не представляя, как это сделать, Жан решил заняться выучкой Медных Лбов.

Начал он с малого – объяснил, как подавать друг другу тайные знаки, не привлекая внимания посторонних, как отвлекать внимание прохожих, прежде чем обчистить их карманы, как отличить настоящие драгоценности от подделок, дабы не красть дешевых безделушек. Вскоре последовали робкие, уважительные просьбы «показать хитрый приемчик», причем первыми об этом осмелились заикнуться те самые юнцы, которых Жан наградил синяками в первый день знакомства.

Спустя неделю, будто по волшебству, все устроилось. Ежедневно на пыльном полу дубильни боролись с десятком мальчишек, стараясь точно соблюдать мудрые наставления Жана – как обращать на свою сторону любое преимущество, как действовать предприимчиво, сообразно расстановке сил, как воспользоваться слабостями противника. Жан обучал юнцов тем самым приемам – и милосердным, и жестоким, – которые, вкуче с кулаками и топориками, не раз спасали жизнь ему самому.

Под благотворным влиянием Жана парни занялись обустройством заброшенной дубильни. Он настойчиво внушал им, что место сбора банды должно быть обставлено с подobaющей роскошью и удобствами. Вскоре к стропилам подвесили алхимические фонари, разбитые окна залепили промасленной бумагой, прохуdivшуюся крышу залатали досками и соломой, наворовали подушек, дешевых ковров и всевозможных полочек.

– Найдите мне алхимическую плиту, да побольше, – сказал Жан. – Я вас готовить научу. Каморр своими поварами на весь мир славится, там даже воры – знатные кулинары. Я это искусство годами постигал. – Оглядев преображенную красильню и преображенных юных воришек, он чуть слышно пробормотал: – Мы все его годами постигали.

Он и прежде хотел привлечь Локка к воспитанию Медных Лбов, но все усилия оказались напрасны. Однажды вечером, в очередной раз выслушав подробный рассказ о все увеличивающихся доходах банды, об уютной красильне и об успехах учеников Жана, Локк окинул приятеля долгим взглядом, отхлебнул ядовито-лилового пойла из выщербленного стакана и задумчиво промолвил:

– Что ж, похоже, ты уже нашел замену...

Жан ошарашенно уставился на него.

Локк одним глотком опустошил стакан и тусклым, ровным голосом заметил:

– Быстро же ты, однако. Очень быстро. Не ожидал я от тебя такой прыти. И новой бандой обзавелся, и новым пристанищем – пусть и не стеклянным, но это дело поправимое. Значит, решил новым отцом Цеппи заделаться, старый котел дерьма на новых углях разогреть?

Жан вихрем пронесся через комнату, выбил стакан из рук Локка; осколки стекла сверкающим дождем разлетелись по полу, но Локк даже не поморщился, а лишь вздохнул и лениво откинулся на подушки, пропахшие вонючим потом.

– А новые близнецы в твоей банде есть? И новая Сабета? Или вот еще – новый я?

– Да иди ты... – Жан сжал кулаки, до боли впился ногтями в ладони, чувствуя, как выступает густая теплая кровь. – О боги, Локк! Не для того я твою проклятую жизнь спасал, чтобы ты в этой проклятой дыре сидел и горем своим упивался. Можно подумать, ты один такой!

– И для чего это ты меня спасал, о святой Жан?

– Ты умнее вопроса не мог...

– Для чего, а? – Локк, привстав с кровати, погрозил Жану кулаком; горящий злобой взгляд с лихвой восполнял нелепую смехотворность беспомощного жеста. – Я же просил тебя уйти, оставить меня в покое! Или ты от меня благодарности ждешь? За что? За вот эту конуру?

– Локк, не моя вина, что эта конура тебе весь мир застила. Ты сам так решил.

– Ты меня для этого спас? Чтобы сначала три недели по морям таскать, а потом в Вел-Виращо запихнуть? В эту жуткую дыру? В этот прыщ на жопе Тал-Веррара? Боги – шутники, а я – соль в их шутках, та самая, которую на раны сыплют. Уж лучше было вместе с Серым королем сдохнуть! Я же тебе говорил, убирайся куда глаза глядят, а обо мне забудь! – выкрикнул Локк и неожиданно простонал: – О боги, как же без них тоскливо. Мне их так не хватает! Это я во всем виноват... Если бы не я... Ох, не могу я больше... не могу...

– Не смей! – рявкнул Жан, оттолкнув приятеля на кровать.

Локк с такой силой врезался в стену, что задрожали оконные ставни.

– Не смей ими прикрываться! Сам над собой сколько хочешь измывайся, а их не замай! Ясно тебе?

Жан резко повернулся и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

5

Локк, зарывшись в тюфяк, закрыл лицо руками и прислушался к скрипу ступеней под шагами Жана.

Как ни странно, чуть погода скрип возобновился, становясь все громче и громче. Жан угрюмо распахнул дверь, внес в комнату огромную деревянную кадку и без предупреждения обдал Локка холодной водой. От неожиданности Локк, едва не захлебнувшись, отпрянул к стене и по-собачьи затряс головой, убирая с лица мокрые пряди волос.

– Жан, ты что, совсем спятил...

– Тебе искупаться не помешает, – оборвал его Жан. – Ты с головы до пят в жалости изгваздался.

Он отшвырнул кадку и заходил по комнате, собирая початые бутылки и бурдюки, в которых еще плескалось вино. Локк не сразу сообразил, чем занимается приятель, а Жан уже сгреб Локков кошелек со стола и вместо него оставил какой-то кожаный мешочек.

– Эй, Жан, ты чего? Это мой кошелек!

– А когда-то был наш, – холодно заметил Жан. – И меня это вполне устраивало.

Локк попытался встать, но Жан снова отшвырнул его к стене и, выйдя из комнаты, захлопнул за собой дверь. Раздался странный щелчок – и наступила тишина, которую не нарушал даже скрип ступеней. Похоже, Жан затаился под дверью.

Локк, злобно оскалившись, пересек комнату и подергал дверную ручку. Дверь не открывалась, и он недоуменно поморщился – засов же изнутри и не задвинут.

– Оказывается, в «Серебряном светильнике» двери запираются снаружи особым ключом, который хранится у хозяина, – любезно пояснил Жан из-за двери. – На случай, если гость вздумает буянить и придется звать стражу.

– Жан, отопри немедленно!

– Нет, ты уж сам постарайся.

– Так ведь особый ключ у тебя!

– М-да... мой Локк Ламора тебе глаза заплевал бы, – сказал Жан. – Локк Ламора, посвященный служитель Многохитрого Стража, гарриста Благородных Каналий, ученик отца Цеппи, брат Кало, Галдо и Клопа. А уж что Сабета бы подумала...

– Ну ты и... сволочь! Отопри дверь!

– Локк, и не стыдно тебе позориться? Сам отпирай.

– Ключ... Проклятый ключ у тебя!!!

– Ты что, забыл, как замки вскрывать? Отмычки на столе. Хочешь выпить – отпирай дверь.

– Ах, твою мать...

– Не обижай мою драгоценнейшую матушку, святую женщину... И как ее только земля носила? Кстати, я тут неплохо устроился, за дверью. Всю ночь могу просидеть – вино у меня есть, деньги тоже... Твои, между прочим.

Локк с отчаянным воплем бросился к столу, схватил мешочек, размял пальцы правой руки и неуверенно поглядел на левую: сломанные кости запястья понемногу срастались, но постоянно ныли.

Сосредоточенно сведя брови, он склонился к дверному замку и принялся за работу. От неудобной позы быстро заболела спина. Локк подтащил к двери стул и уселся – так было легче.

От напряжения прикусив кончик языка, Локк ковырял в замке тихонько позванивающими отмычками, как вдруг лестница снова закрипела под тяжелыми шагами и что-то громко стукнулось об пол.

– Жан?

– Да здесь я, здесь, – весело ответил приятель. – Ну, чего ты так долго возишься? Или ты еще и не начинал?

– Вот погоди, дверь отопру – и тебе не жить!

– И когда это случится? По-моему, жизнь мне предстоит долгая и счастливая.

Локк с удвоенной силой принялся орудовать в замке, вспоминая долгие, мучительные уроки детства; чуть шевеля отмычками, он прислушивался к ощущениям. Скрип и топот на лестнице не прекращались. Что там еще Жан задумал? Локк зажмурил глаза, пытаясь отвлечься от звуков... мир сузился до кончиков пальцев, осторожнодвигающих отмычки...

Замок щелкнул и открылся. Торжествующий Локк яростно дернул дверную ручку и, едва не свалившись со стула, распахнул дверь.

Жана не было.

В трех шагах от двери узкий коридор перегораживала груда деревянных ларей, ящиков, бочек и кадушек.

– Жан, что за фигня?!

Из-за импровизированной баррикады послышался голос Жана:

– Прости, я тут кое-что из хозяйской кладовой позаимствовал, а наверх все это втащить мне ребята помогли, которых ты на прошлой неделе в картишки обжулил.

Локк всем телом навалился на заслон, но груда не сдвинулась с места, – похоже, Жан подпирает ее с другой стороны. Откуда-то снизу, из таверны, приглушенно донесся взрыв смеха. Локк заскрежетал зубами и хлопнул здоровой рукой по кадушке:

– Жан, что происходит? К чему этот дурацкий розыгрыш?

– Какой же это розыгрыш? На прошлой неделе я объяснил хозяину постоянного двора, что ты – каморрский дон, путешествуешь инкогнито, поправляешь здоровье после длительного приступа безумия. Между прочим, я ему немало серебра отвалил... Ты еще помнишь серебро? Мы его когда-то с удовольствием воровали – ну, тогда с тобой еще было приятно общаться...

– Жан, мне не до смеха! Отдай проклятое вино!

– Вот-вот, проклятое. Боюсь, за выпивкой тебе придется из окна вылезать.

Локк отступил на шаг и ошарашенно поглядел на неприступный заслон:

– Ты шутишь?

– Я серьезен, как никогда.

– Да пошел ты! Не могу я из окна вылезти, ты же знаешь. У меня запястье...

– С Серым королем ты одной рукой бился. И из окна в Вороновом Гнезде выкарабкался, а там повыше было, все пятьсот футов, а не какой-то третий этаж. А сейчас перетрусил, как котенок в кадке масла. Ну, чего разнылся, плакса?

– Ты меня нарочно подзуживаешь?

– О, да ты смысленый! Прямо как чурбан.

Разъяренный Локк, вернувшись в комнату, долго смотрел на закрытое ставнями окно, а потом, закусив губу, снова вышел в коридор и с напускным спокойствием произнес:

– Жан, выпусти меня, пожалуйста. Я осознал свою ошибку.

– Я б твои ошибки вороненой сталью из тебя выколотил, да пики под рукой нет, – сказал Жан. – И вообще, чего это ты со мной разговариваешь? Давай лезь в окно.

– Чтоб тебе провалиться!

Сначала Локк растерянно расхаживал по комнате, потом осторожно поднял руки над головой – порезы на левом предплечье заныли, глубокую рану на груди пронзила острая боль. Переломанное запястье вроде бы срослось... почти. А, плевать на боль! Локк сжал левую руку в кулак, посмотрел на него и, прищурившись, взглянул в окно:

– Ну и фиг с ним! Подумаешь, сынок торговца шелком... Ничего, я тебе еще покажу!

Он сдернул с кровати постельное белье, привязал конец простыни к одеялу, затянул узел покрепче, не обращая внимания на боль, потом распахнул ставни и, прикрепив конец самодельной веревки к кроватному остову, сбросил ее за окно. Кровать была не из тяжелых, но и сам Локк сейчас весил немного.

Он решительно вскарабкался на подоконник.

Вел-Виращо – старый город, дома в нем невысокие. С высоты третьего этажа Локк, качиваясь над туманной улицей, урывками видел обшарпанные каменные дома с плоскими крышами, зарифленные паруса на черных мачтах в гавани, яркие блики лунного света на темной воде, алые огни на вершинах стеклянных колонн, уходящих к далекому горизонту.

Локк зажмурился и прикусил язык, чтобы не стошнило.

По веревке из простынь и одеял он спускался осторожно, рывками и, хотя соскальзывал вниз понемногу, с передышками, ладони горели. Десять футов вниз... двадцать... Он отдышался, упираясь ступнями в верхнюю перекладину трактирного окна в первом этаже. Ночь

была теплой, но Локк зябко ежился в насквозь промокшей рубаше – вот спасибо Жану, удружил, ледяной водой окатил!

Конец простыни свисал футах в шести над мостовой; Локк, соскользнув пониже, разжал руки и приземлился на булыжники. Жан Таннен тут же заботливо укутал приятеля в дешевый серый плащ.

– Сволочь! – завопил Локк. – Змий подколодный! Подлый стервец! Чтоб тебя акула приласкала, дрянь ты этакая!

– Ах, наконец-то господин Ламора явил себя во всей красе, – сказал Жан. – Вы только полюбуйтесь: и замок отомкнул, и из окна вылез... Почти как самый настоящий вор.

– Да я лихие дела проворачивал, когда ты еще у мамки на руках сидел и титьку сосал!

– А я лихие дела проворачивал, пока ты, себя жалеючи, воровское мастерство в вине топил.

– Ты сам знаешь, в Вел-Вираццо лучше меня вора не сыскать – ни во хмелю, ни по трезвяне, ни во сне, ни наяву.

– Все может быть, вот только верится в это с трудом, – сказал Жан. – Знавал я в Каморре такого вора, да он давно куда-то запропастился.

– У, рожа твоя богомерзкая! – Локк, подступив к Жану, саданул его в живот.

Жан непроизвольно отмахнулся, и Локк отлетел на несколько шагов, путаясь в складках плаща и отчаянно стараясь не упасть, пока не ткнулся в случайного прохожего.

– Эй, поосторожнее! – вскричал мужчина средних лет в длинном рыжем сюртуке, по виду – стряпчий или чиновник.

Локк, вцепившись ему в отвороты сюртука, с усилием выпрямился:

– Ах, извините! Простите великодушно! Мы тут с другом заговорились... тысяча извинений... виноват, больше не повторится... нелепая случайность...

– Да уж, случайность! Фу, разит как из бочки! Проклятые каморры...

Локк, дождавшись, пока незнакомец не отойдет ярдов на тридцать, торжествующе повернулся к Жану, помахивая черным кожаным кошельком, в котором весело позванивали тяжелые монеты:

– Ну и что ты теперь скажешь?

– Детские забавы, вот что я скажу. Это еще ни о чем не говорит.

– Ах, детские забавы? Да чтоб ты сдох, Жан! Я...

– Ты запаршивел, как шелудивый пес, – сказал Жан. – Сироты с Сумеречного холма и те чище. Ты исхудал, правда, я так и не понял, как тебе, тощему, это удалось. Ты не разминался, раны запустил, из комнаты носа не высовывал и две недели не просыхал. Ты больше на себя не похож и сам в этом виноват.

– Значит, тебе доказательства требуются... – Локк поморщился, сунул черный кошелек в карман и поправил плащ. – Что ж, ступай, разбери свою дурацкую баррикаду и жди меня. Я через пару часов вернусь.

– Погоди, я...

Но Локк, надвинув капюшон на лоб, неспешно двинулся по улице в теплую ночную тьму.

6

Жан сволок бочонки и лари с лестничной площадки третьего этажа, вручил обрадованному хозяину постоянного двора еще пару монет (из запасов Локка) и занялся уборкой комнаты, распахнув окна, чтобы выветрился стойкий запах винных паров. Чуть погода он спустился в таверну и вернулся с графином воды.

Четыре часа спустя Жан взволнованно расхаживал по комнате. Локк, явившись в третьем часу ночи, водрузил на стол громадную плетеную корзину – в таких держат товар рыночные торговцы, – торопливо склонился над кадкой из-под воды, и его тут же мучительно стошнило.

– Уф, прошу прощения, – пробормотал Локк, с трудом переводя дух; щеки горели лихорадочным румянцем, влажная рубаха насквозь пропиталась потом. – Хмель еще не развеялся, да и дышалка чуть не подвела.

Жан передал ему графин, и Локк с громким хлопанием, как лошадь из корыта, несколько раз хлебнул воды. Жан усадил его в кресло. Локк погрузился в молчание, а затем, ощутив ладонь друга на плече, внезапно очнулся:

– Ну вот... не надо было меня подзуживать. Теперь придется уносить ноги.

– Ты что учудил?

Локк, сняв крышку с плетеной корзины, начал извлекать оттуда множество мелких вещей:

– Так, что здесь у нас? А, кошельки – раз, два, три, о, целых четыре! – и все изъезжены совершенно трезвых господ, на улице, у всех на виду. Вот нож, две бутылки вина, оловянная пивная кружка – с вмятинами, но вполне пригодная к употреблению. Брошь, три золотые булавки, две серьги – прошу заметить, из ушей вынутые, не откуда-нибудь еще. Хотел бы я поглядеть, как у вас такое получится, господин Таннен! Штука превосходного шелка, коробка сластей, два каравая – с хрустящей корочкой и пряностями, твои любимые... А теперь, в назидание одному гнусному маловеру, проклятому нарушителю спокойствия и унылому скептику, имени которого и упоминать не стоит...

Локк торжественно протянул Жану сверкающее ожерелье – ленту, сплетенную из широких полос золота и серебра, на которой висела тяжелая золотая подвеска в форме замысловатого цветка, усыпанная огромными сапфирами. В тусклом свете единственного светильника камни то и дело вспыхивали голубым пламенем.

Жан, забыв о недавнем раздражении, восторженно присвистнул:

– Ничего себе! На улице такое не валяется...

– Ага, – буркнул Локк, отхлебнув теплой воды из графина. – Еще недавно оно обвивало очаровательную шею любовницы наместника.

– Ты шутишь?

– Во дворце наместника.

– Да ты...

– В постели наместника.

– Ты с ума сошел?!

– А рядом с любовницей спал сам наместник.

В ночной тишине раздались залиvistые резкие трели: три коротких свистка – общепринятый сигнал для подъема городской стражи по тревоге. Чуть погодя они раздавались уже всюду.

– Похоже, я несколько перестарался, – смущенно улыбнувшись, признал Локк.

Жан, усевшись на кровать, обеими руками взъерошил волосы:

– Локк, я вот уж несколько недель пытаюсь внушить тому сброду, который в Вел-Виращо имеет наглость считать себя Путными людьми, что Таврин Каллас выведет их на светлый путь благоденствия. Как только стражники начнут расспросы, то кто-нибудь обязательно вспомнит и обо мне, и о том, где – и с кем! – я проводил большую часть времени... А как в захудалом городишке сбыть с рук такую штучную вещичку, я даже не представляю.

– Говорю же, придется уносить ноги.

– Уносить ноги? – Жан вскочил и ткнул в Локка обвинительным перстом. – Ты... ты мне всю работу поручил! Я Медных Лбов воспитывал, учил их тайным знакам, всяческим

ухищрениям, ловким приемам, да всему, что сам знал! Я даже хотел... Я хотел их кулинарному искусству обучить!

– Ах вот оно что! А там, глядишь, и свадьбу сыграли бы...

– Да ну тебя! Я серьезно. Я, можно сказать, трудился не покладая рук, пока ты тут от жалости к себе сопли распускал и самобичеванием занимался.

– Ага, а потом ты у меня под задницей костерок развел, хотел поглядеть, как я плясать умею, да? Ну я и сплясал. Доволен теперь? Извиниться не желаешь?

– Я еще и извиняться должен? Да ты, гаденыш, валялся тут, как жалкий кусок дерьма. Извинений ты от меня не дождешься, лучше спасибо скажи, что жив остался. Все мои труды насмарку...

– Ах, труды! Ты что, капой себя возомнил? Жан Таннен, капа Вел-Виращо, новый Барсави!

– А хоть бы и так! – выкрикнул Жан. – Все лучше, чем капа Ламора, властелин вонючей конуры. Я не паясничаю, я честный вор, мне главное – чтобы было чем брюхо набить и куда голову приклонить.

– Значит, надо поискать, чем поживиться, – только не в этой дыре, – сказал Локк. – Хочешь честного воровского дела? Отлично! Давай изловим знатную добычу, как раньше, в Каморре. Хочешь поглядеть, как я ворую? Прекрасно, пойдем воровать!

– А как же Таврин Каллас...

– А он еще раз помрет, ему не впервой, – отмахнулся Локк. – Он же страждущий таинств Азы Гийи? Вот пусть и дальше страдает.

– Эх их проняло! – Жан выглянул из окна: трели свистков не смолкали. – На корабль так сразу не сесть, а посуху мы с награбленным из города не выйдем: стражники у ворот пару недель всех обыскивать будут.

– Жан, ты меня удивляешь, – сказал Локк. – Ворота? Корабли? Ты это о ком? Ты, вообще-то, помнишь, что мы с тобой можем белым днем корову по городу провести, да так, что ни один стражник не заметит? Даже если мы нагишом отправимся.

– Локк?! Локк Ламора? – Жан с напускным изумлением вытаращил глаза. – Ох, не верится, дружище! Где тебя носило? Я тут жил с каким-то жалким, ничтожным типом, который...

– Ну все, замнем для ясности. Ха-ха три раза. Допустим, пинка я заслужил. Но если честно, то выбраться отсюда легче легкого. Для начала займемся твоим любимым делом. Спустись-ка к хозяину, разбуди его, осыпь серебром – в кошельках его предостаточно. Я ведь половумный каморрский дон, так? Значит, объясни хозяину, что у меня возникла очередная безумная причуда, и притащи лохмотьев побольше, яблок, алхимическую плитку и здоровенный чугунный котел с водой.

– Яблок? – Жан задумчиво почесал бороду. – Ах, яблок! Давненько мы яблочной кашей не забавлялись...

– То-то и оно, – улыбнулся Локк. – Тащи все это сюда, я кашу заварю, к утру нас здесь и следа не будет.

– Ага, – хмыкнул Жан и направился к двери, но на пороге остановился. – Беру свои слова назад. Похоже, ты как был вором, лжецом, мошенником, шулером, притворой, жадюгой и хапальщиком без разбору, так им и остался.

– Спасибо, – сказал Локк.

7

Несколько часов спустя, под моросящим дождиком, Жан и Локк подошли к северным воротам Вел-Виращо. На восточном краю неба, под угольно-черными тучами, желтела раз-

мытая полоса заката. С пятнадцатифутовых городских стен стражники в пунцовых мундирах неприязненными взглядами провожали путников, за спинами которых с радостным грохотом захлопнулась тяжелая деревянная калитка.

Локк и Жан кутались в оборванные плащи и с головы до ног были обмотаны грязными лоскутами, сквозь которые сочилась яблочная каша; эта же отвратительная жижа покрывала руки и лица приятелей. Теплое месиво липло к коже под повязками; ощущение было не из приятных, но лучшего прикрытия не придумаешь.

Ползучая кожа, или ползучка, – жуткая неизлечимая хворь; если прокаженных сторонились, то от больных ползучкой и вовсе шарахались. В таком виде Локка с Жаном просто-напросто не пропустили бы в Вел-Вираццо, но, коль скоро они покидали город, стражникам было все равно, как они туда попали, – лишь бы поскорее убрались восвояси.

В городских предместьях царили нищета и запустение; вдоль улиц стояли одно- и двух-этажные ветхие домишки, кое-где на крышах высились ветряки – в этих краях они приводили в движение мехи в кузничных горнах. Серые струйки дыма вились там и сям в неподвижном влажном воздухе, а где-то вдаль лениво погромыхивал гром. За городом брусчатка древнего Теринского престольного тракта сменялась раскисшей грунтовой дорогой, идущей через пустоши, усеянные каменистыми оврагами и какими-то развалинами.

Деньги и прочие ценные безделушки приятели увязали в узелок и спрятали его под лохмотьями Жана – стражники ни за что на свете не стали бы обыскивать больного ползучкой, даже если бы сам начальник караула пригрозил отсечь им головы за неповиновение.

– О боги, – невнятно пробормотал Локк, – я от усталости даже думать не могу. Похоже, я и впрямь чересчур обленился, форму потерял.

– Ничего, за пару дней волей-неволей наверстаешь. Раны твои как?

– Свербят, – ответил Локк. – Боюсь, как бы от этой яблочной жижи хуже не стало. Хотя, вообще-то, я чувствую себя намного лучше, – наверное, движение все-таки идет на пользу.

– Да, мало кто превзойдет Жана Таннена в мудрости, – наставительно заметил Жан, – и уж конечно, не те, кто носит имя Ламора.

– Ой, да заткни уже свое зловонное, хоть и многомудрое хлебало! – буркнул Локк. – Ха, глянь, как эти придурки от нас разбегаются!

– А что, при встрече с настоящим больным ползучкой ты бы иначе поступил?

– А, ну да... Ох, ноги-то как ноют!

– Давай на пару миль от города отойдем, а там и отдохнуть можно. А через лигу-другую избавимся от этих мерзких повязок и прикинемся важными путниками. Куда двинем-то, как думаешь?

– А тут и думать нечего, – ответил Локк. – В захолустье пусть мелкие воришки ошиваются, нам с тобой не медяки стричь надобно, а золото и белое железо грести. Давай-ка в Тал-Веррар рванем, там найдем чем поживиться.

– В Тал-Веррар? Это мысль. Да и недалеко.

– В Каморре издревле существует славный обычай глумиться над веррарцами, так что для нас Тал-Веррар – подарок судьбы. Нас ждут великие дела! – заявил Локк, ежась под холодной колючей моросью. – И горячая ванна.

Глава 2

Реквин

1

Локк заметил, что Жана встревожило ночное столкновение с вольнонаемными магами, однако обсуждать происшествие приятели не стали – им предстояло важное дело.

Когда жители Тар-Веррара завершали свои честные дневные труды, у Жана с Локком рабочий день только начинался. Сперва трудно было втягиваться в ритм жизни города, где солнце как убитое сползало за горизонт и все накрывала тьма – никакого тебе Лжесвета. Однако, в отличие от Каморра, зодчие Древних построили Тал-Веррар сообразно иным, неведомым нуждам и пристрастиям, а потому здесь Древнее стекло попросту отражало небо, не создавая призрачного свечения.

В гостином дворе «Вилла Кандесса» Жан и Локк занимали просторные апартаменты, обставленные с пышной роскошью, чего и следовало ожидать от комнат, которые обходятся в пять серебряных воланов за ночь. Окно в четвертом этаже выходило на мощный дворик, где гулким эхом отдавался стук колес и топот копыт, – туда то и дело подъезжали кареты и экипажи в сопровождении конных стражников.

– Картенские маги... – пробормотал Жан, повязывая перед зеркалом шейный платок. – Я б не нанял их чаю вскипятить, даже будь я богаче герцога Каморрского...

– А вот это мысль, между прочим, – сказал Локк, весь день проспавший крепким сном, что явно пошло ему на пользу; сейчас он уже оделся и пил кофе. – Будь мы богаче герцога Каморрского, мы бы наняли целую ораву картенских магов и велели бы им убраться с глаз долой, на какой-нибудь необитаемый остров.

– По-моему, даже богам не под силу сотворить такой необитаемый остров, куда вольнонаемных магов можно сослать навечно.

Жан одной рукой расправил складки шейного платка, а другой потянулся к серебряному подносу с завтраком. Владельцы гостиного двора по праву гордились обширным списком необычных услуг, среди которых был и особый завтрак для избранных, долговременных постояльцев – портретная выпечка, искусные творения гостиничного кондитера, обученного каморрскими пирожниками. Вот и сейчас на подносе красовались две булочки: крошечный Локк, с глазками-изюминками и светлыми марципановыми волосами, покрытый сладкой глазурью, и Жан, чуть побольше, с волосами и бородой из черного шоколада; сдобные ноги Жана-булочки уже были отъедены.

Немного погодя Жан, отряхнув с камзола маслянистые крошки, удовлетворенно вздохнул:

– Ах, бедняжки!

– Увы, их поглотила бездна, – сокрушенно добавил Локк.

– Жаль, что я не стану свидетелем твоего разговора с Реквином и Селендри.

– Да? Неужели ты в Тал-Верраре меня дожидаться будешь? – невинно осведомился Локк, без особого успеха пытаясь скрыть тревогу за улыбкой.

– Никуда я не сбегу, – ответил Жан. – Хоть я и сомневаюсь в успехе нашего предприятия, но тебя одного не оставляю, ты же знаешь.

– Знаю, знаю. Прости. – Локк допил кофе и отставил пустую чашку. – Кстати, наш с Реквином разговор особого интереса не представляет.

– Так я тебе и поверил! У тебя в голосе уже ухмылка звучит... Обычно ухмыляются, закончив дело, а у тебя физиономия дурацкой улыбкой сияет задолго до того, как все начинается.

– Какая еще ухмылка? Я уныл, как покойник. Просто хочется поскорее с этой тяготиной разделаться, надоело все. Так что встреча будет скучной.

– Ага, скучной она будет! Особенно когда ты подойдешь к бронзоворукой особе и скажешь: «Прошу простить меня, сударыня, но...»

2

– ...я жульничал, – сказал Локк. – Мошенничал постоянно, в каждой игре, вот уже два года, с тех самых пор, как мы с моим спутником впервые заглянули в «Венец порока».

Пронзительный взгляд Селендри производил странное впечатление: на месте левого глаза темнела дыра, полуприкрытая тончайшей матовой пленкой бывшего века, однако невольная дрожь пробирала и при виде единственного здорового глаза изувеченной красавицы.

– У вас со слухом все в порядке? – осведомился Локк. – Да-да, мошенничал. В каждой игре. На каждом этаже вашего драгоценного заведения. Безбожно обманывал ваших посетителей.

– Господин Коста, – произнесла Селендри глухим, колдовским шепотом, – по-моему, вы не вполне понимаете, чем чревато ваше заявление. Вы пьяны?

– Что вы, я трезв, как младенец.

– Или вы решили таким образом позабавиться?

– Нет, я совершенно серьезен, – ответил Локк. – И о причинах, побудивших меня сделать это заявление, я с удовольствием поговорю с вашим господином. С глазу на глаз.

Локк и Селендри стояли в пустом зале шестого этажа; в двадцати футах от них замерли четверо служителей в ливреях Реквина. Избранные счастливицы собирались здесь гораздо позже, вдоволь нагулявшись в оживленных нижних залах.

Посреди зала высилась скульптура, заключенная в цилиндр Древнего стекла, – хотя оно и не поддается обработке рукой человека, по миру разбросаны миллионы крупных осколков и завершенных предметов непонятного назначения. Во многих городах существовали гильдии сборщиков Древнего стекла, которые за умопомрачительную плату могли подыскать обломки, подходящие для самых разнообразных нужд, в соответствии с желанием заказчика.

Внутри цилиндра находился... Локк долго подыскивал слово, но в голову не приходило ничего, кроме меднопада. Скульптура изображала скалу выше человеческого роста, составленную из серебряных воланов, с которой срывался водопад – непрерывный поток медных центриров. Должно быть, в цилиндре стоял оглушительный звон, но Древнее стекло не пропускало ни звука, и скульптурой можно было любоваться в абсолютной тишине. Невидимое устройство в полу подхватывало монетки, возвращая их на вершину серебряной скалы. Экстравагантное зрелище приковывало взгляд и завораживало; Локку никогда прежде не приходило в голову, что горой денег можно восхищаться, как предметом искусства.

– С моим господином? Вы полагаете, что у меня есть господин?

– Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду Реквина.

– Он первым разуверит вас в вашем заблуждении. Весьма доходчиво.

– Великолепно! Любые недоразумения легче всего прояснить в личной беседе.

– О да! Реквин жаждет с вами побеседовать – наедине.

Она дважды щелкнула пальцами правой руки, подзывая служителей, которые тут же обступили Локка. Селендри воздела палец, и два служителя, крепко схватив Локка под локти, повели его вверх по лестнице. Селендри держалась в паре шагов позади.

На седьмом этаже красовалась еще одна скульптура, замкнутая в широкое кольцо Древнего стекла, – круг вулканических островов из серебряных воланов посреди моря золотых соляров. С каждой серебряной вершины в сверкающие бурные волны извергались лавовые потоки золотых монет. Локк, увлекаемый служителями, не успел рассмотреть все подробности великолепной скульптурной композиции; его провели мимо двух ливрейных стражей, и восхождение по лестнице продолжилось.

Посреди игорного зала в восьмом этаже стояла огромная статуя, заботливо огороженная Древним стеклом. Локк, изумленно проморгавшись, с трудом сдержал одобрителный смешок.

Скульптура представляла собой стилизованное изображение Тал-Веррара: серебряные острова, покоящиеся в золотом море. Над городом, словно некое божество, высилась мраморная фигура в рост человека. Локк сразу же опознал владельца игорного дома: из-за резко выступающих скул узкое лицо выглядит улыбчивым, округлый подбородок дерзко выдается вперед, глаза широко расставлены, а большие уши торчат, будто нарочно прилепленные к голове; Реквин походил на марионетку, наскоро сработанную рассерженным кукольником. Руки статуи были распростерты в приветственном, радушном жесте, а из широких мраморных рукавов на город нескончаемым потоком сыпались золотые монеты.

Локк едва не споткнулся, разглядывая скульптуру; от падения его удержала лишь крепкая хватка служителей.

Лестница, ведущая с восьмого этажа на девятый, оканчивалась площадкой у широких полированных дверей. Селендри, обогнув Локка и служителей, подошла к стенной нише, вставила в нее бронзовый протез – судя по всему, в нише находилось какое-то механическое устройство – и повернула его на пол-оборота влево. Из-за стены донеслось пощелкивание шестеренок, и двери распахнулись.

– Обыщите его, – велела Селендри и, не оборачиваясь, переступила порог.

С Локка стянули камзол, а затем принялись ощупывать, оглаживать, хлопывать и перетряхивать почище, чем в любом борделе. Зарукавные стилеты (излюбленное оружие знатных господ) отобрали, кошелек опустошили, туфли заставили снять, а один из служителей даже запустил пальцы в Локкову шевелюру. После этого Локка – растрепанного, босого и в одной рубашке – бесцеремонно подтолкнули к дверям, за которыми скрылась Селендри.

За дверями оказалась темная площадка, чуть больше платяного шкафа, откуда вверх, к квадрату теплого желтого света, уходила витая чугунная лесенка. Локк, шлепая босыми ногами по ступеням, поднялся в кабинет Реквина.

Кабинет занимал весь девятый этаж «Венца порока»; дальний конец просторного зала, отделенный шелковыми портьерами, служил спальней. В стене по правую руку, сквозь раздвижную сетчатую ширму балконной двери, виднелась сумрачная панорама Тал-Веррара; Локк сообразил, что балкон выходит на восток.

Стены кабинета, в подтверждение известных Локку слухов, украшали шедевры старых мастеров. Картины в тяжелых золоченых рамах висели повсюду – не меньше двадцати работ эпохи поздней Теринской империи, когда почти каждый вельможа императорского двора, объявив себя покровителем изящных искусств, обзаводился личным придворным художником или скульптором и с гордостью выставлял их напоказ, как породистых лошадей или собак. Локк в живописи не разбирался, но, по слухам, в собрании Реквина были две картины кисти Морестры и полотно работы Вентатиса – художников, погибших много столетий назад (вместе со своими эскизами, трудами по теории живописи и учениками) в огненной буре, уничтожившей Терим-Пель, имперскую столицу.

Селендри стояла у широкого письменного стола, заваленного книгами, свитками и миниатюрными механическими устройствами; у стола виднелся отодвинутый стул, а на столешнице цвета крепкого кофе покоились остатки ужина – беложелезное блюдо с какой-то рыбой и початая бутылка бледно-золотистого вина.

Селендри здоровой рукой притронулась к бронзовому протезу. Раздалось механическое пощелкивание, и бронзовая ладонь раскрылась, будто лепестки сверкающего цветка; металлические пальцы отогнулись к запястью, и из середины ладони выдвинулись два шестидюймовых клинка вороненой стали. Селендри, махнув ими, как клешней, велела Локку подойти к столу.

– Господин Коста, я так рад вас видеть! – прозвучало за спиной Локка. – Селендри утверждает, что вам жить надоело.

– Что вы, сударь! Я просто признался вашей помощнице, что мы с партнером вот уже почти два года жульничаем за игорными столами «Венца порока».

– Вы сказали, что мошенничаете в каждой игре, – напомнила Селендри.

– Ну, допустим, я несколько преувеличил... – Локк небрежно пожал плечами. – Для пущего эффекта. На самом деле не в каждой, а почти в каждой игре.

– Да он фигляр, – прошептала Селендри.

– Нет-нет, – возразил Локк. – Хотя, конечно, случается и фиглярствовать. Но не сейчас. За спиной Локка послышались шаги по паркету.

– Вы сюда на спор явились, – произнес Реквин.

– В каком-то смысле да, но в общем – нет.

Реквин неторопливо обошел Локка и остановился перед ним, заложив руки за спину и пристально разглядывая своего гостя. Статуя этажом ниже во всем походила на оригинал, разве что в жизни Реквин был не столь строен, да седые кудри на макушке поредели чуть больше мраморных. Плечи Реквина обтягивал узкий камзол черного панбархата, а руки прятались в коричневых кожаных перчатках. На носу поблескивали очки – Локк запоздало сообразил, что блики – не отражение светильников, а сияние, заключенное в самом стекле. Призрачное оранжевое зарево – наверняка результат какой-то новомодной дорогостоящей выдумки алхимиков, совершенно неизвестной Локку, – придавало жутковатое выражение широко расставленным глазам.

– Мастер Коста, позвольте узнать, что вы сегодня пили. Может быть, вас угостили каким-то необычным вином?

– Увы, веррарская вода не пьянит, а что до остального, то в глотке у меня сухо, как в пустыне.

Реквин подошел к столу, серебряной вилочкой подцепил с блюда кусочек белой рыбы и наставил вилку на Локка:

– Значит, вы утверждаете, несмотря на совершеннейшую несостоятельность подобного утверждения, что с большим успехом мошенничали в моем заведении целых два года и теперь решили передо мной повиниться? Почему? Вас совесть замучила?

– Отнюдь нет.

– Таким изощренным способом вы желаете свести счеты с жизнью?

– Я твердо намерен уйти отсюда живым.

– Смею вас заверить, что в полет с девятого этажа до брусчатки мостовой вы отправитесь в добром здравии.

– Надеюсь, мне удастся убедить вас, что вам будет полезнее сохранить мне жизнь.

Реквин задумчиво прожевал рыбу, а потом осведомился:

– И как же вы мошенничали, господин Коста?

– Ловкость рук – и ничего более.

– Ах, ловкость рук... Руки шулера я узнаю с первого взгляда. Позвольте-ка вашу правую руку?

Реквин раскрыл левую ладонь в перчатке, и Локк опасливо протянул ему правую руку.

Владелец «Венца порока» ухватил его за запястье и рывком припечатал ладонь к столешнице. К изумлению Локка, глухого удара о дерево не последовало – в столешнице открылась потайная панель, ладонь провалилась в выемку, раздался громкий щелчок, и запястье сдавило,

будто тисками. Локк отшатнулся, но рука как будто застряла в зубастой пасти голодного чудовища. Селендри угрожающе наставила на Локка вороненую клешню, и он замер.

– Ну вот. Ах, руки, руки! От них хозяевам одни неприятности, господин Коста. Вот и Селендри вам это подтвердит.

Реквин, обернувшись к стене у стола, сдвинул полированный щиток, за которым скрывалась длинная узкая полка, уставленная запечатанными стеклянными сосудами. В каждом сосуде темнело что-то сморщенное... дохлые пауки? Нет, жутковатые трофеи – отсеченные засушенные руки; на скрюченных иссохших пальцах тускло поблескивали кольца и перстни.

– Прежде чем свершится неизбежное, – непринужденно заметил Реквин, – мы обычно отсекаем правую руку. На прощание, так сказать. Не беспокойтесь, процедура отлаженная. Видите, я даже ковры отсюда убрал, с них кровь трудно отчищать.

– Я восхищен вашей предусмотрительностью, – сказал Локк, чувствуя, как по лбу медленно сползает капелька пота. – И, как и следовало ожидать, преисполнен благоговейного ужаса. А теперь, когда вы добились желаемого эффекта, извольте вернуть мне руку.

– Вернуть вашу руку нетронутой представляется несколько проблематичным. Впрочем, все зависит от ваших ответов. Итак, ловкость рук... Позвольте напомнить, что мои прекрасно обученные служители весьма преуспели в выявлении карточных мошенников.

– Несомненно, – улыбнулся Локк, опустившись на колени перед столом, – так было удобнее. – Видите ли, я способен с легкостью спрятать живого кота в самой обычной колоде из пятидесяти шести карт и с неменьшей легкостью извлечь его оттуда, да так, что остальные игроки, хоть и будут слышать пронзительное мяуканье, никогда не поймут, откуда оно исходит.

– Что ж, в таком случае попрошу предъявить вашего кота. Выкладывайте его вот сюда, на стол.

– Ну, это я образно выразился. Увы, коты пока еще не являются неотъемлемым аксессуаром веррарских щеголей и франтов.

– Ах, какая жалость. Впрочем, ничего удивительного – должен заметить, что здесь, на вашем месте, преклоняли колена немало особ, впоследствии испутивших дух, которым, кроме образных выражений, предложить было больше нечего.

– Ваши служители, сняв с меня камзол и туфли, обыскали меня с великим тщанием, – со вздохом произнес Локк. – Можно сказать, прощупали до самых печенок. И все же...

Он, тряхнув левым рукавом, протянул Реквину раскрытую ладонь, на которой оказалась невесть откуда взявшаяся колода карт.

Селендри моментально приставила к горлу Локка вороненые клинки.

– Любимая, колодой карт ему меня не убить, – с улыбкой сказал ей Реквин и кивнул Локку. – Неплохо, господин Коста.

– А теперь... – Локк отвел вытянутую руку в сторону, удерживая колоду вертикально, между большим и остальными пальцами.

Легкий поворот запястья, едва заметное движение большого пальца – и он срезал колоду и, сперва медленно, а потом все убыстряя темп, принялся переставлять пальцы, пока не начал перебирать ими с такой быстротой, что кисть словно бы превратилась в паука, берущего уроки фехтования. Десятки раз Локк срезал, пролистывал и перетасовывал колоду, а затем стремительно, широким веером, выложил ее на стол, сдвинув Реквиновы безделушки.

– Выберите карту, – предложил Локк. – Любую. Посмотрите, запомните, мне не показывайте.

Реквин взял карту, а Локк тем временем ловким скользящим движением собрал остальные со стола, будто ленту поднял, и снова принялся тасовать. Наконец, разделив колоду на две части, он опустил половину на столешницу:

– А теперь положите вашу карту вот сюда, наверх. Надеюсь, вы ее хорошенько запомнили.

Реквин послушно положил карту. Локк тут же накрыл ее оставшимися картами, снова ухватил колоду, хорошенько перетасовал и, сняв верхнюю карту – четверку кубков, с улыбкой швырнул ее на стол и торжественно возгласил:

– Вот ваша карта, о властитель «Венца порока»!

– Нет, – ухмыльнулся Реквин.

– Тьфу ты! – Локк открыл следующую карту – печать Солнца. – А, я так и знал, она вот куда подевалась.

– Нет.

– Вот незадача... – вздохнул Локк, торопливо открывая следующие карты в колоде. – Восьмерка шпилей? Тройка шпилей? Тройка кубков? Печать Двенадцати? Пять сабель? Да что же это такое... Владычица цветов?

Реквин раз за разом мотал головой.

– Прошу прощения. – Локк, отложив колоду на стол, левой рукой расстегнул правый манжет, озабоченно задрал рукав до локтя, потом одернул его и снова завозился с запонкой.

В левой руке Локка возникла еще одна колода.

– Ну-ка... Семерка сабель? Тройка шпилей? Нет, это уже было... Двойка кубков? Шестерка кубков? Владыка сабель? Тройка цветов? Где же она?! И что за дурацкая колода мне попалась!

Он положил вторую колоду рядом с первой и, рассеянно почесав живот над узким кушаком панталон, извлек откуда-то третью колоду, после чего с деланным изумлением вскинул бровь и улыбнулся Реквину:

– Этот фокус гораздо эффектнее исполнять обеими руками.

– Вы и одной рукой прекрасно справляетесь, – заметил Реквин.

Локк, вздохнув, перевернул верхнюю карту новой колоды:

– Девятка кубков! Она?

Реквин хмыкнул и снова помотал головой.

Третья колода присоединилась к растущей горке карт на столешнице. Локк, чуть поднявшись с колен, вытащил четвертую – вроде как из панталон.

– Ваши прекрасно обученные служители, разумеется, без особого труда обнаружили бы у босоногого человека в одной рубашке четыре спрятанные колоды... погодите-ка, четыре? Помоему, я обсчитался...

Пятая колода, появившись откуда-то из складок шелковой рубашки, тут же прибавилась к угрожающе накренившейся стопке на столе.

– Нет, ну уж пять колод от ваших прекрасно обученных служителей никоим образом не укрылись бы, господин Реквин. Пять колод – это чересчур. Перегиб. Того и гляди засмеют, стыда не оберешься. И все же – вот они, красавицы. Прошу прощения, я мог бы пронести и больше, но их пришлось бы скрывать в местах не вполне пристойных. И опять же извините, но выбранной вами карты я отыскать не могу, хотя... Погодите-ка... А, вот куда она спряталась, мерзавка! – Он потянулся к столу, сдвинул бутылку вина, извлек из-под нее карту рубашкой вверх и, крутанув в пальцах, объявил: – Ваша карта. Десятка сабель.

Реквин расхохотался; в пламенеющем сиянии очков сверкнули желтоватые зубы.

– Прекрасно! Великолепно! Итак, принимая во внимание, что все это вы проделали одной рукой, приходится признать, что подобные фокусы вполне могут ввести в заблуждение моих служителей и гостей. Однако же вы с господином де Ферра проводили время за играми, в которых соблюдаются весьма строгие правила. Карточные фокусы в них неприменимы.

– Освободите меня, и я расскажу, как мы обошли ваши строгие правила.

– Мне хотелось бы сохранить за собой преимущество.

– В таком случае предлагаю равноценный обмен, – заявил Локк с неподдельной, отчаянной искренностью. – Выпустите мою правую руку, а я подробно перечислю все изъяны в системе безопасности вашего славного заведения.

Реквин неторопливо сплел в замок обтянутые перчатками пальцы, окинул испытующим взглядом коленопреклоненного Локка и задумчиво кивнул Селендри. Она, чуть отведя клинки в сторону, нажала какой-то рычажок под столешницей. Локк, потирая высвободившееся запястье, неуверенно поднялся на ноги.

– Премного благодарен, – с притворной беззаботностью произнес он. – Так вот, мы играли много и часто, однако, прошу заметить, старательно избегали «красное и черное», «двадцать», «девичью причуду»... В общем, все те игры, где посетители играют против заведения, а не друг против друга, – ведь игры эти основываются на тонком математическом расчете, дающем игорному дому существенное преимущество.

– Владельцы игорных домов пекутся о своей прибыли, господин Коста.

– Разумеется. Поэтому они и не представляют для меня никакого интереса. Я обманываю людей, а не заведение. Мне не страшны ни ваши хитроумные устройства, ни ваши хорошо обученные служители. В игре с противником из плоти и крови шулер всегда отыщет лазейку и просочится в нее, как вода в щели корабельного днища.

– Весьма зажигательная речь, господин Коста, – сказал Реквин. – Меня всегда восхищает красноречие обреченных. Однако нам с вами известно, что, к примеру, в лихой карусели обман возможен только по предварительному сговору всех четырех игроков, что, разумеется, лишает игру всякого смысла.

– Верно. Карусель обмануть невозможно, сданные карты не подтасуешь – во всяком случае, в вашем заведении. Зато вполне возможно обмануть игроков. Вы знаете, что такое белая панелла?

– Снотворное. Дорогое алхимическое зелье.

– Вот именно. Безвкусный и бесцветный порошок, действие которого, смею заметить, многократно усиливают спиртные напитки. Вчера мы с Жеромом всякий раз, прежде чем браться за карты, присыпали им кончики пальцев. У госпожи Корвальер есть хорошо известная привычка во время игры поглощать лакомства, облизывая пальцы, так что рано или поздно порошок на нее подействовал бы.

– Ах вот как! – озадаченно протянул Реквин. – Селендри, вам об этом известно?

– Мне известно о привычке госпожи Корвальер, – хрипло прошептала Селендри. – Она таким образом противников отвлекает.

– Да-да, я с несказанным удовольствием следил за ней весь вечер, – заявил Локк. – Она сама себя наказала.

– Что ж, весьма похоже на правду, – задумчиво произнес Реквин. – Теперь понятно, чем объясняется... внезапное недомогание Измилы.

– Да уж, она несокрушима, как ангар из Древнего стекла. Мы с Жеромом выпили порядочно, а ей досталось лишь несколько фиалов, от них она не захмелела бы, если бы не чудодейственное зелье.

– Допустим. А теперь поговорим о других играх – к примеру, об альянсах наугад.

В альянсы наугад играли в полном молчании. Игроки – четное число – занимали места за круглым столом с высокими перегородками перед каждым, которые надежно заслоняли от партнера, сидевшего строго напротив, однако позволяли заглядывать в карты соседей. Дабы партнеры не подавали тайных сигналов друг другу, перестукиваясь под столом, каждый игрок придерживал правой ступней левую ногу соседа справа. Играть приходилось по наитию, полагаясь лишь на отчаянные догадки, не видя, не слыша и не касаясь партнера.

– А, так это детская забава! Мы с Жеромом заказали особую обувь с железными вкладками в мысках. Если умеючи вытащить ногу из башмака, то сосед по игре не почувствует

ничего подозрительного – вес железной вкладки полностью соответствует весу ступни, держащей ногу. Так что мы с Жеромом под столом целые поэмы друг другу выстукивали, у нас свой код имеется. Вам же наверняка доложили о наших баснословных выигрышах.

– Вы шутите?

– Нисколько. Могу вам обувь показать.

– Да, вам и впрямь чрезвычайно везло... Ну а как же вам удалось лорда Ландреваль в бильярд обыграть? Тут мошенничать бесполезно – и стол, и шары, и кии сделаны на заказ для игорного дома, вдобавок их всякий раз тщательно осматривают, а счет ведется моими служителями.

– Разумеется, подделать все это невозможно, но за десять соларов лекарь Ландреваль поведал мне о некоторых особенностях организма его светлости и среди прочего упомянул, что лорд Ландреваль испытывает болезненную чувствительность к лимонам. Перед каждой партией мы с Жеромом натирали руки, лицо и шею разрезанными лимонами, а запах маскировали ароматическими отдушками. За полчаса общения с нами у Ландреваль развивался такой отек, что он веки с трудом разлеплял. Бедняга так и не понял, из-за чего это происходило.

– Погодите, вы утверждаете, что выиграли тысячу соларов с помощью пары лимонов? Но это же совершеннейший вздор!

– Вы абсолютно правы. Я обратился к Ландреваль с учтивой просьбой о ссуде в тысячу соларов, а он, исключительно по доброте душевной, предоставил нам возможность опозорить его на весь свет, одержав победу в той самой игре, непревзойденным мастером которой он считается.

– Гм...

– Как часто Ландреваль проигрывал? Одну игру из пятидесяти? А потом появились мы с Жеромом, ну и...

– Да уж. Лимоны, говорите?

– Они самые. Видите ли, если не удастся смухлевать в игре, то следует отыскать способ обмизулить игрока. Мы с Жеромом способны любого гостя в вашем уважаемом заведении превратить в послушную марионетку, дайте только время подготовиться и собрать необходимые сведения. Впрочем, если бы человек с моими способностями разузнал побольше обо мне самом, то и меня бы в марионетку превратили.

– Ваш рассказ меня заинтересовал, господин Коста. – Реквин взял бокал со стола, неторопливо отпил вина. – Положим, я готов снизить до признания некоторой части ваших утверждений. Я подозревал, что вы с приятелем вовсе не биржевые дельцы, но в моем заведении всякий обладатель солидного состояния волен объявить себя кем угодно – хоть герцогом, хоть трехговым драконом, мне все равно. До того как вы переступили порог моего кабинета, я считал вас человеком состоятельным, поэтому позвольте задать вам чрезвычайно важный вопрос: с какого перепугу вы мне все это рассказываете?

– Мне хотелось привлечь ваше внимание.

– Считайте, что вам это удалось.

– Увы, одного внимания недостаточно. Вы должны были в полной мере оценить мои способности и мои дальнейшие намерения.

– Что ж, я их оценил – с некоторыми оговорками. И как вы думаете, чего же вы этим добились?

– Того, что вы прислушаетесь к моему следующему заявлению.

– Какому еще заявлению?

– Понимаете, я здесь не ради того, чтобы обманом выманивать тысячи соларов у ваших уважаемых гостей. Несомненно, это доставило мне огромное удовольствие, но моя главная цель заключается в ином... – Локк развел руками и виновато улыбнулся. – Меня наняли для того, чтобы я проник в вашу сокровищницу и вынес оттуда абсолютно все у вас из-под носа.

3

Реквин недоуменно моргнул:

– Но это же невозможно!

– Увы, это неизбежно.

– Послушайте, речь идет не о ловкости руки и не о лимонах. Извольте объясниться, господин Коста.

– Устал я стоять, ноги гудят, – сказал Локк. – Да и в горле пересохло.

Реквин, пристально посмотрев на него, пожал плечами и небрежно произнес:

– Селендри, стул для господина Косты. И бокал.

Недовольно поморщившись, Селендри подняла резной стул темного дерева с кожаным сиденьем, стоявший у стены, и опустила его рядом с Локком. Локк улыбнулся и сел на стул. Селендри куда-то отошла и, вернувшись, вручила Реквину хрустальный бокал. Реквин взял со стола бутылку и щедро наполнил бокал красным вином. Красным? Локк удивленно заморгал, но тут же сообразил, что это *камелеона*, изменчивое вино – одно из сотен знаменитых творений веррарских алхимиков-виноделов. Реквин передал ему бокал и, скрестив руки на груди, оперся о столешницу.

– За ваше здоровье, – сказал Реквин. – Оно вам еще пригодится.

Локк с наслаждением глотнул вина, смакуя необычный букет, в котором привкус абрикоса сменялся ароматной свежестью чуть кисловатых яблок. Неплохо разбираясь в винах, Локк оценил глоток в двадцать воланов и с неподдельной признательностью кивнул Реквину, который равнодушно отмахнулся.

– Господин Коста, от вашего внимания наверняка не ускользнул тот факт, что моя сокровищница – самое надежное хранилище в Тал-Верраре. Это единственное в городе место, защищенное с избыточностью, превосходящей даже охрану личных покоев самого архонта. – Реквин левой рукой поправил тугую перчатку, обтягивающую пальцы правой. – Сокровищница заключена в оболочку первозданного Древнего стекла, и путь в нее преграждает череда заслонов – непревзойденных творений искуснейших механиков и литейщиков, совершенство которых, не считите за пустое хвастовство, не имеет себе равных. Конечно же, звучит это нескромно, будто я исподним похваляюсь, но, да будет вам известно, многие приоры предпочитают хранить свои деньги и ценности у меня.

– Примите мои поздравления, – сказал Локк. – Весьма лестно обзавестись такими важными клиентами. И все же вход в сокровищницу охраняется набором шестеренок, а шестеренки изготавливают люди. А все запертое кто-нибудь обязательно отперет.

– Повторяю, это невозможно.

– А я вас снова поправлю – не невозможно, а трудно. Трудно и невозможно – как родственники, которых часто путают, хотя у них очень мало общего.

– Сквозь заслоны, оберегающие вход в мою сокровищницу, самому лучшему вору на свете не пробраться. Увы, господин Коста, проще бегемота родить. Это даже обсуждать глупо. Мы с вами всю ночь можем мужскими достоинствами мериться: мол, у меня пять футов, а у вас – все шесть и по команде огнем пышет. Вы сами признали, что обмануть механические устройства в моем заведении вам не под силу. А раз уж моя сокровищница охраняется механизмами, непревзойденными в своей сложности, то из ваших же слов следует, что я и есть тот самый противник из плоти и крови, которого вы надеетесь обвести вокруг пальца.

– Возможно, наша с вами беседа заставит меня забыть о подобной надежде.

– А как обман посетителей моего заведения связан с попыткой пробраться в сокровищницу?

– Видите ли, мы зачастили к вам под видом заядлых игроков для того, чтобы поближе ознакомиться с вашими методами, однако особого успеха это не принесло. А мошенничали мы со скуки, чтобы игре интереса придать.

– В «Венце порока» вам скучно?!

– Мы с Жеромом – воры. Вот уже много лет мы в картишки поигрываем и добро воруем и на востоке, и на западе. Мы и в Каморре не раз промышляли, и здесь. С богачами карусели крутить – милое времяпрепровождение, но быстро надоедает. Время идет, работа стоит, а развлечься чем-то надо...

– Кстати, о работе. Вы упомянули, что вас наняли. Вот об этом извольте рассказать подробнее.

– Нас с партнером сюда прислали, скажем так, наводчиками. Из всех подробностей нам известно лишь, что некая особа жаждет полностью опустошить вашу сокровищницу – не просто проникнуть внутрь, а вынести все подчистую, выжать все добро, как мед из сот.

– Некая особа?

– Некая особа. Понятия не имею, кто именно. Мы с Жеромом имеем дело исключительно с подставными лицами, а выяснить, кто за ними стоит, нам не удастся. Наш заказчик как был безымянным, так вот уже целых два года им и остается.

– И часто вы с безымянными заказчиками связываетесь, господин Коста?

– Только в тех случаях, когда за мои труды платят грудями звонких монет. Смею вас уверить, мой заказчик на деньги не скупится.

Реквин уселся за стол, снял очки и устало потер глаза, не снимая перчаток.

– А какую игру вы теперь ведете, господин Коста? Почему решили осчастливить меня вашими откровениями?

– Мне мой заказчик прискучил. И общество Жерома мне прискучило. В Тал-Верраре мне нравится, поэтому хотелось бы подыскать себе новое занятие.

– Что, решили костюмчик сменить?

– Да, если вам угодно так выразиться.

– А мне от этого какая выгода?

– Во-первых, у вас появится возможность противостоять действиям моего заказчика. Имейте в виду, сюда не только нас с Жеромом послали. Нам поручено выяснить, как пробраться в сокровищницу, только и всего. Все собранные нами сведения передаются кому-то еще. От нас требуется лишь вскрыть вашу кубышку, а дальнейшие планы нам неведомы.

– Продолжайте.

– А во-вторых, у меня есть взаимовыгодное предложение. Мне нужна работа. Надоело бегать из города в город, счастья искать. Я хочу обосноваться в Тал-Верраре, остепениться, дом прикупить, женщиной обзавестись. Вот помогу вам разделаться с моим заказчиком и с удовольствием в вашем заведении послужу.

– Фигляр?

– Реквин, вам просто необходим управляющий игорными залами. Признайтесь, сейчас вы так же уверены в надежности вашего заведения, как и в самом начале нашей беседы? Мне известны все игры, в которых можно смухлевать. Не будь я сообразительнее ваших служителей, мне бы не выжить. Кто лучше меня сможет уследить за гостями? Кто, как не я, сумеет обеспечить честную игру?

– Что ж, соглашусь, ваша просьба вполне логична. А вот ваше желание уйти от заказчика логическому объяснению не поддается. Вас не страшат последствия такого поступка?

– Нисколько, особенно если я помогу вам избавиться от угрозы. Основная трудность заключается в том, чтобы выяснить личность моего заказчика. Когда известно, с кем имеешь дело, избавиться от такого человека не составляет особого труда. Вам подчиняются все веррар-

ские банды, к вашим советам прислушиваются приоры. Если мы узнаем, кто этот таинственный заказчик, то вы наверняка сумеете его приструнить.

– А как же ваш партнер, господин де Ферра?

– Мы с ним прекрасно работали, – сказал Локк, – но недавно рассорились из-за весьма досадного расхождения во взглядах. Он меня глубоко оскорбил, однако полагает, что заслужил мое прощение. Смею вас заверить, таких оскорблений я не прощаю. Как только мы покончим с нашим заказчиком, я лично намерен разобраться с Жеромом, дабы он перед смертью осознал, что в нашем споре я вышел победителем. Да, по возможности смерть он должен принять от моей руки. Это и работа в вашем заведении – все, чего я у вас прошу.

– Гм... Селендри, а что ты об этом думаешь?

– Есть тайны, которым лучше перерезать горло, – прошептала она.

– Умоляю, не беспокойтесь! – сказал ей Локк. – Для вас я угрозы не представляю. Управляющий игорными залами – предел моих мечтаний. Я отнюдь не желаю занять ваше место.

– При всем желании, господин Коста, у вас этого не выйдет, – заметил Реквин, ласково коснувшись правой, неизувеченной руки Селендри и нежно пожимая ей пальцы. – Ваша дерзость меня восхищает, но всему есть предел.

– Ох, прошу прощения. Я не собирался так далеко заходить в своих предположениях. Селендри, между прочим, я вполне с вами согласен. Признаюсь, я и сам был бы склонен полагать, что от меня лучше всего избавиться. Для людей моей профессии тайны весьма опасны. Таинственность, окружающая моего заказчика, стала меня раздражать. Мне хочется жить размеренно и предсказуемо, а потому и моя просьба, и мое предложение вполне искренни.

– А взамен, – сказал Реквин, – вы сулите предоставить мне расплывчатое объяснение неких опасностей, якобы грозящих моей сокровищнице, которая ограждена непревзойденными защитными мерами, разработанными мной лично, и по праву считается неприступной.

– Не так давно вы с такой же уверенностью утверждали, что ваши прекрасно обученные служители обладают непревзойденными способностями безупречно выявлять шулеров среди гостей вашего заведения.

– Ах, значит, вам все-таки удалось не только обмануть моих служителей, но и проникнуть в сокровищницу? Да полно, удалось ли?

– Для этого нужно время, – сказал Локк. – Дайте срок, и способ рано или поздно отыщется. Я от своих намерений отказываюсь не из-за трудностей, а исключительно из прихоти. Не принимайте мою искренность на веру, полюбопытствуйте, чем мы с Жеромом целых два года в Тал-Верраре занимались, – узнаете много интересного.

– Всенепременно, – ответил Реквин. – А с вами что прикажете делать?

– Да ничего особенного! Наведите обо мне справки, последите за Жеромом и мной, позвольте нам по-прежнему посещать «Венец порока» – клятвенно обещаю, что в ближайшие дни играть мы будем честно. А я тем временем поразмыслию, планы свои обдумаю... может быть, что-нибудь да разужнаю о нашем безымянном заказчике.

– Так вы ожидаете, что я вас отпущу подобру-поздорову? Не лучше ли подержать вас взаперти, пока я справки навожу?

– Если вы всерьез решили рассмотреть либо мою просьбу, либо мое предложение, либо и то и другое, – заметил Локк, – то обязаны всерьез задуматься об угрозе, исходящей от моего заказчика. Как только до него дойдут слухи о моем провале, нас с Жеромом тут же отстранят от дел, а вы упустите благоприятную возможность.

– То есть пользы от вас не будет никакой, – сказал Реквин. – Итак, вы, человек, согласный на предательство и на убийство партнера, предлагаете мне все принять на веру?

– Между прочим, вы так же цепко держите мой кошелек, как ваш стол совсем недавно держал мою руку. Все мои деньги в Тал-Верраре находятся на счетах вашего заведения, это

вам в любом счетном доме подтвердят. Прошу заметить, я добровольно уведомляю вас об этом вашем преимуществе.

– Господин Коста, тот, кто пылает жадой мести, готов отдать все белое железо в мире за любую возможность поквитаться с обидчиком. Мои враги не позволяют мне об этом забывать.

– Я и сам не дурак. – Локк взял со стола колоду карт и рассеянно, не глядя, перетасовал. – Жером без всякой на то причины нанес мне смертельное оскорбление. Положите мне приличное жалованье, предоставьте достойное обращение – и у вас не будет ни малейших поводов для недовольства.

Локк снял верхнюю карту с колоды, щелчком перевернул ее и бросил на стол лицом вверх; рядом с остатками Реквинова ужина красовался владыка шпилей.

– Я сознательно решил переметнуться на вашу сторону. Делайте ставку, господин Реквин, пока вам благоволит удача.

Реквин вытащил очки из кармана камзола и нацепил их на нос, задумчиво разглядывая карту. В зале воцарилось молчание. Локк снова пригубил вина – теперь бледно-голубого, со вкусом можжевельных ягод.

– Что ж, забудем на время все прочие соображения, – наконец произнес Реквин. – По-вашему, я должен оставить без внимания то, что вы дерзко презрели незыблемое правило «Венца порока», и отпустить вас безнаказанным?

– Обычно ваши служители разоблачают мошенников на виду у гостей заведения, – с напускным раскаянием сказал Локк, стараясь, чтобы слова его звучали как можно искреннее. – Моего признания никто, кроме вас, не слышал, а о причине нашей встречи Селендри служителям не говорила.

Реквин вздохнул, извлек из кармана золотой солар и положил его поверх Локкового владыки шпилей.

– Для начала сыграю по маленькой. Предупреждаю, любой хоть сколько-нибудь подозрительный или необычный поступок приведет к смерти, вы и опомниться не успеете. А если окажется, что вы мне хоть в чем-то сегодня солгали, то вам зальют глотку жидким стеклом.

– Справедливое решение.

– Сколько у вас денег на счете заведения?

– Чуть больше трех тысяч соларов.

– Из которых две тысячи теперь мои. Со счета я их не сниму, дабы не вызвать подозрений у господина де Ферра, но распоряжусь, чтобы вам этих денег не выдавали. И запомните, в моем заведении правила можно нарушать только с моего ведома.

– Ого! А теперь, судя по всему, мне следует изъяснить глубокую благодарность... Я вам очень признателен. Благодарю вас.

– Господин Коста, будьте осмотрительны, иначе вам несдобровать. Представьте, что у вас под ногами – яичная скорлупа, и ступайте с превеликой осторожностью.

– Значит, я могу идти? А можно считать это началом испытательного срока?

– Ступайте. Можете считать, что пока вы испытываете мое терпение. В следующий раз мы встретимся после того, как я наведу справки о вашем недавнем прошлом. Селендри вас проводит до первого этажа. А теперь убирайтесь.

Селендри, разочарованно вздохнув, убрала вороненные клинки в бронзовую ладонь, сложила механические пальцы протеза так, что они приняли свой обычный вид, и махнула этой рукой в сторону выхода. По сверканию здорового глаза Селендри Локк понял, что испытывать ее терпение и вовсе не стоит.

4

Во втором ярусе Савролы, в нескольких кварталах от гостиного двора «Вилла Кандесса», в отдельном кабинете клуба «Золотая галерея» сидел Жан Таннен, погруженный в чтение. Клуб представлял собой запутанный лабиринт с кабинетами темного дерева; войлочная обивка и толстый слой кожи оберегали от посторонних звуков посетителей, жаждущих уединения. Служителям в кожаных фартуках и красных колпаках запрещалось разговаривать, и на все просьбы гостей они отвечали утвердительным или отрицательным кивком.

Жан, неторопливо поглощая десерт – марципановых стрекоз с крылышками из жженого сахара, тускло поблескивавших в неярком пламени свечей, – перечитывал трагедию Лукарно «Десять честных предателей». Рядом с томиком в роскошном сафьяновом переплете тарелка с недоеденным ужином – фаршированными копчеными миногами в карамельном соусе с бренди – выглядела бренными останками, разметанными по полю недавнего сражения. Зачитавшись, Жан не заметил, как в кабинет проскользнул Локк и уселся за стол.

– Леоканто! Ох, ты меня напугал! – еле слышно выдохнул Жан.

– Жером, – шепотом ответил Локк, – ты опять от волнения за книги хватаешься? Твои привычки ничто не изменит, как я погляжу.

– Я нисколько не волновался. Так, немного обеспокоился.

– Ни волноваться, ни беспокоиться незачем.

– Значит, дело сделано? Я предан?

– Окончательно и бесповоротно. Считаю, ты уже живой труп.

– Прекрасно! А как он к этому отнесся?

– Настороженно. Что нас вполне устраивает. Если б он воодушевился, то... – Локк красноречивыми жестами изобразил, как в грудь ему вонзается кинжал. – Это копченые миноги?

– Угощайся. Они нафаршированы абрикосами и томленным желтым луком, я такое не очень люблю.

Локк, вооружившись Жановой вилкой, попробовал миног. Начинка ему понравилась.

– Мой счет в «Венце порока» уменьшился на две трети, – наконец сказал он, оторвавшись от угощения. – Дань Реквину за мошенничество и за то, что я испытываю его терпение.

– Ну, мы на эти деньги и не особо рассчитывали, хотя, конечно, неплохо было бы ими пару недель попользоваться.

– Верно. Однако я поначалу опасался иного исхода, ведь все могло завершиться хирургической ампутацией конечности в походных, то есть в кабинетных, условиях, а моя рука в этом совершенно не нуждается. А что ты там читаешь?

Жан показал ему титульный лист, и Локк притворно закашлялся, закатив глаза, будто подавился.

– Не пойму, зачем ты Лукарно вечно за собой таскаешь. К чему постоянно перечитывать романтические бредни? Хочешь, чтоб мозги в розовые сопли превратились? Ты же честный вор! Того и гляди обывателем заделаешься, цветочки в саду начнешь разводить.

– Я с огромным удовольствием покритиковал бы твои литературные пристрастия, если бы хоть однажды застал тебя за чтением.

– Между прочим, я много читаю.

– Ага, исторические и биографические труды, и то из-под палки. Я же помню, как Цеппи тебя заставлял.

– А что в них плохого?

– Да хотя бы то, что мы теперь живем на руинах истории, возникших в результате опрометчивых решений, принятых великими людьми, о которых впоследствии восторженно пишут

биографы. Ради удовольствия я их не читаю – к чему изучать карту, если путешествие уже окончено?

– Но ведь все эти романтические бредни – сплошные выдумки! Ложь и обман! Что в них интересного?

– Ты сам понял, что сказал? Сплошные выдумки, ложь и обман... Для нас с тобой самое подходящее чтиво, мы же именно что выдумками, ложью и обманом на хлеб зарабатываем, профессия у нас такая.

– Я не в сказке живу, а в безжалостной действительности, и приемы у меня самые что ни на есть всамделишные. Раз уж у нас профессия такая, то и действовать надо профессионально, ради пользы дела, а не из прекраснодушных мечтательных порывов.

Жан придвинул книгу к себе и многозначительно стукнул по сафьяновому переплету:

– Вот где нам с тобой место найдется, Шип... За себя не скажу, но ты уж точно туда попадешь. В исторических трудах мы удостоимся разве что скромной пометки на полях, а вот в легендах нас наверняка воспоют...

– Да уж, размечтался. В легендах все перевернут, да и нас оболгут – либо вознесут до небес, либо с грязью смешают. А правда о наших делах умрет вместе с нами.

– Лучше уж так, чем в полной безвестности сгинуть. Было время, ты не гнушался ни романтических бредней, ни театральных представлений, они помогали тебе входить в образ.

Локк вздохнул, оперся локтями о столешницу и еле слышно прошептал:

– А ты забыл, чем это закончилось?

– Прости... зря я тебе о некой рыжеволосой особе напомнил.

На пороге кабинета возник служитель, обратил вопросительный взгляд к Локку.

– Нет, спасибо, я сыт, – сказал Локк, откладывая вилку. – Подожду, пока мой приятель с засахаренными шершнями не расправится.

– Это не шершни, а стрекозы, – буркнул Жан, сунул лакомство в рот, проглотил, не разжевав, и спрятал томик Лукарно в карман камзола. – Несите счет.

Служитель кивнул, убрал со стола грязные тарелки и приколот к дощечке у стола листок бумаги.

Жан достал из кошелька горсть медяков.

– Что ж, вечер у нас свободен, – сказал Локк. – Реквин наверняка за нами слежку устроил, поэтому не будем его огорчать, пойдем-ка развлекаться.

– Отлично, – сказал Жан. – Побродим по окрестностям, сядем в лодку, сплаваем к Изумрудному пассажи. Там кофеен много, музыка играет. Леоканто и Жерому в самый раз напиться и к танцовщицам в тавернах приставать.

– Вот пусть Жером, налившись пивом, ухлестывает за девицами, пока солнце нас в постель не загонит. А Лео будет сидеть в глубокой задумчивости и с отвращением взирать на выходки приятеля.

– Может, с Реквиновыми лазутчиками в прятки поиграем?

– Тоже дело. Эх, жаль, нет Клопа. Нам выглядчики сейчасгодились бы, да где ж в этом проклятом городе надежных людей взять.

– Да, жаль, что Клопа нет... – вздохнул Жан.

Они неторопливо направились к выходу из клуба и, памятуя о любопытных ушах и глазах, завели негромкую беседу о каких-то вымышленных делах господ Коста и де Ферра. К полуночи они уже шли по знакомым тихим кварталам за высокими стенами Савролы. Здесь царили порядок и спокойствие – ни старьевщиков, ни кровавых драк в переулках, ни вонючей мочи в водостоках. У серых кирпичных стен мерцали серебристые фонари в чугунных переплетах; яркий лунный свет озарял округу, хотя в высоком небе чернели тяжелые тучи.

Какая-то женщина, внезапно выступив из теней слева от Локка, пошла рядом с приятелями. В ладонь Локка непроизвольно скользнул зарукавный стилет, но женщина – невысокая,

молодая и худошавая, в неброском темном наряде – упорно держалась поодаль, заложив руки за спину. На темных волосах, стянутых в длинный хвост, красовалась четырехуголка с серым шелковым шарфом, гордо реющим за спиной, как флаг на корме корабля.

– Леоканто Коста, – произнесла незнакомка милым, ровным голосом, – я знаю, что вы и ваш спутник вооружены. Давайте обойдемся без неприятностей.

– Прошу прощения, сударыня... – обескураженно начал Локк.

– Одно неловкое движение клинка у вас в руке – и вам в горло вонзится стрела. А вашему спутнику лучше не касаться топориков под камзолом. Ну, пойдемте...

Жан едва заметно шевельнул левой рукой, но Локк, удержав его, решительно помотал головой: среди прохожих на улицах оказалось немало таких, которые не сводили с приятелей пристальных взглядов, а в переулках таились какие-то подозрительные личности в тяжелых, не по погоде, накидках.

– Тыфу ты, – пробормотал Жан. – А на крышах-то...

Локк мельком взглянул на противоположную сторону улицы: на крышах трех- и четырехэтажных каменных домов виднелись силуэты мужчин с длинными луками в руках.

– Ах, сударыня, вы застали нас врасплох! – Локк опустил стилет в карман и показал незнакомке раскрытую ладонь. – Чем мы обязаны чести вас лицезреть?

– С вами желают побеседовать.

– Раз уж все знают, где нас искать, почему бы попросту не отужинать с нами? За ужином и побеседовали бы.

– Беседы определенного рода лучше проводить с глазу на глаз.

– Вас прислал человек из пресловутой высокой башни?

Незнакомка улыбнулась и чуть погодя велела:

– На углу сверните налево. Там в доме с правой стороны будет открытая дверь. Войдите туда и следуйте указаниям.

Разумеется, на следующем перекрестке приятели увидели дом с распахнутой дверью; прямоугольник желтого света в дверном проеме отбрасывал бледное сияние на булыжники мостовой. Незнакомка вошла первой. Локк, сознавая, что, кроме лучников на крышах, в переулках прячутся еще четыре или пять человек, вздохнул и незаметно подал Жану знак успокоиться.

В ответшало́м доме, напоминавшем заброшенную лавку, у стен выстроились шестеро в кожаных дублетах с серебряными плашками; четверо сжимали заряженные арбалеты, и Локку пришлось отринуть шальные мысли о возможном сопротивлении – с такими противниками вдвоем не справиться.

Одна из арбалетчиц осторожно прикрыла дверь.

Темноволосая незнакомка повернулась к Локку и Жану – под распахнутым плащом мелькнули серебряные плашки кожаного дублета – и протянула им руки.

– Ваше оружие, – учтиво сказала она. – Пошевеливайтесь.

Локк с Жаном переглянулись.

– Не дурите, господа, – рассмеялась незнакомка. – Смерть вам не грозит, иначе вас бы давно стрелами утыкали. За вашими вещами я лично присмотрю.

Локк неохотно вытащил из кармана один стилет, вытряхнул из рукава второй. Жан, последовав примеру друга, извлек из-под камзола два боевых топорика и три кинжала.

– Приятно познакомиться с людьми, готовыми к любой неожиданности. – Незнакомка передала оружие одному из арбалетчиков и вытащила из-под плаща два просторных колпака. – Вот, надевайте.

– Это еще зачем? – Жан с подозрением понюхал тонкую ткань.

Локк последовал его примеру. Колпаки были чистыми – никаких признаков сонного зелья.

– Для вашего же блага. Или вы хотите, чтобы все прохожие видели, как вас под конвоем по улицам ведут?

– А, тогда другое дело. – Локк, поморщившись, натянул колпак на глаза.

Тонкая ткань оказалась совершенно непрозрачной.

Послышались шаги, зашуршали складки плащей. Сильные пальцы сжали Локковы руки, заломили за спину; прочная веревка обвила запястья. Рядом с Локком раздались сдавленные ругательства, началась какая-то возня, – похоже, Жаном занялись несколько человек.

– Отлично, – сказала незнакомка за спиной Локка. – Ну, вперед, да поживее. Не бойтесь споткнуться, упасть вам не дадут.

Локка крепко ухватили за руки.

– Гм, а куда нас ведут? – спросил он.

– На лодочке кататься, господин Коста, – ответила незнакомка. – И больше вопросов не задавайте, вам все равно не ответят. Пойдемте.

Скрипнула дверь. Локка бесцеремонно повернули, подтолкнув в нужном направлении. Во влажной духоте веррарской ночи его лоб покрыла испарина, тяжелые капли пота поползли по вискам.

Реминисценция Верный расчет

– Тьфу ты! – воскликнул Локк, в очередной раз не удержав колоду в изувеченной левой руке.

Жан отшатнулся от квадратиков картона, разлетевшихся по всей карете, и сказал:

– Не отчаивайся. Может, на восемнадцатый раз повезет.

– Я же влежку колоду одной рукой тасовал, даже лучше Кало и Галдо. Ох, а больно-то!

– А я тебе давно советовал упражняться почаще, – напомнил Жан. – А ты ленился, форму потерял еще до того, как тебя изувечили. Теперь вот мучайся.

Под проливным дождем великолепная черная карета, запряженная шестеркой лошадей, катила по Теринскому престольному тракту, выходящему у подножья гор к востоку от веррарского побережья. На облучке горбилась под брезентовой накидкой крепкая старуха, сжимая вожжи и попыхивая глиняной трубкой, а на запятках жались друг к другу два насквозь промокших охранника, пристегнутые широкими кожаными ремнями к стенке кареты.

Жан склонился к желтому алхимическому шару-светильнику, лежавшему на мягком сиденье, и с неразборчивым бормотанием изучал кипу записок, раздраженно переворачивая листы пергамента. Струи дождя хлестали в правую стенку кареты, но раздвинутая кожаная ширма и поднятая сетчатая заслонка левого окна впускали внутрь сырой воздух, пахнувший унавоженной пашней и прибрежными солончаками.

Из Вел-Вираццо приятели уехали две недели назад, и за это время проделали путь в сто миль на северо-запад; о яблочной жиже уже давно забыли.

– Если верить имеющимся сведениям, – начал Жан, дождавшись, пока Локк не соберет карты, – Реквину лет за сорок. Урожденный веррарец, немного говорит по-вадрански и прекрасно знает старотеринский. Собирает произведения искусства, особенно творения художников и скульпторов эпохи поздней империи. Чем он занимался двадцать лет назад – неизвестно; говорят, «Венец порока» он выиграл в споре, а прежнего владельца выбросил из окна.

– И с приорамы он в ладах?

– С большинством.

– А сколько у него в закромах припрятано?

– По самым скромным подсчетам там должно быть столько, чтобы хватило на незамедлительную выплату любого самого крупного выигрыша за счет заведения, – Реквин позориться не намерен. Так что, скажем, пятьдесят тысяч соларов. Прибавь к этому его собственные сбережения, да еще деньги и драгоценности прочих веррарских богачей. В отличие от счетных домов, Реквин вкладчикам процентов не выплачивает, зато сборщики налогов о вкладах не ведают. О размерах вкладов известно только Реквину, а где он свою учетную книгу хранит, не знает никто. Ну это все слухи, разумеется.

– Значит, если на покрытие убытков заведения положено пятьдесят тысяч соларов, то во сколько же можно оценить все остальное?

– Ну ежели погадать на потрохах, только без потрохов... Там, наверное, тысяч триста – триста пятьдесят наберется...

– Похоже на правду.

– А вот о самой сокровищнице известно гораздо больше. Похоже, ее устройство Реквин в тайне держать не желает, ворами во устрашение.

– Ха, как же без этого! – хмыкнул Локк.

– В данном случае есть чего бояться. Вот послушай: «Венец порока» расположен в башне из Древнего стекла в пятьдесят ярдов высотой – ну, ты представляешь, сам пару месяцев назад с такой прыгнуть пытался. Так вот, эта башня еще футов на сто уходит в стеклянный холм.

Дверь в чертог удачи расположена на уровне мостовой, а вход в подземную сокровищницу находится внутри башни. Один-единственный. Нет ни тайных лазов, ни черного хода. Сокровищница окружена толщей Древнего стекла, хоть тысячу лет долби – лаз не пророешь.

– Угу.

– На каждом этаже башни круглосуточно находятся как минимум четыре служителя, а вдобавок десятки крупье, лакеев и прочих слуг. В третьем этаже есть зал, отведенный целой ораве охранников. Итак, в заведении постоянно присутствуют пятьдесят, а то и все шестьдесят верных людей и еще двадцать или тридцать готовы явиться по первому зову. И все силачи как на подбор – Реквин предпочитает брать на службу наемников, солдат, воров и громил, особенно тех, что из Путных людей, а платит им так, что родная мать обзавидуется. А еще говорят, что любой служитель может в одночасье состояние сколотить из одних чаевых, если кому-то из гостей заведения удастся сорвать крупный куш. Так что о подкупе служителей можно забыть.

– Угу.

– Вход в сокровищницу – на самом деле три двери, одна за другой, из ведьмина дерева, толщиной в три-четыре дюйма, обитого железом, а последняя дверь еще и укреплена пластинной вороненой стали. За неделю первые две двери еще можно проломить, а вот третью – никогда. Все они оснащены замками, сделанными по особому заказу и за огромные деньги наилучшими веррарскими мастерами из гильдии искусников. Двери открывают только пару раз в день, и обязательно в присутствии Реквина; он лично принимает и выдает вклады. За первой дверью несут постоянную службу от четырех до восьми охранников; им отведены комнаты с койками для отдыха и кладовая со съестными припасами и водой. В случае нападения они там неделю продержатся.

– Угу.

– Самая последняя дверь открывается ключом, с которым Реквин никогда не расстанется, носит его на груди. А ключ от первой двери – у Реквинова распорядителя. Без них обоих в сокровищницу не проникнуть.

– Угу.

– А еще там повсюду ловушки... умопомрачительные. Нажимные плиты, системы противовесов, арбалеты в бойницах на стенах и на потолке... Парализующие яды, распыскиватели кислоты, ядовитые змеи и пауки... По слухам, если незадачливый грабитель все же доберется до площадки у последней двери, его мигом окутает облако порошка из высушенных лепестков орхидеи-душильницы. И пока бедняга медленно задыхается, на него, в довершение всех неприятностей, падает алхимический фитиль и вспыхивает ярким пламенем, так что от несчастного остается одна зола.

– Угу.

– Но самое страшное, в сокровищнице обитает живой огнедышащий дракон, которому прислуживают пятьдесят обнаженных дев-воительниц, вооруженных отравленными копьями и готовых за Реквина жизнь отдать. И все до единой – рыжеволосые.

– Не выдумывай, Жан!

– Да я просто проверяю, слушаешь ты меня или нет. Так вот, понимаешь, мне плевать, что там у него в этой проклятой сокровищнице. Будь там хоть целый миллион соларов, тщательно упакованных в мешки – ну, ты понимаешь, для удобства грабителей, – по-моему, пробраться туда невозможно без посторонней помощи. Или у тебя на примете есть триста бойцов и отряд мастеров-искусников? Ну и шесть-семь телег не помешают...

– Ага.

– Что, у тебя все это есть? Триста бойцов, отряд мастеров-искусников, шесть-семь телег... И ты молчишь?!

– Нет. У меня есть ты, я, деньги в наших кошельках, карета и колода карт, – ответил Локк, в очередной раз пытаясь перетасовать карты одной рукой.

Карты, вылетев из непослушных пальцев, рассыпались по сиденью напротив.

– Тыфу, алебарду мне в зад! – выругался Локк.

– Прошу простить мою настойчивость, о повелитель престижитаторов, но, смею заметить, в Тал-Верраре нам лучше устремить свои помыслы к иной цели...

– А вот этого делать не стоит. Скудоумных аристократов, которых весело разводить на деньги, в Тал-Верраре нет; архонт – военный диктатор, которого держат на чересчур длинном поводке, законы ему не указ, так что за подштанники его дергать опасно. Советники-приоры – из торговых людей, купцы и негоцианты, их так просто не обманешь, они смекалистые. Ну, мелкие делишки всегда можно провернуть, а вот чтоб большой куш сорвать, лучше Реквина не найти: денег у него горы, так что дело за малым – придумать, как отнять.

– Но ведь его сокровищница...

– А с сокровищницей мы... – начал Локк, собирая карты, и за несколько минут вкратце обрисовал свой замысел.

С каждым словом приятеля брови Жана поднимались все выше и выше, пока не стало казаться, что вот-вот они сорвутся со лба и взлетят над головой.

– ...и все. Ну, что скажешь? – спросил Локк.

– Надо же... Знаешь, а ведь может сработать. Если...

– Что – если?

– А ты помнишь, как с обвязкой управляться? Я этим давненько не занимался.

– Ничего, успеем заново выучиться. Времени у нас будет достаточно.

– Надеюсь... Ну и мебельного мастера надо поискать, желательно не из веррарских.

– Поищем, как только деньгами разживемся.

Внезапно приподнятое настроение Жана испарилось, как вино, пролитое из бурдюка.

– Ох... – вздохнул он. – Если, конечно...

– Что еще?

– Я... понимаешь, тут дело такое... А вдруг ты снова раскиснешь? Скажи честно, на тебя можно положиться?

– Можно ли на меня положиться? Жан, ты... Тыфу, лучше о себе побеспокойся. Я только и делаю, что разминаюсь, планы составляю – и без конца извиняюсь как проклятый. Да, я раскаиваюсь, Жан! По-настоящему раскаиваюсь! В Вел-Вираццо мне очень худо было, я все время думал о Кало, Галдо и Клопе...

– И я тоже, но...

– Да, я упивался своим горем – по глупости и из себялюбия, забыл, что ты тоже страдаешь, что тебя тоже не отпускает боль утраты... Вот я, дурак, и наговорил всякого, но ты ведь меня простил... Или не простил? – холодно осведомился Локк. – Значит, прощение – как море, в прилив накатывает, а в отлив отступает?

– Не передергивай! Просто...

– Что – просто? Я что, не такой, как все? На меня нельзя положиться? Я вот тебе когда-нибудь не доверял? В твоих способностях сомневался? Обращался с тобой как с ребенком? Ты мне что, мать? Или ты Цеппи себя возомнил?! Ты мне не указ... Как нам с тобой в одной упряжке работать, если ты ко мне предвзято относишься, постоянно осуждаешь?

Они усталились друг на друга, однако изобразить праведное негодование не удавалось ни одному. В карете воцарилось унылое молчание. Жан, отвернувшись, смотрел в окно; Локк удрученно предпринял еще одну попытку перетасовать колоду одной рукой, и карты тотчас разлетелись по сиденью рядом с Жаном.

– Ну прости меня, – сказал Локк, мрачно глядя на картонные прямоугольнички. – Я тебе опять гадостей наговорил. О боги, с каких это пор мы решили, что жестоко измываться друг над другом – в порядке вещей?

– Твоя правда, – вздохнул Жан. – Я тебе не мать и, уж конечно, не Цеппи. Принуждать тебя я не вправе.

– Еще как вправе! Ты меня силком с галеона стащил, насильно из проклятого Вел-Виращо выволок – и правильно сделал. Мне стыдно за свое поведение, и я прекрасно понимаю, что тебя до сих пор... беспокоит. Скорбя о погибших, я совсем забыл о живых. Спасибо тебе: если б ты меня вовремя под зад не пнул, я б так и не опомнился.

– Я... ох, слушай, ты меня тоже прости. Я тут...

– Не мешай мне истово предаваться самобичеванию! В Вел-Виращо я вел себя отвратительно, даже вспоминать стыдно. Мы с тобой столько всего перенесли, а я так опозорился! Я исправлюсь, вот увидишь. Обещаю и торжественно клянусь. Вот, теперь тебе полегчало?

– Ага, полегчало... – Жан, грустно улынувшись, собрал карты с сиденья.

Локк, усевшись поудобнее, потер глаза кулаком:

– О боги, Жан! Нам нужно заняться чем-то серьезным. Сыграть по-крупному. Наметить достойную жертву, раскрутить дело сообща, во всем полагаясь друг на друга. Понимаешь, о чем я? Надо, чтобы мы с тобой, как прежде, ввязались в опасную, но увлекательную игру против всех на свете, в которой нет места нытью, бесполезному самокопанию и унылым домыслам.

– Ну да, потому что в такой игре любой промах грозит страшной и мучительной смертью.

– Ага! Здорово же!

– На такое дело придется целый год потратить, – рассудительно заметил Жан. – А то и два.

– Мне ради такого развлечения двух лет не жалко. Или у тебя срочных дел полным-полно?

Жан покачал головой, передал Локку собранные карты и задумчиво уткнулся в свои заметки. Локк медленно провел по краю колоды пальцами левой руки – изувеченными, неуклюжими, будто клешня краба. Под бязевой рубашкой зудели еще воспаленные шрамы, неровной сеткой покрывавшие весь левый бок. Ох, хоть бы зажило все побыстрее! Нет сил ждать, когда вернется привычная ловкость... Локк сам себе казался вдвое старше.

Он снова попытался перетасовать колоду одной рукой. Карты опять посыпались на пол; не разлетелись по всей карете – и то хорошо. Считай, дело пошло на лад.

В молчании прошло несколько минут.

Карета объехала очередной холм, и глазам Локка предстала чересполосица зеленеющих полей и пашен, полого сбегающих к прибрежным скалам, милях в пяти отсюда. Там и сям белели, чернели и серели расплывчатые очертания домов, сгущаясь к горизонту, где к скалистым утесам жались жилые кварталы материковой части Тал-Веррара; над домами колыхались тяжелые тускло-серебристые полотнища дождя, плотной завесой скрывая веррарские острова. Вдалеке сверкали бело-голубые зарницы, над полями глухо рокотали громовые раскаты.

– Вот и добрались, – сказал Локк.

– Как приедем, на постоялом дворе остановимся, к берегу поближе, – заметил Жан. – В такую погоду ни один лодочник не согласится нас на острова перевезти.

– Кем бы нам назваться, а?

Жан оторвался от своих записей и задумчиво прикусил губу, вспоминая старую игру.

– Кем угодно, лишь бы не каморрцами. С Каморром у нас в последнее время не заладилось.

– Талишемцами?

– Можно и талишемцами. – Жан, чуть изменив голос, заговорил на манер жителей Талишема: – Некто безымянный из Талишема и его спутник, безымянный некто из Талишема. На чье имя мы открыли счета в банкирском доме Мераджо?

– Так... Лукас Фервайт и Эванте Эккари, только об этих счетах можно сразу забыть – каморрские власти наверняка прибрали их к рукам. Вдобавок за ними следят. Представляешь,

как Паук, то есть Паучиха, взбеленится, если узнает, что мы с тобой в Тал-Верраре развлекаемся?

– Верно, – вздохнул Локк. – А еще, помнится, среди вкладчиков Мераджо были... Жером де Ферра, Леоканто Коста и Мило Воралин.

– Счет на имя Мило Воралина я сам открывал. Мило – вадранец. По-моему, его лучше оставить про запас.

– И это все, что у нас осталось? Всего-навсего три счета?

– К сожалению, всего три. У иных воров и этого нет. Значит, я – Жером.

– Ну а я – Леоканто. И зачем мы в Тал-Веррар приехали, Жером?

– Мы... а, знаю! Некая лашенская графиня, желающая обзавестись летней резиденцией в Тал-Верраре, поручила нам с тобой присмотреть ей подходящий особняк.

– Гм, допустим... За пару месяцев мы наверняка все дома осмотрим, а дальше что? Вдобавок этим придется всерьез заниматься, иначе нашу уловку сразу раскусят. Давай-ка представимся... о, биржевыми дельцами!

– Биржевые дельцы? А что, звучит внушительно – и может означать все, что угодно.

– Вот именно. Так что мы сможем с чистой совестью проводить все время в игорных заведениях, жалуясь на вынужденное безделье в связи с неблагоприятной рыночной конъюнктурой.

– Или, наоборот, похваляясь невероятными успехами в игре на бирже.

– Ха, да тут и придумывать ничего не требуется, оно все само складывается один к одному! Так, дальше... Где мы познакомились и как давно работаем вместе?

– Мы встретились пять лет назад на борту корабля, в дальнем морском путешествии, где, изнывая от безделья и скуки, решили совместно чем-нибудь заняться... и с тех пор неразлучны.

– Не забывай, что по моему замыслу я жажду твоей смерти.

– Ну, мне-то об этом неизвестно. Я считаю, что мы с тобой закадычные приятели, и совершенно ничего не подозреваю.

– Дурак дураком, ха-ха-ха! погоди, ты у меня дождешься!

– А с добычей что будем делать? Предположим, втерлись мы в доверие к Реквину, вернули дельце и ухитрились целыми и невредимыми выбраться из города... А дальше что?

– К тому времени, Жан, мы будем старыми ворами...

Карета наконец-то выехала на прямую дорогу к Тал-Веррару, и Локк, прищурившись, взгляделся в пелену непрекращающегося дождя.

– Достигнем почтенного возраста – лет этак двадцати семи или восьми, – продолжил Локк. – Не знаю... Не хочешь виконтом заделаться?

– Что, лашенское дворянство прикупить? В Лашене осесть, хозяйство завести?

– Нет, это не по мне... По слухам, захудалый лашенский титул стоит тысяч десять, а что получше – все двадцать. К нему имение прилагается, положение в обществе обеспечено. А оттуда нам все дороги открыты. Можно крупные дела проворачивать, можно заслуженным отдыхом наслаждаться.

– Хочешь удалиться от дел?

– Жан, мы же оба понимаем, что нельзя всю жизнь лицедействовать... Рано или поздно придется воровскую профессию сменить. Давай-ка провернем это дельце, а добычу употребим с пользой. Создадим что-нибудь эдакое... В общем, к тому, что нас ждет в будущем, отмычку как-нибудь да подберем.

– Что ж... некий безымянный виконт из Талишема и его сосед, некий безымянный виконт. По-моему, звучит неплохо.

– Ага, бывает и хуже, Жером. Ну что, ты со мной?

– Да, Леоканто, ты же знаешь. Может, за два года честное воровство мне прискучит и я тоже решу удалиться от дел, и вот тогда пойду по родительским стопам, займусь торговлей шелком, вспомню старые связи...

– Тал-Веррар нам подходит во всех отношениях, – сказал Локк. – Город нетронутый, можно сказать, первозданной чистоты. С нашим плутовством тут прежде не сталкивались, мы здесь никогда не работали... В общем, вот она, свобода! А какой простор для воровских забав...

Под проливным дождем карета, подскакивая на древних булыжниках и выбоинах Теринского престольного тракта, приближалась к Тал-Веррару. На далеком горизонте полыхали зарницы, но сам город скрывался от взоров за серой пеленой дождя и тумана, клубившейся над берегом и морем.

– Ты прав, Локк, нам самое время делом заняться. – Жан опустил заметки на колени и хрустнул костяшками пальцев. – Эх, а здорово снова на людей посмотреть, себя показать, позабавиться и поохотиться!

Глава 3

Горячий прием

1

Локк и Жан вот уже несколько часов истекали потом в крошечной тьме небольшого – восемь шагов из конца в конец – квадратного помещения; к шероховатым кирпичным стенам, пышущим сухим жаром, невозможно было прикоснуться. Приятели сидели на полу, спиной к спине, подложив под себя свернутые камзолы.

– А-а! – хрипло простонал Локк, барабанив пятками по каменным плитам пола. – Сколько можно, в конце концов! Выпустите нас! Вы нас убедили!

– В чем нас убедили? – просипел Жан.

– Не знаю... – Локк закашлялся и с трудом выдавил: – А какая разница? Убедили и убедили, мне все равно.

2

С пленников наконец-то сдернули колпаки, и Локк было вздохнул с облегчением – увы, преждевременным.

Вначале Локк и Жан покорно плелись в удушливой темноте, то и дело подталкиваемые неведомыми похитителями, – знать бы еще, к чему такая спешка. Затем пленников усадили в лодку: ноздри щекотал влажный солоноватый туман городской гавани, лодка покачивалась на волнах, мерно поскрипывали весла в уключинах. Потом лодка накренилась, кто-то встал, прошел к носу; весла подняли. Незнакомый голос велел взяться за шесты. Чуть погодя лодка во что-то ткнулась, сильные руки вздернули Локка на ноги. Как только он ступил через борт на каменный настил, колпак сорвали с головы.

Локк огляделся, моргая на свету, и ошеломленно выдохнул:

– Тьфу ты!

В самом сердце Тал-Веррара, обвитая полукружьями островов Великих гильдий, покоится Каstellана, древняя крепость веррарских герцогов. После того как от титулованной знати горожане избавились, в великолепных дворцах Каstellаны обосновались новоявленные богачи – советники-приоры, люди со средствами, кичащиеся своим богатством, и главы гильдий, которым поневоле приходилось окружать себя показной роскошью.

А в центре Каstellаны, на стеклянной горе, вокруг которой кольцом замыкается бездонная расщелина в толще Древнего стекла, высится Мон-Магистерий, замок архонта, прекрасное творение рук человеческих посреди завораживающего, чужеродного величия, будто хрупкая каменная былинка, неведомой силой занесенная в стеклянный сад.

Локка и Жана доставили к самому подножью горы, под нависшие над водой темные скалы Древнего стекла, мерцающие бесчисленными гранями, – в ту самую расщелину, что отделяла Мон-Магистерий от собственно острова, твердь которого лежала на шестьдесят футов выше. Лодка вошла сюда по узкому извилистому протоку; плеск волн заглушался непрерывным рокочущим гулом, доносящимся неизвестно откуда.

Среди лодок, покачивавшихся у широкой каменной пристани дворцового островка, красовалась роскошная золоченая барка с шелковым балдахином. Алхимические светильники на чугунных столбах заливали все вокруг бледно-голубым сиянием. Чуть поодаль, еще одним напоминанием о том, куда именно привезли Локка с Жаном, замерли в карауле двенадцать

гвардейцев в синих мундирах; на черной коже нагрудников, наручей и сапог поблескивали замысловатые бронзовые завитки; лица под синими капюшонами скрывались за овальными щитками из сверкающей бронзы. Маски, усеянные крошечными отверстиями, не мешали обзору и дыханию, но издали солдаты личной гвардии архонта походили на ожившие бронзовые изваяния.

Их именовали Очами архонта.

– Вот мы и приехали, господин Коста и господин де Ферра... – Незнакомка, сойдя на причал, взяла Локка и Жана под руки, словно на беззаботной прогулке по городу. – Лучшего места для уединенной беседы не придумаешь.

– И чем же мы заслужили эту честь? – осведомился Жан.

– Увы, меня об этом спрашивать бесполезно, – улыбнулась женщина, подталкивая приятелей вперед. – Мне было велено вас отыскать и доставить, только и всего. Служба у меня такая.

Она подвела пленников к шеренге гвардейцев, и встревоженные лица Локка и Жана, дробясь, отразились в сверкающих бронзовых масках.

– А если гости не возвращаются, – добавила знакомка, направляясь к лодке, – то по долгу службы мне положено забыть об их существовании.

Очи архонта, будто повинуюсь неслышимому приказу, тут же обступили Локка и Жана, отделив их друг от друга. Из-за бронзовой маски одного из гвардейцев зловеще прозвучал женский голос:

– Идем наверх. Без сопротивления. Без разговоров.

– А почему? – спросил Локк.

Женщина-гвардеец, шагнув к Жану, невозмутимо саданула его в живот. Жан непроизвольно охнул и согнулся от боли.

– За неповиновение одного отвечает другой, – глухо раздалось из-под маски. – Таков приказ. Вам ясно?

Локк, заскрежетав зубами, хмуро кивнул.

Вверх от причала крутыми зигзагами уходила лестница; стекло ступеней было шершавым, как кирпич. Гвардейцы вели Локка и Жана все выше и выше, пролет за пролетом, мимо тускло поблескивавших отвесных стен, но лишь много позже пленники ощутили на щеках влажное дуновение ночного ветра.

Взобравшись на самый верх, они оказались во владениях архонта, отделенных от территории Кастелланы стеклянным ущельем. У самого края расщелины стояла караульная будка, а рядом с ней к тяжелой деревянной раме крепился поднятый разводной мост, длиной не меньше тридцати футов, – единственный способ перебраться из владений архонта на противоположную сторону ущелья.

Герцогский замок Мон-Магистерий, прекрасный образец архитектурного стиля Теринской империи, насчитывал пятнадцать этажей и в ширину был в три-четыре раза больше, чем в высоту. Тусклый черный камень зубчатых крепостных стен, ярусами уходящих вверх, словно бы поглощал свет бесчисленных фонарей во дворе замка; вдоль каждого яруса тянулись стройные опоры и арки акведуков, а на угловых башнях замка каменные драконы и морские чудовища извергали из разверстых пастей бурные потоки воды.

По широкой дороге, усыпанной белым гравием, Очи архонта повели Локка и Жана к замку. По обе стороны дороги, у зеленых островков лужаек за резными каменными оградками, несли караул гвардейцы в черно-синих мундирах и бронзовых масках, сжимая алебарды вороненой стали с алхимическими фонарями, вделанными в древки.

Воротами Мон-Магистерия служил водопад, широкой стеной перегораживающий дорогу; его рокочущий гул и слышался внизу, у пристани. Бурлящие струи, вырываясь из ряда проемов, темневших в крепостной стене, свивались в единый поток, который с грохотом обру-

шивался в глубокий ров на самом дне стеклянного ущелья, отделявшего замок от территории Каstellаны.

Дальний конец чуть выгнутого моста, переброшенного через замковый ров, скрывался под белопенными струями водопада, а до ближнего конца клочьями полупрозрачного тумана долетали мельчайшие брызги. Пленников подвели к мосту, и Локк заметил, что в самой середине мостового перекрытия по всей длине прорезан глубокий желоб, а с вершины колонны у моста спускается тонкая железная цепь.

Один из гвардейцев подошел к колонне и трижды дернул за цепь. Откуда-то со стороны моста раздался лязг металла, и в струях водопада показался темный силуэт – длинный деревянный короб в пятнадцать футов высотой, обитый полосами железа; на него с грохотом обрушивались потоки воды. Короб, занимая всю ширину моста, скользнул по желобу к берегу и со скрежетом остановился. Двери странного сооружения распахнулись; два служителя в темно-синих мундирах с серебряным кантом провели Локка и Жана внутрь просторного экипажа, в дальней стенке которого, обращенной к замку, были расположены окна, но за ними виднелся лишь бурлящий поток.

Гвардейцы архонта вошли следом за пленниками, служители закрыли двери, а потом один из них дернул цепь в стенке справа. Короб, покачиваясь, заскользил по желобу назад, к замку. Звук воды, с грохотом стекающей по коробу, напоминал грозовой ливень, хлещущий по крыше и стенкам кареты. Локк сообразил, что смельчака, дерзнувшего без особых приспособлений пробраться сквозь двадцатифутовую толщу струй, смело бы в бурлящую бездну рва, – для этого и предназначался водопад, который вдобавок производил неизгладимое впечатление на гостей архонта.

Короб выехал по ту сторону водопада, в огромный округлый зал с покатыми стенами и тридцатифутовым куполом, с которого свисали алхимические люстры, озаряя все вокруг ярким серебристо-золотым сиянием; сквозь мокрые стекла казалось, что пленники попали в сокровищницу. Наконец короб остановился. Служители открыли невидимые защелки и задвижки, и окна в стене распахнулись, будто двери.

Локка и Жана вывели из короба – без особых церемоний, но и без прежней грубости. Пленники, заметив, что гвардейцы осторожно ступают по мокрым плитам, последовали их примеру, чтобы не оскользнуться. Огромные двери зала захлопнулись, и оглушительный грохот водопада превратился в неумолчный гул.

Слева от Локка служители столпились у стеной ниши, занятой каким-то устройством непонятного назначения: сверкающие медные цилиндры, рычаги и шестеренки приводились в движение напором воды, толстые железные цепи уходили в отверстия в полу рядом с желобом, по которому скользил деревянный короб. Даже Жан с любопытством рассматривал диковинку, но, едва гвардейцы миновали скользкий участок пола, пленников бесцеремонно поволокли дальше.

Жана и Локка провели через необъятный зал приемов (в нем можно было проводить несколько балов одновременно), где окнами служили огромные, подсвеченные изнутри витражи с изображениями окрестных пейзажей – тех самых, что виднелись бы из настоящих окон: белоснежные виллы и роскошные дворцы на фоне темного неба, цепочки островов и парусники в гавани.

Оттуда Очи архонта направили пленников в следующий зал, а затем, поднявшись по лестнице, пересекли еще один; у каждого входа замерли стражники в синих мундирах, провожая гвардейцев архонта взглядами, исполненными не только уважения, но и еще какого-то чувства, – впрочем раздумывать над этим Локку было некогда. Гвардейцы в бронзовых масках провели пленников мимо ряда деревянных дверей к внушительной железной двери в конце коридора.

Один из гвардейцев отпер замок; за дверью оказалась небольшая темная комната. Очи архонта, развязав руки Жану и Локку, втолкнули пленников внутрь.

– Эй, погодите... – возмутился Локк.

Железная створка с лязгом захлопнулась, и пленники оказались в полной темноте.

– О Переландро, – выдохнул Жан, – и зачем мы понадобились этим бронзовым истуканам?

В кромешной тьме приятели едва не упали, столкнувшись друг с другом.

– Не знаю, Жером, – ответил Локк, едва заметно выделив голосом вымышленное имя. – Может, у здешних стен есть уши? Эй, истуканы! Куда это вы попрятались? Мы и в обычной темнице не буяним.

Локк ощупью подобрался к стене и саданул кулаком по шершавым кирпичам, мгновенно ободрав костяшки пальцев:

– Тьфу ты!

– Странно как-то... – сказал Жан.

– Что?

– Да вот не пойму...

– В чем дело?

– Тебе не кажется, что здесь понемногу теплеет?

3

Время тянулось, как ночь при бессоннице.

В кромешной тьме перед глазами Локка мелькали разноцветные вспышки и расплывались радужные круги; он смутно понимал, что ему это чудится, но сопротивляться видениям не было сил. Жар тяжелой пеленой обволакивал тело. Локк расстегнул рубашку, а ладони обмотал шейным платком и уперся ими в пол, чтобы не завалиться набок. Приятели, спина к спине, сидели на свернутых камзолах.

В двери щелкнул замок, но Локк только чуть погодя сообразил, что ему не послышалось. Узкая полоска света превратилась в яркий прямоугольник, и Локк отшатнулся, прикрыв глаза руками. В жаркую темноту холодным порывом осеннего ветра ворвалась струя свежего воздуха.

– Господа, произошло ужасное недоразумение, – прозвучало с порога.

– А... ы... а-а-а... – просипел Локк, пытаясь разогнуть колени; в рот будто горсть крупы насыпали.

Сильные руки подняли его с пола, поставили на ноги; перед глазами все плыло.

Локка и Жана вывели наружу, в благодатную прохладу коридора, где их снова окружили гвардейцы в синих мундирах и бронзовых масках. Локк, щурясь от яркого света, сгорал от стыда, хотя страх исчез. Мысли путались, словно во хмелю, и Локк больше ничего не соображал. Ноги не слушались. Его волоком потащили по каким-то бесконечным коридорам и лестничным пролетам.

«О боги! Зачем в этом проклятом замке столько лестниц!» – рассеянно думал Локк, представляя себя крошечной марионеткой в издевательской комедии, разыгрываемой на огромной сцене.

– Воды... – прохрипел он.

– Погодите, уже недолго осталось, – пообещал один из гвардейцев.

Наконец сквозь высокие черные двери пленников провели в кабинет, залитый неярким светом; сияние исходило от стен, составленных из тысяч крошечных стеклянных ячеек, в которых колыхались смутные тени. Локк отчаянно заморгал, пытаясь сосредоточиться; по рассказам мореходов он знал о «сухом угаре» – от сильной жажды человек становится раздражи-

тельным и ослабевает физически и умственно, – но не подозревал, что однажды ему придется испытать это на себе. В конце концов он решил, что странные стены – плод его воспаленного воображения.

В кабинете стоял небольшой стол и три простых деревянных стула. Локк обрадованно рванулся к ним, но его твердо удержали за локти.

– Ждите, – сказал один из гвардейцев.

Ждать пришлось недолго. Вскоре одна из дверей распахнулась и в кабинет решительно вошел какой-то человек в длинном темно-синем одеянии с меховой опушкой.

– Да хранят боги архонта Тал-Веррара! – дружно воскликнули гвардейцы.

«Максилан Страгос, – с усилием сообразил Локк. – Верховный военачальник Тал-Веррара...»

– Ради всего святого, сжальтесь над несчастными, префект! – сказал архонт. – С ними обошлись совершенно неподобающим образом, и теперь мы обязаны загладить свою вину. Мы же не каморрцы!

– Будет исполнено, архонт!

Гвардейцы заботливо усадили пленников на стулья и, отступив на шаг, вытянулись во фронт.

– Вы свободны, префект, – раздраженно отмахнулся архонт.

– Ваша честь, а как же...

– Марш отсюда. Вы и так меня опозорили, извратив мои предельно ясные указания. По вашему, наши гости, в их измученном состоянии, представляют для меня угрозу?

– Слушаюсь, архонт.

Префект отвесил скованный поклон, три гвардейца неуклюже откланялись, и все четверо торопливо вышли из кабинета. Дверь захлопнулась; защелкал сложный механизм замка.

– Господа, примите мои искренние извинения, – сказал архонт. – Мои указания истолковали превратно. Вас должны были доставить ко мне с превеликим почетом, как особо важных гостей, а вместо этого отправили в душегубку, предназначенную для завязятых преступников. Мои гвардейцы в бою стоят десяти воинов, но, к сожалению, несколько переусердствовали, исполняя простое и ясное поручение. А поскольку я за них в ответе, то прошу вас: еще раз простите за досадное недоразумение – позвольте заверить вас в совершеннейшем почтении и, умоляю, окажите мне честь, приняв мое гостеприимство.

Локк, безуспешно подыскивая приличествующие случаю слова, безмолвно вознес благодарственную молитву Многохитрому Стражу за то, что Жан ответил первым.

– Это вы оказали нам высокую честь, о заступник и покровитель, – хрипло произнес Жан. – Время, проведенное в душегубке, меркнет в сравнении с неописуемым восторгом от... непредвиденной встречи с вами. Уверю вас, извинения излишни. Мы не в обиде.

– Ваша необыкновенная учтивость превыше всяких похвал, – улыбнулся Страгос. – Прошу, давайте обойдемся без церемоний. Зовите меня просто архонт.

В дверь кабинета осторожно постучали.

– Войдите, – сказал архонт.

Лысый коротышка в синей ливрее, богато шитой серебром, торопливо внес серебряный поднос с тремя хрустальными бокалами и бутылкой янтарного напитка. Локк и Жан напряженно уставились на бутылку, будто охотники, готовые метнуть последние копья в разъяренного зверя.

Лакей, опустив поднос на стол, собрался наполнить бокалы, но архонт жестом отослал его и сам потянулся к бутылке.

– Ступай, – сказал архонт. – Наших гостей я собственноручно обслуживаю.

Лакей с поклоном попятился к выходу. Страгос вытащил из горлышка бутылки неплотно вставленную пробку и до краев наполнил два бокала. Громкое бульканье и плеск заставили Локка непроизвольно втянуть ноющие щеки.

– По обычаю нашего славного города хозяину полагается пригубить напиток первым, – пояснил Страгос, – дабы у гостей не возникало ни малейших сомнений в качестве предлагаемого угощения.

Архонт плеснул янтарную жидкость в третий бокал, поднес его к губам и залпом осушил.

– Мм, – выдохнул он, вручая бокалы Локку и Жану. – Вот, угощайтесь. И не волнуйтесь о правилах приличия, я в походах и не такого навидался.

Приятели жадными глотками опустошили бокалы. Локк, к тому времени готовый хлебнуть чего угодно, хоть давленных червей, с восторгом распознал приятный, терпкий вкус грушевого сидра – невинный напиток, прекрасно утоляет жажду, и даже воробей от него не захмелеет. Холодная, с кислинкой, влага скользнула в пересохшее горло, и Локк невольно содрогнулся от наслаждения.

Приятели, не задумываясь, словно по команде, протянули архонту пустые бокалы, и он с благосклонной улыбкой снова наполнил их до краев. Локк одним глотком выпил половину, однако усилием воли заставил себя остановиться и, чувствуя, как возвращаются силы, вздохнул с облегчением.

– Благодарю вас, архонт, – сказал он. – Позвольте осведомиться, чем мы вызвали ваше неудовольствие?

– Мое неудовольствие? Ничего подобного, – улыбнулся архонт и, усевшись за стол, опустил бутылку на столешницу, а потом дернул шелковый шнурок на стене; под потолком вспыхнула люстра, на стол упал сноп золотистого света. – Напротив, молодые люди, вы возбудили во мне необычайный интерес.

Локк впервые получил возможность получше разглядеть Страгоса. Архонт был человеком пожилым – лет шестидесяти, а то и больше, – с удивительно четкими, будто высеченными, чертами лица; кожа обветренная, красноватая, волосы седые. Люди, обладающие непомерной властью, обычно впадают в одну из двух крайностей: либо во всем себе отказывают, либо ничем себя не ограничивают, однако Страгосу удалось этого избежать – он выглядел вполне уравновешенным, хотя во взгляде его светилась пронизательность хитроумного ростовщика. Локк, пригубив сидр, молил всех богов, чтобы поскорее вернулась привычная живость ума.

Золотистый свет дробился в ячеистых стеклянных стенах. Локк обвел взглядом кабинет и удивленно вздрогнул, лишь сейчас сообразив, что трепещущие в ячейках тени – это крошечные букашки. В прозрачных узилищах бились тысячи бабочек, жуков и мотыльков. Такое огромное собрание Локк видел впервые в жизни. Жан ахнул от удивления.

– Нравится вам моя кунсткамера? – милостиво осведомился архонт.

Он дернул еще один шелковый шнурок, и за стенами вспыхнул яркий свет, позволивший лучше рассмотреть великолепные экспонаты: бабочки распахивали алые, синие и зеленые крылья, покрытые разноцветными завитками замысловатых узоров; серые, черные и золотистые мотыльки шевелили длинными усиками; спинки жуков отливали золотом, серебром и бронзой; осы, трепеща прозрачными крылышками, грозно изгибали полосатые брюшки с острыми жалами.

– Невероятно, – ошеломленно протянул Локк.

– Ничего невероятного в этом нет, – милостиво пояснил архонт. – Видите ли, это не живые насекомые, а заводные игрушки, творения лучших искусников Тал-Веррара. Внизу установлено особое устройство, которое по трубам за стенами кабинета гонит воздух к каждой ячейке. В ячейках проделаны крошечные отверстия, поэтому трепетание крылышек выглядит вполне естественным – разумеется, в полумраке.

– И все же это невероятно, – сказал Жан.

– Тал-Веррар недаром называют городом искусников, – напомнил архонт. – За живыми существами нужен постоянный уход, а это скучно. Так что в Мон-Магистерии я устроил кунсткамеру для затейливых поделок, созданных нашими мастерами. Ну, допивайте, я вам еще подолью.

Архонт в последний раз наполнил бокалы, отставил пустую бутылку и, снова усевшись за стол, взял с подноса тонкую пергаментную папку с тремя сломанными печатями по краям.

– Так вот, о поделках... Вы ведь тоже в некотором роде затейливые поделки, господин Коста и господин де Ферра. Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас господином Ламорой и господином Танненом?

Будь у Локка побольше сил, тяжелый бокал веррарского хрусталя раскрошился бы под его пальцами.

– Прошу прощения, – начал он, всем своим видом изобразив искреннее недоумение, – но я с этими людьми незнаком. А ты, Жером?

– Это какая-то ошибка, – горячо закивал Жан.

– Отнюдь нет, господа, – сказал архонт, бегло просматривая содержимое папки – десяток страниц, плотно исписанных черными чернилами. – Несколько дней назад мои осведомители доставили мне весьма любопытное послание – от моего знакомого, занимающего весьма высокий пост в совете вольнонаемных магов Картена. Так вот, послание содержало рассказ о невероятных приключениях.

«Хорошо, что веррарский хрусталь очень прочен, а то бы острые осколки и брызги крови по всему кабинету разлетелись», – подумал Локк, однако, не желая признавать поражения, недоуменно вскинул бровь:

– Вольнонаемные маги? Весьма зловещие личности. Чувствую, это добром не кончится. Помилуйте, а какое отношение картенские маги имеют к нам с Жеромом?

Страгос, задумчиво потирая подбородок, листал тонкие страницы:

– Гм... здесь утверждается, что вы оба – воры из какого-то тайного общества, обосновавшегося не где-нибудь, а в храме Переландро, посреди Храмового квартала Каморра. Неслыханная дерзость! И действовали вы в обход установлений капы Венкарло Барсави – увы, он временно покинул мир живых. Вы обкрадывали каморрских донов... ого, нанесенный ущерб выражается в десятках тысяч крон! Вы оба виновны в смерти некоего Лучано Анатолиуса, пирата, который для исполнения своих замыслов обратился к услугам вольнонаемного мага, а вы эти замыслы расстроили, а мага изувечили... Не может быть! Вы сошлись с картенским магом в рукопашной? И победили? Невероятно. А потом отправили полумертвого бедолагу, лишившегося рассудка, языка и пальцев, обратно в Картен?

– Вообще-то, мы с Леоканто из Талишема... – начал Жан.

– Вы оба из Каморра, – оборвал его архонт. – Молодой человек, ваше настоящее имя – Жан Эстеван Таннен, а вашего спутника зовут Локк Ламора, причем имя это выдуманное, и мой осведомитель зачем-то советует мне обратить особое внимание на этот факт. В Тал-Веррар вы приехали, желая провернуть какую-то аферу... а, вот, вы хотите ограбить сокровищницу зазнавшегося придурка Реквина! Что ж, желаю вам всяческих успехов в этом похвальном начинании. Ну что, так и будем загадки загадывать? Я могу продолжить, тут еще много интересного написано. По-моему, вольнонаемные маги вас за что-то недолюбливают.

– Сволочи, – буркнул Локк.

– Ах, так вы все-таки с ними лично знакомы! – сказал Страгос. – Мне доводилось к их услугам прибегать... Милейшие люди, вот только очень обидчивые. Значит, мои осведомители не лгут? Ну, признавайтесь! Уверяю, вам опасаться нечего, я с Реквином дружбы не вожу, он все больше с приорамы знается.

Локк с Жаном переглянулись.

Жан пожал плечами.

– Что ж, похоже, вы нас обставили, – вздохнул Локк.

– Не похоже, а совершенно точно. Вдобавок обставил по трем статьям. Во-первых, вот подробный рассказ обо всех ваших похождениях. Во-вторых, вы здесь полностью в моей власти. А в-третьих, для собственного спокойствия я уже посадил вас на поводок.

– Это как? – спросил Локк.

– А вот так, – усмехнулся архонт. – Представьте себе, господа, что гвардейцы в точности исполнили мое поручение. Представьте, что вас нарочно отправили в душегубку... Прекрасный способ вызвать жажду, не правда ли? – Он с улыбкой посмотрел на пустые бокалы.

– Вы что-то подсыпали в сидр! – воскликнул Жан.

– Разумеется, – кивнул архонт. – Прелюбопытнейший яд.

4

Тишину кабинета нарушал лишь шорох металлических крылышек за стеклом.

Локк и Жан вскочили.

– Да сядьте вы! – невозмутимо, не повышая голоса, велел Страгос. – Или вам неинтересно узнать, что происходит?

– Вы себе из той же бутылки наливали, – сказал Локк.

– А как же иначе? Яд, бесцветный и безвкусный, был не в бутылке, а в бокалах, размазан по самому доньшку. Алхимическое зелье, сработанное на заказ. Очень дорогое. Так что радуйтесь, вы теперь ценный товар.

– В ядах я разбираюсь. Чем вы нас опоили?

– Ну, положим, вам это знать ни к чему, а то враз помчитесь противоядие искать. Нет уж, противоядие вы получите только из моих рук. – Архонт улыбнулся; напускная вежливость слетела с него, как шелуха; в голосе звучала резкая издевка. – Садитесь. Полагаю, вам ясно, что вы целиком и полностью в моем распоряжении. Мне, конечно, хотелось кого получше, но, раз уж боги мне вас послали, я не премину воспользоваться таким подарком судьбы.

Локк с Жаном хмуро заняли свои места. Локк раздраженно сбросил свой бокал на пол; бокал, подпрыгнув на ковре, откатился к столу.

– Между прочим, моего повиновения однажды уже пытались добиться с помощью яда, – пробормотал Локк.

– Правда? Это радует. Надеюсь, вы согласны, что повиновение много лучше смертельного исхода?

– И что от нас потребуется?

– Что-нибудь эдакое... – ответил Страгос. – Поверьте, вам предстоят великие дела. Мой осведомитель утверждает, что вы – Каморрский Шип. Мне сообщали о ваших подвигах... честно говоря, я полагал их смехотворными вымыслами, а выходит, что все это – чистая правда. Надо же, а я считал вас мифом!

– Каморрский Шип – миф, – мрачно заявил Локк. – Я же не в одиночку все это проворачивал. У меня сообщники были.

– Естественно. Я прекрасно понимаю, какая важная роль отведена господину Таннену в ваших похождениях. У меня все записано, не беспокойтесь. Так вот, я сохраняю вам жизнь, а вы хорошенько подготовьтесь к моему поручению. Нет-нет, его еще рано обсуждать. И все же считайте, что вы у меня на службе. Пока можете заниматься своими делами, но по первому моему зову извольте явиться.

– А если мы откажемся?

– Как вам будет угодно. Хотите – уезжайте из города, я вас удерживать не стану. Однако предупреждаю: в таком случае через несколько месяцев вы умрете – медленно и в страшных мучениях. Ко всеобщему разочарованию.

– Вы лжете, – сказал Жан.

– Все может быть, – усмехнулся Страгос. – На человека рассудительного ложь повлияет не хуже отравы. Но подумайте, Таннен, к чему мне лгать, а? Я человек состоятельный, мне денег не жалко.

– И как вы собираетесь нас удержать после того, как дадите нам противоядие?

– Повторяю, Ламора, я опоил вас прелюбопытнейшим ядом – он не выводится из организма и не проявляет своего действия месяцами, а если повезет – то и годами. Если я буду вами доволен, то буду выдавать вам противоядие, в противном случае...

– И вы продолжите выдавать нам противоядие после того, как мы исполним ваше поручение?

– Посмотрим.

– А никаких других предложений вы не рассматриваете?

– Нет, конечно.

Локк, закрыв глаза, потер виски костяшками указательных пальцев:

– А вдруг ваш так называемый яд помешает нам вести обычную жизнь? Затронет рассудок, подорвет здоровье, лишит нас сил...

– Ничего подобного, – ответил Страгос. – С вами ничего не случится до тех пор, пока не настанет время принять противоядие. Да, без противоядия изменения наступят с пугающей быстротой, но до этого все ваши способности нисколько не пострадают. Ваших планов яд не спутает.

– Зато вы их уже спутали, – сказал Жан. – Нам только удалось привлечь к себе внимание Реквина...

– Реквин велел нам вести себя примерно, пока он наводит о нас справки, – пояснил Локк. – Он наверняка встревожится, узнав, что нас заграбастали Очи архонта.

– Вам совершенно не о чем волноваться, – сказал Страгос. – Вас ко мне доставили люди Реквина. Правда, он не догадывается, что они на меня работают. Не беспокойтесь, ему донесут, что вы ничего подозрительного не совершали.

– Откуда такая уверенность в том, что Реквин ни о чем не догадывается?

– Ах, Ламора, видят боги, меня ваша наглость забавляет, но объяснять вам причины всех своих поступков я не намерен. Раз уж вы у меня на службе, то извольте послушно исполнять мои приказы и в остальном полагаться на мои безошибочные суждения, которые, смею заметить, вот уже пятнадцать лет позволяют мне занимать пост архонта.

– Если вы ошибетесь, Страгос, то наши жизни окажутся во власти Реквина.

– Возможно, но сейчас ваши жизни – в моей власти.

– Реквин не дурак.

– И поэтому вы хотите его ограбить?

– Видите ли, мы... – начал Жан.

– Я вам сам все объясню, – оборвал его Страгос, откладывая в сторону папку с заметками. – Вами движет не столько алчность, сколько нездоровая жажда риска. Вам кружат голову те дела, в которых практически не существует шансов на успех. Именно поэтому вам, ловким вора и мошенникам, было тесно в рамках правил, установленных Барсави.

– Напрасно вы думаете, что сведения, представленные вашими осведомителями, позволят вам...

– Вы оба – любители риска, невероятно способные и удачливые. Между прочим, вам наверняка понравится мое рискованное предложение.

– Понравилось бы, – сказал Локк, – если бы вы нас ядом не опоили.

– Я вполне осознаю, что дал вам повод затаить на меня злобу. Однако же прошу иметь в виду, что я пошел на это исключительно из уважения к вашим способностям. Мне необходимы

меры воздействия на людей, находящихся у меня в услужении. Вы двое – как рычаг и точка опоры, мотаетесь по свету, ищете, что бы еще перевернуть, да побольше.

– А вы не думали, что нас проще нанять?

– Видите ли, людей, которые способны деньги из воздуха добыть, никакими сокровищами не прельстишь.

– Ага, вот исключительно из уважения к нашим способностям вы и отымели нас, как дешевую джеремскую шлюху, – не выдержал Жан. – Да чтоб...

– Спокойнее, Таннен, спокойнее, – невозмутимо оборвал его Страгос.

– Успокойсья тут! – Локк, одернув пропотевшую сорочку, взволнованно затеребил измятые складки шейного платка. – Сначала травите неведомым ядом, потом обещаете какое-то таинственное дело, а о деньгах, между прочим, и не заикаетесь. Своим вмешательством вы невероятно усложняете существование Коста и де Ферра, вдобавок настаиваете, что мы должны являться к вам по первому зову, а еще кормите нас невнятными обещаниями в один прекрасный день объяснить, чего именно вы от нас хотите. О боги! А если в связи с вашим поручением у нас расходы возникнут?

– Для исполнения моего поручения вас обеспечат всем необходимым – и материалами, и деньгами. Кстати, заранее предупреждаю, что отчитываться за все потраченное придется до последнего центира.

– Ого, да нас ждет безбедное житье! А чем еще соблазните? Предложите бесплатные обеды в гвардейских казармах? Услуги лекаря, когда Реквин нам яйца оторвет и вместо глаз вставит?

– Я не привык, чтобы со мной разговаривали подобным тоном...

– Так привыкайте! – Локк, вскочив, небрежно встряхнул свернутый камзол. – У меня для вас есть встречное предложение, и я настоятельно рекомендую его принять.

– Какое же?

– Оставьте нас в покое, Страгос. – Локк надел камзол, повел плечами, одернул манжеты и обеими руками сжал отвороты. – Оставьте нас в покое, забудьте о вашем дурацком замысле. Дайте нам противоядие, если оно, конечно, существует, или объясните, чем вы нас отравили, чтобы мы сами, за свои деньги, купили его у алхимика. Отпустите нас, мы вернемся к Реквину и ограбим его до нитки – вы же сами сказали, что особой любви к нему не питаете. Короче говоря, оставьте нас в покое, и мы оплатим вам той же монетой.

– А что мне в этом за резон?

– А то, что все ваше добро останется в целости и сохранности.

– Любезнейший господин Ламора, – рассмеялся Страгос мягким сухим смешком, похожим на шелестящее в гробу эхо, – ваши угрозы наверняка наводят такой ужас на впечатлительных и слабонервных каморрских донов, что они покорно расстаются со своими кошельками. Кто знает, может, это качество вам еще пригодится при исполнении моего задания. Однако же не забывайте, что вы теперь в моей власти, а картенские маги подробно объяснили мне, как обучить вас смирению.

– Да неужели? Секретом не поделитесь?

– С удовольствием. Еще одна угроза – и Таннена запрут в душегубке на ночь. А вас прикуют к двери снаружи, где вы со всеми удобствами сможете представлять себе страдания вашего приятеля. Разумеется, Таннен, если вы вдруг решите взбунтоваться, то подобная же участь постигнет Ламору.

Локк, сжав зубы, устался под ноги. Жан со вздохом потрепал друга по плечу. Локк сдержанно кивнул.

– Великолепно! – холодно улыбнулся Страгос. – Я питаю большое уважение не только к вашим способностям, но и к вашей верности друг другу – и, разумеется, не премину ею воспользоваться, во зло или на благо, не важно. Итак, смею вас заверить, вы как миленькие

прибегите ко мне по первому зову, а вот если я не соглашусь вас принять, то у вас возникнут неприятности.

– Значит, так тому и быть, – сказал Локк. – Только я все равно попрошу вас запомнить...

– Что именно?

– Что я просил нас отпустить и предлагал вам отказаться от вашего замысла.

– О боги, господин Ламора, вам не кажется, что вы чересчур заносчивы?

– Заносчивости у меня в самый раз, почти как у картенских магов.

– По-вашему, картенские маги вас боятся? Увы, придется вас разочаровать. Если бы они вас боялись, то давно бы убили. Вы картенским магам не страшны, они просто-напросто хотят вас примерно наказать – и не придумали лучшей кары, чем передать вас в мое распоряжение. Так что, если вам не терпится, лучше таите злобу на них.

– Да уж, – сказал Локк.

– Напрягите воображение, молодой человек, и представьте себе, что особой любви к вольнонаемным магам я тоже не питаю. Несмотря на то что я по необходимости обращаюсь к ним за помощью и изредка с благодарностью принимаю их дары, поручение, которое вам предстоит выполнить, может обернуться для картенских магов неожиданной стороной. Вас это не прельщает?

– Вашим словам веры нет, – пробурчал Локк.

– А вот в этом вы ошибаетесь, Ламора. Со временем поймете, что я почти никогда не лгу. Что ж, наша аудиенция подошла к концу. Хорошенько обдумайте услышанное и не торопитесь с выводами. Вам позволено покинуть Мон-Магистерий. Помните, сюда необходимо вернуться по первому моему зову.

– Погодите, – начал Локк. – А как же...

Архонт встал, взял папку со стола и вышел из кабинета. Дверь за ним закрылась, с лязгом щелкнув замком.

– Ну надо же... – сказал Жан.

– Прости, – пробормотал Локк. – Это мне не терпелось в Тал-Веррар съездить.

– Да чего уж там... Мы оба эту девку потискать хотели... Кто ж знал, что у нее дурная болезнь.

Высокие черные двери со скрипом распахнулись; у входа замерли десять гвардейцев.

Локк, окинув их подозрительным взглядом, ухмыльнулся:

– Прекрасно! Ваш господин распорядился, во-первых, предоставить нам лодку, восемь гребцов, горячий ужин, пятьсот соларов, шесть красоток, знающих толк в...

На этот раз Локку и Жану попались весьма толковые гвардейцы: с пленниками они обращались без зверств, но настойчиво, дубинок с поясов не отстегивали, да и толчков с пинками приятелям досталось немного. Лучшего и желать не стоило.

5

На окраину Савролы их привезли в длинной шлюпке, под навесом. Занималась заря, тускло алел край неба над материковой частью города, отчего острова в море казались еще темнее. Жан и Локк молчали, не желая, чтобы гребцы или четверо гвардейцев с арбалетами передали архонту подслушанный разговор.

Лодка подошла к пустынному причалу, и Жан с Локком спрыгнули на берег. Один из гвардейцев швырнул на причал кожаный мешок, и лодка отправилась в обратный путь. На этом неожиданное приключение окончилось. Локк рассеянно потер сухие глаза.

– О боги! – вздохнул Жан. – Не могу отделаться от ощущения, что нас среди бела дня обобрали.

– Так оно и есть... – Локк подобрал с причала мешок, заглянул внутрь – два Жановых топорика и груда кинжалов – и недовольно хмыкнул: – Картенские маги... Охренеть!

– Похоже, они все это и подстроили.

– Хорошо, если только это.

– Локк, они же не всеведущие. У них наверняка какие-то слабости есть.

– Слабости? Это какие же, а? Что, кому-нибудь в детстве материнской любви не хватило или от заморских яств живот пучит и личико сыпью покрывается? Нам-то какая от этого польза? Все равно картенских магов кинжалом не пощекочешь... О Многохитрый Страж, ну отчего бы Страгосу, мерзавцу эдакому, не нанять нас на службу – как обычно, за деньги, без всех этих выкрутасов? Я бы с радостью...

– С радостью? Да я ж тебя знаю...

– А вот и нет!

– Не отпирайся! Сам подумай – вольнонаемные маги Страгосу сообщили о том, что мы Реквинову сокровищницу хотим грабануть, но ясно, что самого важного они как раз и не знают.

– Верно. Хотя, если поразмыслить, им-то незачем Страгосу обо всем подробно рассказывать.

– Твоя правда, и все же... Им известно о наших проделках в Каморре, но не все. Страгос упомянул Барсави, но ни словом не обмолвился о Цеппи – а все потому, что Сокольник появился в Каморре уже после смерти Цеппи. Локк, да пойми ты, картенские маги шпионить умеют, а вот мысли читать не могут, так что всех наших тайн им все равно не выведать.

– Да? Меня это как-то слабо утешает, Жан. Знаешь, кто любит философически рассуждать о малейших слабостях противника? Те, кто сам бессилен.

– И поэтому ты решил безропотно смириться с...

– Безропотно? Да во мне злоба пышет! А с бессилием пора кончать – и чем скорее, тем лучше.

– Ясно. И с чего начнем?

– Ну что, вот вернемся на гостинный двор, я нахлебаюсь воды от пуза, в кровать заберусь, голову под подушку спрячу и до заката просплю.

– Дело хорошее.

– А как отдохнем хорошенько, отправимся на поиски черного алхимика, который разбирается в ядах замедленного действия. Разузнаем об отраве что можно, заодно и выясним, можно ли противоядие подобрать.

– Договорились.

– А потом добавим к списку наших веррарских развлечений еще один пункт.

– Дать архонту в зубы?

– Ага! – Локк стукнул кулаком по ладони. – Мне наплевать, есть яд или нет его! Так или иначе, как бы там с Реквином не складывалось, я этот проклятый замок по камешку разберу и архонту в жопу запихну, по самые гланды. Мало не покажется.

– А что, задумки уже есть?

– Нет пока. Но я что-нибудь придумаю, не сомневайся. А уж о том, чтобы с выводами не торопиться... Нет уж, увольте.

Жан хмыкнул. Приятели побрели вдоль причала, к длинной каменной лестнице, ведущей на верхний ярус острова. Локк задумчиво почесал живот – по коже бежали мурашки, словно неведомая отравка, подспудно расползаясь по самым сокровенным уголкам поруганного тела, грозила бедой.

Бронзовый шар восходящего солнца безликой сверкающей маской Очей архонта завис над городом, невозмутимо взирая с небес на приятелей.

Реминисценция Госпожа Стеклойной балки

1

Встреча с Азурой Галлардин была делом непростым. Разумеется, такую известную особу, Вторую госпожу Великой гильдии искусников, исчислителей и кунсткамерных умельцев, отыскать было легко – дом ее стоял у перекрестка улиц Стеклодувов и Расточников, в четвертом уровне западного Кантеццо на острове Искусников. В сорока шагах от главной улицы.

В этих-то сорока шагах и заключалась основная трудность.

Жан с Локком приехали в Тал-Веррар полгода назад; Леоканто Коста и Жером де Ферра из созданий умозрительных стали вполне осязаемыми личностями. Их экипаж вкатил в город на исходе лета, а сейчас на смену студеным зимним бурям уже явился шаловливый весенний ветерок. Шел месяц сарис семьдесят восьмого года Нары – Вестницы морового поветрия, Госпожи вездесущих хворей и недугов.

Жан сидел в удобном мягком кресле на корме роскошной шестивесельной лодки. Узкое суденышко с низкими бортами юркой водомеркой скользило по волнам веррарской гавани, повинувась звонким выкрикам молоденькой девушки, примостившейся на носу.

День выдался ветреным, тусклые лучи солнца с трудом пробивались сквозь пелену облаков. В гавани теснились грузовые суда, баржи, рыбацкие лодки и величавые парусники со всех концов света. В залив неторопливо входила эскадра тяжелых галеонов из Эмберлена и Парлея, украшенная лазурно-золотыми стягами королевства Семи Сущностей. Неподалеку Жан заметил бриг под белоснежным флагом Лашена; рядом с бригом стояла галера с флагом Семи Сущностей, над которым гордо реял вымпел кантона Балинель, находившегося в нескольких сотнях миль к северу от Тал-Веррара.

Жанова лодка обогнула южную оконечность острова Негоциантов, одного из трех серповидных островов, окружавших Каstellану лепестками цветка. Путь Жана лежал к острову Искусников, где обитали мастера, превратившие создание затейливых механизмов и устройств в высокое искусство. Заводные диковинки, созданные веррарскими мастерами, отличались необычайным изяществом, утонченностью и прочностью, и превзойти эти творения не мог никто на свете.

Чем больше Жан привыкал к Тал-Веррару, тем больше замечал странности и самого города, и его обитателей. Города, возникшие на руинах Древних, казалось, перенимали своеобразие самих руин. К примеру, каморрцы, заселив острова, разделенные узкими каналами и протоками реки Анжевины, поневоле жили тесно и скученно, а в Тал-Верраре был простор. Стотысячное население города расселилось по островам, четко разграничивая места обитания жителей по роду занятий, состоятельности и положению в обществе.

На западе, в Переносном квартале, ютились бедняки – жилье здесь было бесплатным, однако приходилось мириться с постоянными штормами и бурями; ветер и волны, неустанно обрушиваясь на берег, крушили и ломали все на своем пути. Немногим лучше жилось и обитателям восточной оконечности архипелага – там, на полуострове Истрия, сгрудились домишки простых ремесленников и хижины работников, гнувших спину в многоярусных садах полуострова Землеробов, где на алхимически удобренных полях выращивали великолепные цветы, фрукты и овощи для богачей.

Единственное кладбище Тал-Веррара, издревле именуемое Курганом душ, занимало почти весь остров в восточной оконечности города-архипелага, напротив полуострова Земле-

робов. На всех шести ярусах Кургана теснились могильные плиты, памятники, усыпальницы, склепы и роскошные мавзолеи, похожие на дворцы. Как при жизни, так и после смерти веррарцы подчинялись строгим сословным разграничениям: чем знатнее и богаче покойник, тем выше ярусом его хоронили, – по сути, Курган душ являлся жутким зеркальным отражением Золотой Лестницы на противоположном берегу залива.

Размерами Курган душ не уступал Вел-Виращо; при кладбище возникла странная община – жрецы и жрицы Азы Гийи, толпы плакальщиц и плакальщиков (их громогласные стенания и трагические вопли были слышны издалека), кладбищенские скульпторы, зодчие и строители мавзолеев. Но самыми необычными обитателями Кургана душ были Неусыпные стражи; в Тал-Верраре кладбищенских грабителей не обрекали на смерть, а заставляли охранять кладбище. Угрюмые охранники в стальных масках и бряцающих железных доспехах дено и ночью обходили Курган душ скорбным дозором; вину свою они искупали лишь поимкой очередного незадачливого вора, который и становился новым Неусыпным стражем, – но такого счастливого случая приходилось ждать долгие годы.

В Тал-Верраре преступникам не грозили ни виселица, ни плаха, ни схватка с кровожадными хищниками – эти кары услаждали взоры обывателей прочих городов. В Тал-Верраре осужденных преступников отправляли – вместе с городскими отбросами – на так называемую Курганную свалку, которая представляла собой провал в сорок футов шириной, зияющий на северной оконечности Кургана душ. Отвесные стены провала уходили в темную толщу Древнего стекла на невероятную глубину; по слухам, Курганная свалка – это бездонная пропасть, и сброшенные в нее преступники не умирают, а пребывают в вечном падении. Именно поэтому те несчастные, которых сталкивали с деревянной планки в пропасть, так умоляли о пощаде.

– Забирай влево! – выкрикнула девушка с носа лодки.

Гребцы слева дружно вытащили весла из воды, а гребцы справа, наоборот, приналегли на весла. Лодка вильнула, выскользнув из-под самого носа грузовой галеры с испуганно мычащими коровами на борту. Какой-то моряк с галеры погрозил девушке кулаком:

– Эй, пигалица, глаза протри!

– Шел бы ты своих коров ублажать, пес шелудивый!

– Не наглей, стерва! Ишь язык-то распустила! Попадись мне только на причале, уж я тебя ублажу! Прошу прощения, господин хороший...

Жан, в бархатном камзоле, развалился в роскошном кресле на корме, как настоящий вельможа; в тусклых солнечных лучах ослепительно сверкало золотое шитье и украшения. Моряк на галере ни в коем случае не желал обидеть или рассердить знатного господина; ругательства, скабрезные шуточки и крепкие словечки звучали повсюду в порту, однако состоятельных путешественников это нисколько не смущало – с ними всегда обращались учтиво, будто они отрешенно парили над водой сами по себе. Жан небрежно помахал рукой.

– Ага, так я тебя и испугалась! Ты что, племенным быком себя возомнил? – звонко выкрикнула девушка, обеими руками изобразив неприличный жест. – А чего тогда коровы так недовольно мычат?

К этому времени лодка уже отошла от галеры на приличное расстояние, и ответа они не слышали. Галера осталась далеко за кормой, а взору Жана предстала юго-западная оконечность острова Искусников.

– За скорость получите по серебряному волану сверх обещанного, – сказал Жан.

Обрадованная девушка и гребцы стремительно повели лодку к причалу острова Искусников. Ярдах в ста слева темнела громада грузовой баржи под флагом неизвестной Жану гильдии, окруженная десятками лодок. Люди из лодок пытались взобраться на борт баржи, а матросы на палубе отчаянно отбивались веслами и поливали нападающих тугой струей воды из судовой помпы. Из порта к барже стремительно направлялась лодка с отрядом стражников.

– Что там происходит? – спросил Жан у девушки.

- Что? Где? А, это перышники бунтуют, ничего особенного.
- Перышники?
- Ну, писари, из гильдии писцов. Баржа-то под флагом гильдии печатников... Наверное, печатный станок везут. Вы сами-то печатный станок видали?
- Видеть не видел, а вот пару месяцев назад впервые о таком услышал.
- Перышники их страсть как не любят. Говорят, печатные станки их заработка лишают. Как пройдет слух, что печатники станок хотят с острова вывезти, так писари на баржу и нападают. Уже штук шесть новехоньких станков на дно отправили... Людей тоже не пожалели. Жуть, да и только.
- Совершенно с вами согласен, – кивнул Жан.
- Одна надежда, что искусники не придумают, чем хороших гребцов заменить. Ну, вот мы и прибыли, сударь. С ветерком пришли, до времени. Вас подождать?
- Да-да, разумеется, – ответил Жан. – С вами на обратном пути развлечения мне обещаны. Так что подождите, я через час вернусь.
- Премного благодарны, господин де Ферра. Рады услужить.

2

Мастера Великой гильдии искусников обитали не только на этом острове, но именно здесь их обосновалось больше всего; именно здесь на каждом углу располагались их мастерские и клубы; именно здесь никто не жаловался, если на улицах внезапно появлялись странные устройства непонятного назначения, к которым порой было опасно притрагиваться.

Жан, взбираясь по крутым ступеням улицы Бронзового Василиска, миновал лавки свечников, точильщиков и мистиков-флебомантов – предсказателей судьбы по венам на руках – и в конце улицы едва не столкнулся с элегантной дамой в четырехуголке с вуалью. Дама неторопливо выгуливала валькону на толстом кожаном поводке в стальной оплетке. Вальконы – нелетающие бойцовые птицы чуть крупнее гончего пса – передвигались прыжками; бесполезные недоразвитые крылья прилегали к телу, а тяжелый клюв и острые когти не хуже зубов разрывали жертву в клочья. Птицы признавали только хозяина, а всех остальных полагали законной добычей.

– Ах, какая птичка, – умильно забормотал Жан. – Ах, как мы умеем руки-ноги отрывать, никого не пожалеем... Красавица... или красавец, кто ты там есть? В общем, просто прелесть, а не птичка!

Валькона, злобно чирикнув, запрыгала вслед за хозяйкой.

Жан, пыхтя и отдуваясь, начал взбираться по очередной лестнице. Пот катил с него градом – физические нагрузки Жерома де Ферра ограничивались подъемом с кровати и посещением игорного заведения. Жан раздраженно напомнил себе о необходимости больше двигаться и упражняться – пузо росло не по дням, а по часам. Вот он поднялся на сорок футов от причала... на шестьдесят... на восемьдесят... Все выше и выше, на второй, на третий ярус... Наконец Жан добрался до четвертого яруса, на самой вершине острова, где больше всего ощущалось присутствие искусников.

В дома и в торговые лавки на четвертом ярусе острова вода поступала по разветвленной сети акведуков; некоторые арки и опоры были возведены еще в эпоху Теринского престола, а позднее, для упрощения подачи воды, обитатели острова стали подвешивать кожаные желоба к деревянным столбам. Повсюду виднелись шестеренки и валы всевозможных передач, водяные колеса и ветряки, гири и грузики противовесов и маятники. Водопровод слыл любимым развлечением искусников; система водоотводов постоянно росла и усложнялась, но при этом все мастера беспрекословно соблюдали главное условие – ни в коем случае не перекрывать поступление воды ни в один из домов. Почти ежедневно искусники, соревнуясь между собой, уста-

навливали все новые и новые участки водопроводных труб и желобов, новые помпы и насосы, а то и водокачки, берущие воду из старых участков сети. С наступлением сезона штормов ветер гонял по улицам острова обломки желобов и механизмов, шестеренки, винтики и пружинки, но мастера-искусники всякий раз бережно, как любимую игрушку, восстанавливали водопроводную сеть, делая ее еще запутаннее и сложнее.

Улица Стеклодувов тянулась по всей длине верхнего, четвертого яруса. Жан свернул налево и пошел по булыжной мостовой, вдыхая необычные запахи раскаленного жидкого стекла. За распахнутыми дверями мастерских виднелись искусники, крутившие на концах длинных трубок расплавленную стекольную массу, сияющую ярким оранжевым светом. Мимо Жана шумной гурьбой прошли подмастерья-алхимики – их было легко отличить по круглым алым шапочкам и по многочисленным шрамам алхимических ожогов на руках и лице.

На улице Расточников у входа в мастерские рядками сидели работники, полируя всевозможные детали механизмов; мастера-искусники нетерпеливо переминались на порогах, время от времени раздраженно давая указания. Перекресток находился на юго-западной оконечности четвертого яруса и заканчивался тупиком. Дом Азуры Галлардин стоял в сорока шагах от него.

Тупик улицы Стеклодувов представлял собой полукружье лавок и мастерских – широкую улыбку, в которой дырой на месте выбитого зуба зиял проем, а за ним виднелась балка Древнего стекла, по непостижимой причине горизонтально присоединенная Древними зодчими к камням четвертого яруса. Брус квадратного сечения, со стороной в полтора фута, выдавался на сорок футов в воздух, нависая в пятнадцати ярдах над крышами домов на улице третьего яруса. Трехэтажный дом Азуры Галлардин примостился на дальнем конце балки, как птичье гнездо на конце тонкой ветки. Вторая госпожа Великой гильдии искусников знала, как обеспечить себе покой и уединение, – пройти по балке решались лишь те посетители, которым позарез были необходимы услуги госпожи Галлардин.

Жан сглотнул, потер взмокшие ладони и, прежде чем шагнуть на балку, вознес краткую, но проникновенную молитву Многохитрому Стражу.

– Ничего сложного в этом нет, – пробормотал Жан. – Бывало и хуже. Подумаешь, сорок шагов. Главное – вниз не смотреть. Я устойчив, как груженный галеон.

Он, для равновесия раскинув руки в стороны, осторожно ступил на балку. Чем дальше он продвигался, тем сильнее задували порывы ветра, тем больше ширился небесный простор... Жан уставился на входную дверь дома и сам не заметил, как задержал дыхание. Не дышал он до тех пор, пока обеими руками не уперся в притолоку. Жан замер на крыльце, шумно перевел дух и смахнул со лба обильный пот.

Дом Азуры Галлардин был сложен из белокаменных плит. На высокой остроконечной крыше поскрипывал ветряк, а рядом в деревянной раме стоял большой кожаный бурдюк для сбора дождевой воды. На дверном полотне красовались резные изображения шестеренок и прочих непонятных устройств, а сбоку блестела начищенная медная пластина, врезанная в стену. Жан нажал пластину – по дому раскатился звон гонга. Из домов в третьем ярусе к ногам Жана поднимались дымки очагов.

Он собрался было еще раз нажать пластину, но тут дверь со скрипом приотворилась, и в щель озабоченно выглянула приземистая дородная женщина. Хозяйке дома было за шестьдесят; обветренное лицо пересекали глубокие морщины, будто заломы на рукавах старого кожаного дублета. Некогда пухлые щеки рыхлыми комьями глины свисали с высоких скул, а тройной подбородок придавал толстой шее сходство с раздутым лягушачьим зобом. Седые волосы были заплетены в тугие косицы, стянутые бронзовыми и железными кольцами, а руки, пальцы и грудь покрывала поблекшая вязь замысловатых татуировок.

Жан выставил правую ногу вперед, почтительно согнулся в церемонном поклоне, помавая левой рукой в воздухе, а правую прижав к животу, и приготовился начать витиеватую при-

ветственную речь, однако госпожа Галлардин, схватив незваного гостя за шиворот, втащила его в дом.

– Ой! Сударыня, ну что же вы так?! Позвольте хотя бы представиться...

– Ваш наряд и ваше пузо красноречиво свидетельствуют о том, что вы не в подмастерья наниматься явились, – оборвала его она. – Значит, об одолжении пришли просить. Вам, знатым господам, дай волю – весь день раскланиваться будете, а о деле ни полслова. Так что заткнитесь пока.

В доме пахло смазкой, потом, каменной пылью и раскаленным металлом. Внутренность трехэтажного дома представляла собой одно сплошное просторное помещение, уходящее под потолок. Жан удивленно огляделся: в правой и в левой стене – огромные, в рост человека, окна, а вдоль остальных стен, будто строительные леса, тянулись сотни деревянных полок, уставленных инструментами, материалами и всевозможной дребеденью непонятного назначения. На полки под самым потолком опирался деревянный настил, на котором виднелся тюфяк и письменный стол с двумя алхимическими светильниками; повсюду болтались веревочные лестницы, кожаные ремни и шнуры; на полу высились стопки книг, валялись полуразвернутые свитки и стояли початые бутылки, с пробками и без пробок.

– Простите, госпожа Галлардин, если я явился не ко времени...

– Ко мне всегда являются не ко времени, молодой человек. За исключением тех случаев, когда посетитель приходит с любопытным предложением. Ну, что там у вас, выкладывайте.

– Госпожа Галлардин, все, к кому бы я ни обращался, утверждают, что самый умелый веррарский искусник, самый талантливый создатель заводных устройств, непревзойденных по сложности, изяществу и совершенству, – это вы, а потому...

– Попридержите поток вашего льстивого красноречия, юноша, – велела старуха. – Оглядитесь повнимательнее. Видите, здесь повсюду шестеренки и рычаги, цепи и грузики. Ни их, ни меня лестью не подмажешь.

– Как вам будет угодно, – вздохнул Жан и полез во внутренний карман камзола. – И все же элементарные правила приличия не позволили мне явиться к вам с пустыми руками...

Из кармана он вытащил серебристый парчовый мешочек, стянутый у горловины печатью из тисненой золотой фольги, залитой красным воском.

Госпожа Галлардин не выносила, когда ее отрывают от любимого дела, всем сердцем ненавидела лесть, но, по единодушным заверениям Жановых осведомителей, обладала единственной слабостью – страстно обожала подарки. Вот и сейчас сердитые морщины на челе госпожи Галлардин разгладились, а по губам скользнула тень улыбки.

– Что ж, раз правила приличия не позволяют... – сказала она и, взяв подарок, торопливо, как обрадованный ребенок, сорвала печать, расправила складки серебристой парчи и с любопытством заглянула внутрь.

В мешочке оказалась прямоугольная бутылочка с бронзовой пробкой, наполненная молочно-белой жидкостью. Госпожа Галлардин, прочитав наклейку, изумленно выдохнула:

– Аустерсалинская белослиновица! О Двенадцать богов, кто же вам это присоветовал?

Ликеры и бренди, купированные в Тал-Верраре, славились на весь свет. Наилучшие сорта бренди – в данном случае несравненный аустерсалинский, производимый в Эмберлене, – смешивали с настойками и вытяжками из редкостных алхимических плодов (а как известно, алхимические белые сливы обладают поистине божественным вкусом), что придавало творениям веррарских виноделов невероятно изысканный вкусовой букет и аромат; один глоток подобного напитка вызывал у знатоков восторженное оцепенение. Бутылочка, вмещавшая не больше двух рюмок аустерсалинской белослиновицы, обошлась Жану в сорок пять соларов.

– Знающие люди уверяют, что вы по достоинству оцените мой скромный дар, – заметил Жан.

– По-вашему, это скромный дар, господин...

– Де Ферра, Жером де Ферра. Я всегда к вашим услугам, госпожа Галлардин.

– Помнится, речь шла о моих услугах, господин де Ферра. Так чем же я могу вам служить?

– Видите ли, если уж мы перешли прямо к делу, то об услугах говорить рановато. Пока что у меня к вам только... гм, вопросы.

– О чем?

– О сокровищницах.

Госпожа Галлардин, прижав бутылочку к груди, как новорожденного младенца, недоуменно уставилась на Жана:

– О каких сокровищницах? Что вы имеете в виду – обычную кладовую с механическими запорами или особо прочное хранилище с механической системой защиты?

– Меня больше интересует последнее.

– И что вы намерены в нем хранить?

– Ничего, – ответил Жан. – Видите ли, мне необходимо не установить, а снять защитные устройства.

– А, так вы заперли свою сокровищницу, а теперь не можете ее отомкнуть? Замок заело?

– Что-то в этом роде. Понимаете, тут дело такое...

– Какое?

Жан, облизнув губы, с улыбкой ответил:

– До меня дошли слухи, что вы иногда соглашаетесь на... скажем так, необычные предложения.

Она окинула его понимающим взглядом:

– Вы намекаете, что сокровищница, о которой идет речь, принадлежит не вам?

– Ну, в общем-то... да.

Азура Галлардин прошлась по комнате, переступая через разбросанные по полу книги, бутылки и заводные безделушки.

– Законы Великой гильдии гласят, что ни один искусник не вправе портить или разбирать устройство, созданное другим, – наконец-то изрекла она. – Впрочем, в порядке исключения подобные действия возможны по особому распоряжению городских властей или по личной просьбе владельца устройства... – Помолчав, она добавила: – Однако в некоторых случаях... к примеру, если изучение чертежей может привести к дальнейшим усовершенствованиям... исключительно в интересах развития науки на благо гильдии... своего рода испытание на прочность... критическая оценка мастерства...

– Госпожа Галлардин, от вас мне нужен только совет, – сказал Жан. – Мне требуется не замочных дел мастер, а всего лишь некоторые сведения, которые впоследствии могут пригодиться замочных дел мастеру.

– Что ж, в таком случае лучше меня советчика вам не сыскать. Однако, прежде, чем перейти к обсуждению стоимости подобного совета, скажите мне, молодой человек, вам известно имя создателя вашего защитного устройства?

– Да.

– И кто же это?

– Азура Галлардин.

Вторая госпожа Великой гильдии искусников отпрянула от Жана, будто от потревоженной гадюки:

– Вы хотите, чтобы я объяснила вам, как взломать защитное устройство, созданное моими руками? Да вы в своем уме?

– Видите ли, я осмелился предположить, что имя владельца сокровищницы, охраняемой вашим непревзойденным творением, не вызовет у вас особого сочувствия...

– И кто же это?

– Реквин. А сокровищница – в «Венце порока».

– О Двенадцать богов! Вы и впрямь обезумели! – воскликнула Азура Галлардин, опасно озираясь – не затаились ли где соглядатаи. – Мне осталось только посочувствовать – не вам, а самой себе.

– Госпожа Галлардин, я человек состоятельный и готов выплатить любую сумму, дабы вознаградить вас за доставленное беспокойство...

– Для этого вам никаких денег не хватит, – сказала старуха. – Господин де Ферра, я улавливаю в вашей речи... талишемский выговор? Вы родом из Талишема?

– Да.

– И репутация Реквина вам известна?

– Разумеется. Я все досконально изучил.

– Глупости! Если бы вы действительно все досконально изучили, то ко мне бы не явились. Ох, простофиля талишемский, позвольте мне вам кое-что рассказать. Вы знакомы с его спутницей Селендри? С той, у которой бронзовый протез вместо руки?

– Да. Поговаривают, что он только Селендри и доверяет.

– И это все, что вам известно?

– Пожалуй, да.

– До недавнего времени Реквин ежегодно в День Перемен устраивал бал-маскарад – грандиозное празднество в «Венце порока», куда съезжались гости в роскошных нарядах, один другого краше и дороже, однако маскарадные костюмы Реквина и его спутницы не имели себе равных. Так вот, несколько лет назад, перед балом, Реквин и его пассия смеясь ради решили поменяться нарядами и масками, не подозревая, что наемный убийца присыпал Реквинов костюм каким-то адским зельем, ужасающим творением черного алхимика. В сухом виде порошок был совершенно безвреден, но стоило согреть его теплом тела и смешать с каплей пота, как он начинал действовать... Вы представляете, что делает с плотью *аква регис*? Красавица с полчаса щеголяла в Реквиновом наряде, веселилась, танцевала, а потом... закричала. Сама я этого не видела, но знакомые искусники рассказывали, что бедняжка заходила криком до тех пор, пока не сорвала голос, а потом просто хрипела и сипела от невыносимой боли. Оказалось, что убийца присыпал ядом только одну сторону наряда, – подумать только, какая изощренная жестокость! Кожа красавицы стала оплывать, пошла пузырями, как кипящая смола... Среди гостей не нашлось смельчаков, готовых прийти на помощь страдальце, только Реквин бросился к ней, содрал наряд, потребовал, чтобы принесли воды, пытался вытереть отраву сначала своей рубахой, а потом голыми руками... поэтому он и не расстаётся с перчатками, обезображенные пальцы прячет.

– Какой ужас... – сказал Жан.

– В общем, его стараниями Селендри осталась жива, но изувечена и обезображена. Вы же видели, что у нее с лицом. Глазное яблоко лопнуло, глаз вытек, пальцы ноги пришлось удалить, пальцы рук превратились в угольки, да и сама рука тоже безнадежно искалечена... Селендри отрезали одну грудь, господин де Ферра. Вы не в состоянии представить себе, каково это, а мне даже сейчас об этом думать жутко, хотя в моем почтенном возрасте о красоте не думают. Так вот, Реквин, поручив возлюбленную заботам лекарей, немедленно объявил всем своим головорезам и вора, всем своим высокопоставленным друзьям и знакомым, что выплатит тысячу соларов любому, кто назовет ему имена убийцы и заказчика. Увы, он переоценил свое влияние. Как оказалось, его врага боялись куда больше, поэтому ответа Реквин не получил. День ото дня он увеличивал вознаграждение: пять тысяч, десять, двадцать... Безуспешно. После этого началась череда убийств – жестоких и беспощадных, наугад и без разбору. Спасения не было ни вора, ни алхимикам, ни слугам приоров – никому, кто хоть что-то знал. Ежедневно обнаруживали чей-то труп, освежеванный с левой стороны. Реквина умоляли остановиться, но он упрямо стоял на своем: убийства не прекратятся до тех пор, пока к нему

не доставят отравителя. Увы, дотошные расспросы ни к чему не привели. Тогда Реквин стал еженощно убивать не одного, а двоих: жен, мужей, родственников, детей, друзей – всех подряд, а когда его головорезы отказались исполнить приказ, он хладнокровно уничтожил всю банду. Бесчисленные покушения на его жизнь еще больше ожесточили Реквина. Убийства продолжались; горожане жили в постоянном страхе и были готовы на все, лишь бы раздобыть необходимые сведения. В конце концов к нему привели человека, который ответил на все вопросы...

Вздыхнув, Азура Галлардин продолжила рассказ:

– Реквин приковал его к деревянной раме, залил всю левую сторону алхимическим цементом, дождался, пока цемент не схватится, а потом установил раму вертикально, так что человек этот оказался наполовину замурованным, от макушки до левой пятки. Все это сооружение Реквин перенес в свою сокровищницу и каждый день насильно вливал в глотку пленника воду, чтобы тот не умер от жажды раньше времени. Левая сторона тела постепенно отсыхала, загнивала, разлагалась – бедняга умирал долго, в страшных мучениях. Честно говоря, я не могу представить более жестокой пытки... – прошептала она, взяла Жану под руку и подвела его к окну в левой стене. – Поэтому, надеюсь, вам понятно мое искреннее желание хранить абсолютную верность именно этому заказчику до тех самых пор, пока Всемиловейшая госпожа не вытряхнет мою душу из мешка старых костей.

– Уверю вас, Реквин никогда об этом не узнает.

– А я уверю вас, господин де Ферра, что на подобный риск не пойду. Никогда и ни за что.

– Уверю вас, любое, самое...

– Известно ли вам, молодой человек, – торопливо прервала его старуха, – что ждет тех, кто пытается мошенничать в его заведении? Виновнику отрубают руку, потом живьем сбрасывают с вершины башни на камни двора, а родственникам выставляют счет за уборку. А знаете, что случилось с недоумком, который устроил драку в «Венце порока» и раскровенил противнику губу? Реквин привязал его к столу, велел какому-то коновалу отделить бедняге коленные чашечки, а потом примотал их на место, предварительно сыпав в раны огненных муравьев. Несчастный умолял перерезать ему горло, но легкой смерти так и не дождался. Видите ли, Реквину законы не писаны. Архонт не желает с ним связываться, потому что не хочет портить отношений с приорами, которым, в свою очередь, очень выгодно вести дела с Реквином. После того как Селендри чудом выжила, Реквин стал гением изощренной жестокости. Чем бы меня ни соблазняли, я ни за что не рискну навлечь на себя гнев этого человека.

– Я вполне разделяю ваши опасения, – заверил ее Жан. – Предположим, ваше участие в этом предприятии ограничится невинным описанием устройства – о, в самых общих чертах! Это снимет с вас всякие подозрения, ведь об устройстве известно не только вам?

– По-моему, вы не проявили должного внимания к моему рассказу... – Азура Галлардин, укоризненно покачав головой, указала на окно. – Господин де Ферра, не желаете ли полюбоваться панорамой Тал-Веррара?

Жан сделал шаг к окну, откуда действительно открывался прекрасный вид на западную оконечность острова Искусников, гавань и сверкающие серебром воды Сабельного залива, где под защитой высоких крепостных стен и катапульт стояла эскадра архонта.

– Да, великолепное зрелище, – признал Жан.

– Я рада, что вам нравится. А теперь позвольте мне завершить нашу беседу следующим заявлением... Что вам известно о противовесах?

– К стыду своему... – начал Жан.

Старуха невозмутимо дернула один из кожаных шнурков, свисавших с потолка.

Пол ушел у Жана из-под ног.

Точнее, сначала Жану почудилось, что панорама Тал-Веррара внезапно скользнула к потолку; пока органы чувств лихорадочно совещались между собой, пытаясь сообразить, воз-

можно ли это, желудок с бесцеремонной настойчивостью подтвердил, что в движение пришла отнюдь не панорама.

Пролетев сквозь проем, неожиданно возникший в половицах, Жан сверзился на деревянный помост, подвешенный на чугунных цепях под домом Азуры Галлардин, и решил, что это какое-то подъемное устройство. Внезапно помост с огромной скоростью устремился к улице третьего яруса.

Залязгали цепи, в лицо ударил порыв ветра; Жан упал ничком и побелевшими от напряжения пальцами вцепился в край помоста. Навстречу ему неслись крыши, телеги и булыжники мостовой. Он невольно подобрался, ожидая резкого удара, но помост начал плавно замедлять ход... тень неизбежной смерти уступила место возможности болезненного увечья, которая, в свою очередь, уверенно превращалась в досадный конфуз. Помост замер в нескольких футах над мостовой. Цепи с правой стороны помоста обвисли, цепи слева остались туго натянутыми; помост резко накренился, пребольно сбросив Жана на камни.

Жан сел и облегченно перевел дух; перед глазами все плыло. Он опасливо взглянул вверх: помост стремительно поднимался к своему обычному месту под домом. Внезапно из потайной дверцы в полу вылетел небольшой блестящий предмет. Жан едва успел увернуться и прикрыть голову руками, как его обдало брызгами бренди вперемешку с острыми осколками стекла. Страхивая с волос драгоценные капли аустерсалинской белосливицы и бормоча проклятья, он неловко поднялся на ноги.

– Доброго вам вечера, сударь! – раздался голос за спиной Жана. – А, погодите... как же я сразу не сообразил... Госпоже Галлардин ваше предложение не по нраву пришлось?

Жан недоуменно обернулся и увидел у стены неприметного двухэтажного дома улыбчивого разносчика пива – тощего, как пугало, и дочерна загорелого. На голове у него красовалась заношенная шляпа с широкими обтрепанными полями, свисавшими до угловатых плеч. Рядом стояла большая бочка на колесиках, увешанная деревянными кружками на цепочках.

– Угу, так оно все и было, – пробормотал Жан.

Тут, как назло, из-под его камзола выскользнул топорик и со звоном ударился о булыжники мостовой. Жан, побагровев от смущения, торопливо поднял и спрятал оружие.

– Знаете, сударь, я вам как на духу скажу, только не обижайтесь, – улыбнулся разносчик. – Видят боги, это для вашей же пользы, ну и для моей, конечно. Так вот, по-моему, вам сейчас выпить не помешает – чего-нибудь укрепляющего, не из тех напитков, что с неба падают да по мостовой вдребезги разлетаются. Ох, а вдруг бы вам голову пробило или осколком задело...

– Ну, раз не помешает... – вздохнул Жан. – А вы что предложите?

– А вот скрадень, господин хороший. Слыхали о таком? В Тал-Верраре его знатно варят. Может, конечно, вы его у себя в Талишеме пробовали, так ведь у вас его варить не умеют, только продукт переводят! Вы не подумайте чего, сударь, сам я к талишемцам со всей душой, у меня там родственники...

Скрадень – густое темное пиво, сдобренное для запаха миндальным маслом, – пьянил не хуже любого вина.

– Налейте-ка мне полную кружку, – кивнул Жан.

Разносчик, вытащив затычку из бочки, налил в кружку темной, почти черной жидкости и одной рукой протянул кружку Жану, а другой учтиво приподнял шляпу.

– Между прочим, она почти каждый день такое вытворяет.

Жан с наслаждением глотнул пива, ощутив приятный легкий привкус дрожжей и миндаля.

– Почти каждый день?

– Ага. Некоторые посетители ей быстро надоедают, вот она и расстается с ними без особых церемоний... Да что я вам рассказываю, сударь, вы же сами-то...

– Угу. Хороший у вас скрадень.

– Премного благодарен, сударь. И цена невелика – один центир за полную кружку. Ох, спасибо вам за вашу щедрость! Вообще-то, я здесь частенько посетителей госпожи Галлардин поджидаю, скраднем отпаиваю – и господам польза, и мне хорошо. Жаль, конечно, что вы с ней не договорились...

– Ну это как сказать... – Жан допил скрадень, утер рот рукавом и вернул кружку разносчику. – Хотя мы с ней и неожиданно расстались, мне жалеть не о чем – на будущее задел положен.

Глава 4

Альянсы наугад

1

Господин Коста, сами посудите, какой резон мне от вас что-то скрывать? Будь у меня противоядие, я за него немало золота бы запросила, но ведь нет его...

Бледноликая Тириса, практикующая отравительница, принимала посетителей в уединенном кабинете. Локк с Жаном сидели, скрестив ноги, на мягких подушках, разбросанных по полу, и учтиво держали в руках крохотные чашечки, до краев наполненные густым джерештийским кофе – разумеется, так и не пригубив. Бледноликая Тириса, уроженка Вадрана, озабоченно расхаживала по кабинету, льдисто сверкая прозрачными голубыми глазами; светлые, как лен, прямые волосы чуть прикрывали воротник черного бархатного камзола. У единственной двери безмолвно стояла ее телохранительница, веррарка, вооруженная шпагой с корзинчатой гардой и полированной деревянной дубинкой на поясе.

– Вы правы, госпожа Тириса, прошу прощения, – сказал Локк. – Надеюсь, вы понимаете, что мне несколько не по себе. Умоляю, войдите в наше положение: мало того что нас отравили, так еще и яд определить невозможно, а уж противоядие отыскать...

– Да, господин Коста, положение весьма незавидное.

– Вот уже дважды моего повиновения пытаются добиться с помощью яда! В первый раз я еще счастливо отделался...

– Увы, тут уж ничего не поделаешь. Видите ли, яд как нельзя лучше обеспечивает покорность и послушание...

– Ох, напрасно вы с таким удовольствием об этом упоминаете.

– Что вы, господин Коста, я вам искренне сочувствую. – Бледноликая Тириса примирительно воздела левую руку, унизанную кольцами и покрытую шрамами алхимических ожогов, и Локк с удивлением заметил обрубок безымянного пальца. – Вот, взгляните, к чему приводит рассеянность и недосмотр. Еще подмастерьем я проявила редкую неосмотрительность в обращении с весьма опасным веществом. Выбирать, что дороже – палец или жизнь, – пришлось незамедлительно. К счастью, под рукой оказался острый нож. Так что, господа, с плодами своих трудов я знакома не понаслышке. Я на себе испытала и хворь, и отчаяние, и тревогу ожидания.

– Ах, госпожа Тириса, простите моего спутника, – сказал Жан. – Видите ли, нас искусно отравили таким чудесным ядом, что остается лишь уповать на не менее чудесное исцеление.

– Поймите, отравить гораздо проще, чем исцелить, – заметила Тириса, с привычной рассеянностью потирая обрубок пальца. – Противоядия подбирать непросто. Как правило, они сами ядовиты. Увы, не существует ни зелья, способного устранить последствия отравы, ни панацеи – универсального средства, исцеляющего от любого яда. Мне проще перерезать вам глотку, чем наобум испробовать на вас все известные противоядия в надежде на чудесное исцеление. Вдобавок эти противоядия могут либо продлить ваши мучения, либо ускорить действие того зелья, которым вас отравили.

Жан, подперев подбородок ладонью, оглядел кабинет. У одной стены виднелся алтарь хитроумного толстяка Гандоло, бога торговли и звонкой монеты, Отца удачи, Покровителя сделок, а у стены напротив – алтарь Азы Гийи, Богини Смерти, Повелительницы Долгого безмолвия.

– Вы упомянули, что известен целый ряд ядов замедленного действия. Не поможет ли это подыскать нужное противоядие?

– Да, господин Ферра, таких ядов немало. Вытяжка из сумеречной розы, попав в организм, несколько месяцев бездействует, а затем, если не принимать противоядия, тело малопомалу начинает терять чувствительность. Белая сухотка лишает питательности еду и питье, и несчастная жертва, даже предаваясь чревоугодию, погибает от истощения. У того, кто вдохнул порошок *ануэллы*, через несколько недель начинает сочиться кровь из всех пор, и смерть наступает от кровопотери... Вот всего лишь три яда замедленного действия, но убивают они по-разному, и каждый требует особого способа излечения. Противоядие, выводящее отраву из крови, может стать причиной смерти, если вы отравлены ядом, который поражает организм иначе.

– Тьфу ты! – сокрушенно произнес Локк. – Погодите, а вот... Ох, глупо об этом даже говорить, но... Жером, ты упоминал еще одно средство...

– Драконов камень, безоар, – сказал Жан. – Помню, я в детстве читал...

– Увы, безоар – это миф. Волшебная сказка, – со вздохом изрекла Тириса, сложив руки на груди. – Такая же выдумка, как повесть о десяти честных предателях, как сказание о мече, разящем без промаха, или о призывном роге Терим-Пеля. Чистый вымысел, только и всего. Мы с вами в детстве одни и те же книги читали, господин де Ферра. Извините, но для того, чтобы извлечь волшебные камни из желудка дракона, необходим живой дракон.

– Да, с драконами нынче туговато.

– Впрочем, если вы жаждете чудесного исцеления любой ценой, я могу лишь посоветовать...

– Мы на все согласны! – нетерпеливо воскликнул Локк.

– Обратиться к картенским магам. Насколько мне известно, они действительно могут остановить действие яда в тех случаях, где мы, алхимики, бессильны. Разумеется, за соответствующее вознаграждение.

– Нет уж, увольте... – пробормотал Локк.

– Что ж, – с сожалением в голосе произнесла Тириса, – как это ни прискорбно для моего самолюбия и для моего кошелька, уважаемые господа, предложить вам мне нечего. Поскольку о яде ничего не известно, помочь я вам не смогу. А вы уверены, что вас отравили недавно?

– Совершенно уверены. Такая возможность впервые представилась нашему мучителю не далее как вчера ночью.

– В таком случае служите ему верой и правдой – это продлит вашу жизнь на недели, а то и на месяцы, и, может быть, за это вам удастся что-то узнать о загадочном яде. Разумеется, это слабое утешение, но, если вам станут известны хоть какие-нибудь дополнительные сведения, немедленно приходите ко мне. Я приму вас в любое время дня и ночи.

– Ах, вы так великодушны! – сказал Локк.

– Я буду молить всех богов, чтобы вам улыбнулась удача. Да, жить с таким бременем нелегко, однако же, если не представится другого выхода, прошу вас, обращайтесь ко мне – есть прекрасные способы покончить с тяготами брэнного существования. Замкнуть круг, так сказать.

– С вами приятно иметь дело, госпожа Тириса. – Жан поднялся, опустил кофейную чашечку на столик и положил рядом с ней золотой солар. – Спасибо за ваше гостеприимство.

– Не за что, господин де Ферра. Вы готовы?

Локк встал, одернул камзол и кивнул вместе с Жаном.

– Валиста вас проводит, как обычно, – сказала Тириса. – Еще раз прошу прощения за излишние меры предосторожности. Надеюсь, вы понимаете, что глаза вам завязывают не только для моего, но и для вашего же блага.

Никто, кроме служителей Бледнолицой Тирисы, не знал, где именно располагалась ее обитель, затерянная среди сотен домов, торговых лавок, кофейен и прочих заведений в хитро-сплетениях улочек Изумрудного пассажа. Квартал получил свое название из-за куполов Древ-

него стекла – свет солнца или лун, преломляясь в прозрачной толще, озарял окрестности зеленоватым сиянием. Посетители попадали к Тирисе не иначе как с завязанными глазами, в сопровождении охранников и уходили от нее таким же манером. Вот и сейчас телохранительница протянула Локку и Жану повязки.

– Разумеется, – ответил Локк. – Нам не привыкать... Нас и так вечно водят за нос в темноте.

2

Две ночи подряд Локк с Жаном шныряли по Савроле, высматривая на крышах и в подворотнях согладатаев архонта или картенских магов, но так никого и не обнаружили. Впрочем, Реквиновы шпионы, в полном соответствии с приказами своего господина, вели за приятелями открытую слежку.

На третью ночь Локк с Жаном, осмелев, решили вернуться в «Венец порока», будто ничего особенного не произошло. Они, как и подобает людям состоятельным, облачились в роскошные наряды, уверенно прошествовали по ковровой дорожке алого бархата и, вложив по серебряному волану в руки швейцаров, прошли сквозь толпу у входа – здесь собирались расфуфыренные выскочки, мечтавшие быть допущенными в светское общество.

Локк наметанным глазом заприметил в толпе проходимцев – их выдавали не только неухоженные зубы, изможденные лица и бегающие глаза, но и аляповатые, кричащей расцветки, наряды явно с чужого плеча и неверно подобранные украшения. Реквин награждал своих Путных людей за верную службу, изредка позволяя им проводить время в соблазнительном чертоге удачи, – разумеется, выше первого этажа их не пускали; присутствие мошенников не отпугивало, а, наоборот, служило приманкой для знатных посетителей, щекоча пресыщенное воображение, ведь мнимая угроза всегда придает остроту обычным развлечениям.

– Господин Коста, господин де Ферра, добро пожаловать! – с поклоном сказал швейцар.

Широкие двери распахнулись, и на Локка с Жаном обрушилась удушающая волна возбужденных голосов, жара человеческих тел и дурманящая смесь цветочных ароматов и винных паров – иными словами, порочное дыхание роскоши.

Толпа на первом этаже не шла ни в какое сравнение с давкой на втором; игорный зал был переполнен, люди сгрудились даже на лестнице, и Жану с Локком пришлось прокладывать себе дорогу, усиленно работая локтями.

– О Переландро, что здесь происходит? – спросил Локк какого-то мужчину.

– Сегодня клетку опустили! – ухмыльнулся тот, восторженно сверкнув глазами.

Во втором этаже под потолком висела квадратная медная клетка двадцати футов поперечником, которую время от времени опускали, приковывая к вделанным в пол кольцам посреди зала, и устраивали в ней бои. Сегодня клетку обтягивала частая сетка – не в один, а в два слоя, изнутри и снаружи. Горстка счастливиц – состоятельные посетители заведения – расположилась за столами на возвышении у стен, а остальные – еще сотня человек – обступили клетку плотным кольцом.

Локк с Жаном пробивались сквозь толпу, пытаясь рассмотреть, чем именно вызвано такое возбуждение присутствующих. Со всех сторон неслись восторженные восклицания. Локк, не понимая причины невиданного ажиотажа, внезапно сообразил, что в зале раздается не только гул голосов, но и еще какой-то назойливый звук.

О проволочную сетку билось нечто размером с воробья; яростно трепещущие крылья издавали гулкое, басовитое жужжание, внушавшее почти утробный страх.

– Иди ты... – ошеломленно выдохнул Локк. – Кинжальный шершень...

Жан согласно закивал.

По счастливой случайности Локк никогда прежде не сталкивался с этими жуткими созданиями: они во множестве водились лишь на далеких тропических островах к востоку от Тал-Веррара, где-то за Джеремом и Джерешем, в неведомых морях, которых ни на одной теринской карте не найдешь, и наверняка доставляли островитянам массу неудобств. Давным-давно, еще в Каморре, Жан, отыскав в одной из книг по естественной истории описание этих чудовищных насекомых, прочитал его вслух Благородным Канальям, после чего их всех целую неделю преследовали кошмарные сновидения.

Кинжальные шершни получили свое название благодаря рассказам чудом уцелевших очевидцев. Эти насекомые, размером с певчую птицу, покрыты алым панцирем, а в их брюшке, длиной в палец взрослого человека, скрывается острое ядовитое жало. Поговаривали, что кинжальные шершни строят гнезда величиной с дом. Дабы не допустить распространения этих чудовищ по городам и весям Терина, любого человека, обзаведшегося маткой кинжальных шершней, приговаривали к смертной казни.

По клетке метался юноша в шелковой рубаше, холщовых штанах и коротких сапогах, побоксерски прикрывая лицо руками; единственным средством защиты – и нападения – служили наручи на предплечьях и толстые кожаные перчатки, которыми можно было прихлопнуть кинжального шершня, что тем не менее требовало немалой ловкости и сноровки.

У одной из стенок клетки стоял массивный деревянный ларец с ячейками, затянутыми частой сеткой; несколько открытых ячеек, судя по всему, были уже пусты, из остальных доносилось злое жужжание разъяренных шершней.

– Господин Коста! Господин де Ферра! – раздался знакомый голос, перекрывая гомон.

Жан с Локком, оглядев переполненный зал, заметили за одним из столиков на помосте Маракозу Дюренну. Она призывно помахала им рукой, увешанной множеством браслетов из белого железа и нефрита, и поднесла к губам длинный серебряный чубук; замысловатая прическа госпожи Дюренны напоминала раскрытый веер, скрепленный сверкающей серебряной заколкой.

Приятели, украдкой переглянувшись, пробрались сквозь толпу к столику.

– Мне вас очень доставало, – заявила госпожа Дюренна. – Измиле нездоровится, и мне вот уже третий день приходится в одиночку курсировать в здешних водах в поисках развлечений.

– Примите наши искренние извинения, – сказал Жан. – Увы, нас задержали неотложные дела. Видите ли, мы иногда выступаем в роли биржевых советников для, гм, весьма взыскательных особ.

– Так что нам пришлось неожиданно отправиться в кратковременное плавание, – любезно пояснил Локк.

– И провести переговоры о долгосрочных поставках грушевого сидра в будущем, – подхватил Жан.

– Наши бывшие партнеры дали нам такую восторженную рекомендацию, что отказаться не было решительно никакой возможности, – заключил Локк.

– Долгосрочные поставки грушевого сидра в будущем? – недоверчиво переспросила госпожа Дюренна. – Ах, как это романтично! И наверняка очень рискованно. Как я погляжу, азарта в биржевых сделках не меньше, чем в лихой карусели. Значит, вы с большим успехом на бирже играете? На будущее?

– Разумеется, – сказал Жан. – Иначе на лихую карусель нам бы денег не хватило.

– Ну и как по-вашему, кого из участников сегодняшней схватки ожидает лучшее будущее?

Кинжальный шершень в клетке ринулся на юношу; тот, отмахнувшись, сбил мерзкое насекомое на лету. Алый панцирь влажно хрустнул под сапогом. Зрители одобрительно завопили.

– Не поздно ли? – учтиво осведомился Локк. – По-моему, и так все ясно. Или последует продолжение?

– Что вы, господин Коста, схватка только начинается. В улье сто двадцать ячеек, а число открываемых непредсказуемо – за это отвечает особое устройство; может открыться одна ячейка, а может сразу шесть. Не правда ли, захватывающее зрелище?! Для того чтобы выйти из клетки, надо убить ровно сто двадцать шершней. Ну, или... – Госпожа Дюренна, выразительно вскинув бровь, глубоко затянулась трубкой. – Пока что молодой человек справился только с восемью.

– В таком случае я все равно ставлю на юношу, – сказал Локк. – Считайте, что я с надеждой смотрю в будущее.

– Оно и видно, – с улыбкой заметила госпожа Дюренна, выпуская из носа две толстые струи дыма, отдаленно напоминающие серый водопад. – А я ставлю на шершней. Ну что, побьемся об заклад? Двести соларов вас устроит? Я поставлю двести, а вы оба – по сто.

– Я всегда к вашим услугам, госпожа Дюренна, а что касается моего спутника, давайте у него самого спросим. Жером, ты как?

– Для того чтобы доставить вам удовольствие, сударыня, никаких денег не жалко.

– Ах, я восхищена потоком вашего лживого красноречия! – удовлетворенно вздохнула госпожа Дюренна и подозвала служителя.

Служитель, выслушав ставки и предмет пари, занес имена игроков на грифельную доску, сделал пометку о взыскании необходимых сумм с личных счетов всех троих и выдал четыре деревянные плашки, украшенные десятью выгравированными кольцами. Возбуждение в игорном зале нарастало.

Два злобных шершня, выбравшись из ячеек улья на свободу, устремились к юноше.

Дюренна, опустив свои плашки на стол, с милой улыбкой сказала:

– Не помню, говорила ли я вам, что кинжальные шершни приходят в ярость при виде трупов своих братьев. Чем дольше длится схватка, тем они злее становятся.

Пара шершней с гневным жужжанием кружила по клетке; юноша ловко от них уворачивался, стараясь не подставлять под укусы неприкрытую спину и бока.

– Восхитительно! – Жан, чуть склонив голову, с напускным любопытством уставился на клетку и всплеснул руками, ухитрившись при этом подать Локку ряд импровизированных условных сигналов, смысл которых Локк разобрал не без труда:

«Меня это зрелище не вдохновляет, пойдем-ка отсюда».

Ответить Локк не успел – на левое плечо тяжело опустилась знакомая бронзовая рука.

– Господин Коста, – просипела Селендри прежде, чем Локк обернулся. – Один из приюров на шестом этаже выразил желание обсудить с вами какой-то карточный фокус... Он утверждает, что вы знаете, о чем идет речь.

– Я счастлив составить ему компанию, – ответил Локк. – Прошу вас, передайте ему, что я сей момент буду.

– Лучше я вас сама к нему проведу, – возразила Селендри с жутковатой полуулыбкой, не коснувшейся обезображенной половины лица. – Вам одному через эту толпу не пробиться.

Локк всем своим видом изобразил глубочайшую благодарность и, обернувшись к госпоже Дюренне, растерянно развел руками и поклонился.

– Ах, какие у вас связи, господин Коста! – сказала Дюренна. – Ступайте, ступайте. Не беспокойтесь, Жером за вашей ставкой приглядит. Вот мы с ним сейчас выпьем по рюмочке...

– С несказанным удовольствием, – ответил Жан, подзывая служителя.

Селендри решительно направилась к лестнице на противоположном краю круглого игорного зала; бронзовый протез покоился на раскрытой ладони здоровой руки, словно подношение неведомым богам. Локк торопливо устремился за Селендри, которая невозмутимо шествовала по залу, а перед ней, будто по волшебству, расступалась толпа и тотчас же смыкалась

за спиной Локка, как стоя потревоженных грызунов. Звенели бокалы, над головами стлались струйки дыма, басовито, грозно жужжали шершни.

Селендри и Локк поднялись на третий этаж. В южной стороне игорного зала находилась кладовая, где хранили запасы всевозможных напитков. В глубине кладовой виднелась небольшая дверь рядом с глубокой выемкой в стене. Селендри вставила протез в выемку, и дверь сдвинулась в сторону; за ней оказалось узкое – чуть шире гроба – темное пространство. Селендри вошла внутрь, прижалась спиной к стене и поманила к себе Локка.

– Подъемная клеть, – объяснила она. – Гораздо удобнее, чем лестницы и толпы в игорных залах.

В клетке было душно и тесно – Жан сюда бы ни за что не поместился. Локк прижался к левой, изувеченной стороне Селендри; бронзовый протез давил ему в спину. Селендри здоровой рукой задвинула дверцу. В темноте запахи ощущались острее; пахло свежим потом, резким мускусом разгоряченного женского тела, а от волос Селендри, будто от соснового полена в очаге, веяло дымным смолистым ароматом – весьма приятным.

– Вот здесь, – сказал Локк, – со мной и произошел бы несчастный случай. Ну, предположительно.

– Ничего предположительного в вашем несчастном случае не будет, господин Коста. И на пути вверх никакой несчастный случай вам не грозит.

Селендри чуть сдвинулась, где-то справа защелкали механизмы, стены клетки вздрогнули, а над головой что-то негромко заскрипело.

– Я вам не нравлюсь, – ни с того ни с сего сказал Локк.

Чуть помолчав, Селендри произнесла:

– Я и не подозревала, что предатели такие наглецы.

– Предатели – те, кто замышляет измену, – возразил Локк несколько уязвленным тоном. – А я всего лишь хочу отомстить за нанесенное оскорбление.

– У вас на все готовы объяснения, – прошипела она.

– Похоже, я вас чем-то обидел.

– Мне все равно, как вы это называете.

Локк лихорадочно размышлял, каким тоном лучше всего произнести следующую фразу. В крошечной тьме Селендри могла не разглядеть ни выражения лица, ни жестов Локка, и голос стал его единственным оружием, способным произвести неизгладимое впечатление. Локк с ловкостью алхимика смешал все известные ему уловки, проверенные ухищрения и многозначительные недомолвки, состряпав из них требуемые чувства – пристыженность, замешательство, смущенное раскаяние.

– Если я обидел вас – словом или поступком, – я готов взять свои слова обратно, готов загладить свою вину... – Он замялся, чтобы придать своим словам большую искренность, – это служило одним из самых надежных инструментов воздействия на собеседника. – Только скажите, чем я вас обидел... Позвольте мне исправить сказанное или содеянное...

Селендри едва заметно шевельнулась; на мгновение бронзовая рука чуть сильнее надавила на плечо Локка. Он закрыл глаза и напряг все свои чувства – слух, осязание и животные инстинкты, – пытаясь в полной темноте не упустить ни единого намека. Как Селендри отнесется к участливому состраданию – с презрительным отвращением или с благодарностью? Сердце Локка гулко колотилось в груди, на виске подрагивала тонкая жилка.

– Ничего исправлять не надо, – еле слышно шепнула Селендри.

– Какая жалость... – промолвил Локк. – А я так надеялся развеять ваше беспокойство.

– Это невозможно. Вы этого не сможете.

– Вы мне даже попробовать не позволите?

– Господин Коста, ваши разговоры, как ваши карточные фокусы, хороши только для отвода глаз – уж слишком гладко у вас выходит. Боюсь, ваши речи скрывают гораздо больше,

чем ваши ловкие пальцы. Между прочим, я согласилась сохранить вам жизнь лишь потому, что вы можете сослужить кое-какую службу вашему господину.

– Селендри, я не хочу быть вашим врагом, – проникновенно сказал Локк. – Не хочу доставлять вам неприятностей.

– Какие дешевые и бессмысленные слова...

– Я не могу... – Локк снова выдержал строго отмеренную паузу, действуя осторожно, как скульптор, высекающий сеть морщинок в уголках глаз статуи. – Послушайте, возможно, я и впрямь наглец, но иначе я не умею, Селендри. – Он намеренно повторял ее имя, словно заклинание, подчиняя ее своей воле, – ведь личные имена обладают большей силой, чем титулы. – Таким уж я уродился.

– И вы еще удивляетесь, что я вам не доверяю?

– А вы вообще кому-то доверяете?

– Того, кто никому не доверяет, никогда не предадут. Даже враги.

– Гм... – Локк поспешно прикусил язык и задумался. – Селендри, а ведь *ему* вы доверяете, правда?

– Это не ваше дело, господин Коста.

На потолке что-то гроыхнуло, подъемная клеть дернулась, вздрогнула и остановилась.

– Еще раз прошу прощения, Селендри, – сказал Локк. – Это вовсе не шестой этаж, так? Девятый?

– Девятый.

«Она вот-вот распахнет дверь», – подумал Локк. Еще несколько мгновений они оставались в этой сокровенной темноте, наедине... Он, торопливо перебрав все вероятные ходы, остановился на одном, весьма рискованном, зато предоставлявшем отличную возможность заронить зерно сомнения.

– Знаете, Селендри, я был о нем куда худшего мнения. А оказалось, ему хватило ума полюбить вас по-настоящему. – Помолчав, Локк понизил голос до едва слышного шепота. – По-моему, вы самая храбрая женщина на свете.

В крошечной тьме он отсчитывал биения сердца – раз, два, три...

– Какая очаровательная самонадеянность, – язвительно прошептала она.

Раздался щелчок, темноту прорезала яркая полоска света, и бронзовая рука Селендри вытолкнула Локка в кабинет Реквина, озаренный сиянием светильников.

Что ж, пусть теперь Селендри обдумывает услышанное, пусть сама невольно подаст знак, который подскажет Локку, как продолжать. Он не преследовал особой цели, сея в Селендри сомнения и неуверенность, – ему нужно было лишь обезопасить себя от ножа в спину. Какая-то крошечная часть его души, прежде почти не напоминавшая о своем существовании, противилась тому, что он играет на чувствах Селендри... Ну и пусть! В конце концов, сейчас он волен думать и поступать так, как ему угодно, потому что сейчас он – Леоканто Коста, которого в действительности не существует.

Он вышел из подъемной клетки, смутно подозревая, что все эти доводы убедили его самого ничуть не больше, чем Селендри.

3

– А, господин Коста, мой загадочный новый поделщик! Вы сложа руки не сидите, как я погляжу.

Дверца подъемной клетки открывалась в неприметной стенной нише между двумя картинами. В Реквиновом кабинете царил прежний беспорядок, и Локк с удовлетворением увидел, что оставленные колоды карт все так же разбросаны на столе и под столом.

Реквин, в бордовом сюртуке с черными отворотами, задумчиво посмотрел куда-то вдаль сквозь сетчатую ширму балконной двери, а затем, потеряв подбородок рукой в перчатке, покоился на Локка.

– Что вы, мы с Жеромом три дня отдыхали, – сказал Локк. – Помнится, я вам именно это обещал.

– Вообще-то, мое замечание касалось ваших веррарских походов за последние два года. Я справки навел.

– Как я рад! Впечатляет, правда?

– Да, весьма поучительно. Что ж, давайте без обиняков. Около года назад ваш партнер пытался выведать у Азуры Галлардин сведения об устройстве моей сокровищницы. Вы знаете, о ком я говорю?

Селендри неторопливо прохаживалась слева от Локка, время от времени поглядывая на него через правое плечо.

– Конечно знаю. Какая-то важная особа из гильдии искусников. Я Жерому объяснил, где ее найти.

– А откуда вам известно, что она принимала участие в разработке устройств и механизмов для охраны моей сокровищницы?

– Ах, вы не представляете, сколько всего можно узнать, если щедро угостить выпивкой посетителей таверны, облюбованной искусниками, и проявить повышенный интерес к их пьяным бредням и бахвальству.

– Понятно.

– Так ведь старуха, стерва этакая, ничего Жерому не рассказала.

– Разумеется. Мало того, она даже мне не призналась, что ее об этом спрашивали. Однако я полюбопытствовал, и выяснилось, что один из моих верных осведомителей, разносчик пива, припомнил, как однажды с неба свалился тип, весьма похожий на вашего спутника.

– Да-да, Жером жаловался, что старуха весьма своеобразно обрывает разговор.

– Ну, вчерашний разговор с Селендри она обрывать не стала и весьма охотно вспомнила мельчайшие подробности беседы с Жеромом.

– Весьма охотно?

– За деньги.

– А!

– А еще мне стало известно, что, пока Жером беседовал с госпожой Галлардин, вы общались с моими людьми в Серебряном заливе.

– Было дело. Я побеседовал с неким типом по имени Драв и с очаровательной особой... гм, как же ее звали?

– Армания Кантацци.

– Совершенно верно. Я хотел с ней поближе познакомиться, но, как ни старался, заинтересовать ее не сумел.

– Еще бы! Арманию интересуют только женщины.

– Ах вот оно что... А я было испугался, что сноровку утратил.

– Так вот, вы расспрашивали о морских грузовых перевозках – особенно о таких, которые проходят мимо таможенных чиновников. И даже достигли кое-каких предварительных договоренностей с моими людьми, но этим дело и ограничилось. Позвольте узнать почему?

– Мы с Жеромом, поразмыслив, пришли к выводу, что для перевозки украденного лучше нанять судно, приписанное к порту за пределами Тал-Веррара, – оно не привлечет излишнего внимания властей, – а добычу на него доставить небольшими баржами, из местных.

– Разумное решение. Я бы поступил точно так же, вздумай я себя ограбить. Что ж, теперь перейдем к алхимикам. По моим сведениям, в прошлом году вы их часто навещали, причем без разбору – и именитых мастеров, и сомнительных типов.

– Видите ли, я изучал воздействие разнообразных горючих масел и кислот на всевозможные устройства – чтобы с отмычками не возиться.

– И как успехи?

– А вот об этом я сообщу только своему заказчику, – ухмыльнулся Локк.

– Ладно, к этому мы еще вернемся. Итак, судя по всему, вы действительно что-то замышляете, и ваша бурная деятельность это подтверждает. Кстати, я вас еще кое о чем спросить хотел...

– О чем же?

– Скажите, как старина Максилан поживает? Вы же три дня назад с ним виделись, правда?

Внезапно Локк сообразил, что Селендри неподвижно стоит у него за спиной. «О Многохитрый Страж, дай мне ума убедительно солгать и вовремя остановиться!» – безмолвно возмолвил он и воскликнул:

– Он редкостный мерзавец!

– Ну, это мне любой уличный мальчишка скажет. Значит, вы признаете, что побывали в Мон-Магистерии?

– Да. Страгос лично с нами встретился. Кстати, он полагает, что вам неизвестно о его соглядатаях среди ваших людей.

– Так и было задумано. А вы, Леоканто, весьма любопытный тип. С вами сам архонт Тал-Веррара дела ведет. Интересно какие? Да еще и среди ночи, сразу после того, как мы с вами провели очень содержательную беседу.

Локк тяжело вздохнул, стараясь выиграть хотя бы несколько секунд на размышления, а потом, будто сообразив, что затягивать молчание не стоит, с видимой неохотой произнес:

– Я вам обо всем расскажу, только предупреждаю – вам это не понравится.

– Знаю, что не понравится. И все же... Ну, рассказывайте, не томите.

Локк снова вздохнул. «Либо во лжи увязну, либо из окна вылечу – тут уж выбирать не приходится».

– Страгос – наш с Жеромом заказчик. Он-то нам и платил, через подставных лиц. Оказывается, все это время мы имели дело с его людьми. Он – тот самый неизвестный, который мечтает опустошить вашу сокровищницу, будто закрома для пирушки. Вот, решил, что мы слишком долго с его заданием возимся и самое время нас подстегнуть.

Реквин, поморщившись, сжал зубы и заложил руки за спину:

– Он вам так и сказал?

– Да.

– Похоже, он питает к вам огромное уважение... Иначе зачем бы ему уведомлять вас о своих замыслах? И чем вы подтвердите свое заявление?

– Ах, видите ли, он и впрямь выдал мне документ с полным изложением своих намерений и со своей личной подписью и печатью, но я, растяпа эдакий, его потерял! Наверное, из кармана выронил... – съязвил Локк и угрюмо посмотрел налево.

Селендри, не сводя с него глаз, здоровой рукой потянулась к поясу.

– Да ради всех богов! – воскликнул Локк. – Если не верите, я сам в окно выпрыгну, чтоб время попусту не тратить...

– Нет-нет, рановато вам с булыжниками во дворе знакомиться, – сказал Реквин, предупредительно воздев руку. – Однако же весьма странно, что архонт снизошел до личной встречи с вами. Как правило, влиятельные особы с кем попало не якшаются и с холуями дружбы не вводят, не в обиду будь сказано.

– А я и не в обиде. По-моему, Страгосу отчего-то больше ждать невтерпеж, он хочет поскорее с этим покончить. Вдобавок складывается стойкое впечатление, что даже при успеш-

ном завершении этого безнадёжного предприятия он намерен раз и навсегда избавиться от нас с Жеромом. Такое вот здоровое предположение...

– Разумеется. К тому же это избавит Страгоса от лишних расходов. Такие, как он, о деньгах пекутся больше, чем о чужих жизнях. – Реквин хрустнул костяшками пальцев. – Хуже всего то, что все эти объяснения выстраиваются в весьма логичную схему. А я всегда следую нехитрому правилу: если ответы на загадку очевидны, то вас пытаются обобрать.

– Непонятно только, с какой стати Страгос настоял на личной встрече с вами, – прохрипела Селендри. – Ведь он прекрасно понимает, что при первой же... возможности вы сдадите его с потрохами.

– Ох, не хочется об этом упоминать, но, похоже, придется, – смущенно произнес Локк. – Видите ли, Страгос угостил нас сидром, ну и... Стыдно признаться... В общем, из вежливости мы сидр выпили. А потом Страгос объяснил, что в сидр подмешали неизвестный яд замедленного действия и нам с Жеромом грозит медленная и мучительная смерть. Впрочем, за наше послушание он пообещал лично выдавать нам противоядие. Так что теперь мы всецело в его власти и обязаны ему во всем повиноваться.

– Гм, надежный, проверенный способ, – кивнул Реквин. – Действует безотказно.

– Я ж говорю, стыдно признаться, – сказал Локк. – К тому же, как только нужда в наших услугах отпадет, Страгос с легкостью от нас избавится. А до тех пор будет уверен, что уж теперь-то мы его не предадим.

– Но вы все равно намерены его предать?

– Реквин, скажите честно, а вы бы на месте Страгоса что сделали? Дали бы нам противоядие и отпустили бы с миром? Мы для Страгоса уже покойники. Эх, успеть бы отомстить – да не одному, а двоим. Ну, с Жеромом я по-любому разберусь, прежде чем от проклятого сидра схохну, а вот с архонтом рассчитаться без вашей помощи не смогу.

– Здоровое предположение... – без прежней холодности пробормотал Реквин.

– Я рад, что вы разделяете мое мнение, потому что, как выяснилось, я плохо представляю себе соотношение сил в вашем городе. Что происходит, Реквин?

– Архонт давно мечтает с приорами разделаться. Многие городские советники хранят свои личные состояния в моей сокровищнице, и о размерах этих состояний архонтовым соглядатаям неизвестно. Если сокровищницу ограбят, то приоры не только останутся без денег, но и на меня обозлятся. Как бы Страгос ни жаждал от меня сейчас избавиться, без веской причины он этого сделать не может, потому что в городе вспыхнет мятеж. А вот обратиться к услугам людей посторонних... Превосходно задумано. Сокровищницу ограбят, я начну охоту на вас с Жеромом, приоры будут готовы меня на куски разорвать, а Страгос тем временем... – Дальнейшие действия архонта Реквин проиллюстрировал, накрыв кулак ладонью и сжав что есть силы.

– Но ведь считается, что архонт – лицо, подчиненное Совету приоров, – сказал Локк.

– Только на бумаге. У приоров есть великолепная пергаментная грамота, где именно так и написано. А у Страгоса по этому поводу есть особое мнение, подкрепленное армией и флотом.

– Прекрасно! И что же теперь делать?

– Вопрос, конечно, интересный... А позвольте осведомиться, господин Коста, неужели у вас иссякли встречные предложения, дерзкие замыслы и карточные фокусы?

Тут Локк решил, что настало время подчеркнуть маленькие человеческие слабости Леоканто Косты:

– Видите ли, пока наш заказчик был неким безымянным и безликим существом, ежемесячно присылавшим мешок денег, я твердо знал, что делать. А теперь все смешалось, и неведомые враги грозят отовсюду. Так вот, поскольку в этих сварах и дразгах вы разбираетесь много лучше меня, скажите мне, что делать, и я последую вашему совету.

– Гм... Между прочим, вас Страгос о нашем разговоре спрашивал?

– Нет. Скорее всего, он о нем и не знал. По-моему, просто так совпало, что нас с Жеромом к нему в тот же день привели.

– Вы уверены?

– Да.

– А скажите-ка мне, Леоканто, если бы вы узнали, что ваш заказчик – Страгос, до того, как вам представилась возможность развлечь меня карточными фокусами... Иначе говоря, решились бы вы на предательство, если бы заранее знали, кого именно предаете?

– Ну... – Локк притворно задумался. – Даже и не знаю, как бы я тогда поступил... Если бы я ему доверял или, к примеру, питал к нему теплые чувства, тогда, наверное, попросту прирезал бы Жерома, а сам остался бы на службе у Страгоса. Но дело-то в том, что Страгос нас за людей не считает... Мы для него все равно что крысы или там букашки какие... Страгос – наглый, самонадеянный подлец. Возомнил, что ему о нас с Жеромом все известно. Я его... В общем, не нравится он мне. А тут еще и яд этот...

– А, так у вас с ним долгий разговор был, – улыбнулся Реквин. – Что ж, это вполне объясняет вашу неприязнь. Итак, за место у меня на службе вам придется заплатить. Цена вопроса – Страгос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.